

С О Б Р А Н І Е
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Михайлы Васильевича Ломоносова.

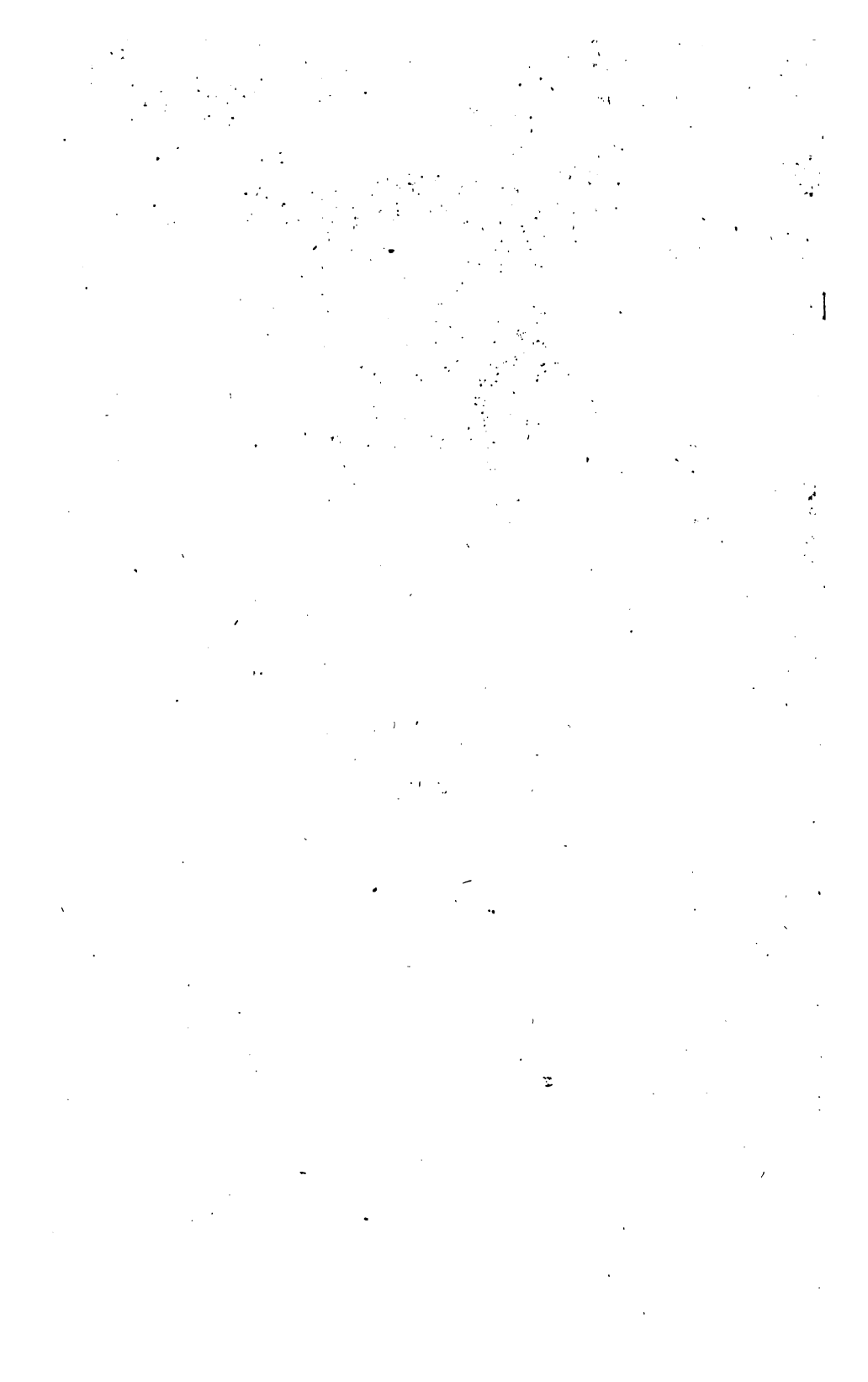
Издание новое исправленное,

съ присовокупленіемъ общошпелнаго описанія
сочинишелевой жизни, взяшья изъ Московскаго
и Академическаго изданія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

съ Указнаго дозволенія печатано въ типографіи
Шнора, 1803 года.

ПОЛИДОРЪ,

ИДИЛЛІЯ.

Его Сіятельству Графу Кириль Григорьевичу Разумовскому, 1750 года.

Въ оной разговариваютъ:

Калліона Муза.

Левкія Днѣпрская Нимфа.

Дафнисъ шамошней паспухъ.

Калліона.

Между прохладными Днѣпровскими сѣпругами,
Между зелеными и мягкими кущами
Тебя я поспѣишь пришла съ Каспальскихъ горъ,
Чшобъ радость мнѣ свою соединишь съ швоею,
Едино щасіе съ шобою я имѣю,
Единъ у насъ шеперь предшпашель Полидоръ.
БОГИНЯ, чшо поля проспранны управленъ,
И щедрою Парнасъ рукою украшаешъ,
Ему вручила жезль, чшобъ въ сихъ лугахъ пасши.

Левкія.

Доколѣ будешъ Днѣпръ въ брегахъ своихъ
крушишься,

Дошолѣ олшари здѣсь будущъ Ей куришься,
И лавры завсегда шоржешшвенны цвѣшти.

Здѣсь плески на лугахъ повсюду раздающся,

Часть II.

1

И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды ль-
юшся,

Избыточно цвѣшны даюшь свой нѣжной духъ,
И вѣшвѣми дерева красуюся, качаюшь,
И горы и лѣса Богиню возвышаюшь,
Чшо къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины пучныя, испочники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Калліона.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ шамъ ограду,
И чрезъ шебя Парнасъ почувсшвоваль ошраду,
Какъ влагу получивъ изсохшая земля.

Левкія.

Ты, Муза, прохладись подъ шѣнію гущою.

Калліона.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда ошь зною;
Мы сидемъ при водѣ на мягкую праву.
Теперь приспоенъ часъ сплешашъ вѣнки пре-
красны,

И Полидору пѣшь здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

Я вѣшвѣй и цвѣшковъ, Калліона! нарву.
Смошри, какъ зеленю вездѣ покрылись нивы,
И шихой Днѣпръ въ себѣ изображаешъ ивы,
Чшо гущо по крушымъ краямъ его расшупъ.
Играюшь Зефиры кудрявыхъ дровъ лисшами,
И нѣшашъ шеплыми душистой цвѣшь крылами.
Съ кошораго шума, свой пчелы медъ несущъ.

Каллиопа.

Приятной день шеперь намъ радость умно-
жаешь,

Подъ вѣшвѣми соловей свой свистъ усугуб-
ляешь,

Завидуя въ лугахъ поющимъ пасухамъ .

И овцы ужъ шрану съ ручьями позабыли,

И слухъ къ веселой ихъ игрѣ ужъ обрашпили,

И козы прыгають по звонкимъ ихъ спрунамъ.

Иной кладешь пучки, иной въ свирѣлку сви-
щешь,

Иной любезныя межъ деревьями ищешь,

Иной самъ прятешься опъ ней въ зеленой кустъ.

Левкия.

Хотя довольно насъ приятность услаждаетъ:

Однако больше всѣхъ меня увеселяешь

О Полидоръ пѣснь изъ Дафнисовыхъ услъ.

Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,

Цвѣшми на головѣ, цвѣшми между перспами,

Цвѣшми увишь вкругъ и посохъ и свирѣль.

Не шакъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журча-
нбѣ,

Не сполько голубиць мнѣ мило воркованье,

И сладкихъ соловьевъ не шакъ приятна шрѣль;

Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь роци оживляешь,

И имя, Полидоръ, шшокрашно повшоряешь.

Ахъ, Дафнисъ! пѣниемъ своимъ насъ услади.

Каллиопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ уго-
день:

Однако сельскихъ спрунь мнѣ сладокъ звонъ и
сродень:

Ты, Дафнисъ, звонкихъ пшницъ въ лугахъ здѣсь
поспыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, чшо нынѣ пѣль при-
спойно,

Чшо слуху вашего и чшо сихъ дней доспойно.

Ты, Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Каллиопа.

Зачни великія Богини добродѣшель,
Кошорой я сама и весь Парнасъ свидѣшель;
Пошомъ и сихъ долинъ довольсхва воспѣвай.

Левкія.

Запой, чшо видѣль шы, какъ былъ въ великомъ
градѣ,

И чшо при Нимфахъ пѣль въ Палемоновомъ спадѣ:

Мы спанемъ песпрые вѣночки завивашъ,

И въ голосъ къ швоему напѣву приспавашъ.

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги

И слушайше мой новой спихъ;

Усыпше, Нимфы, здѣсь дороги

Лилеями изъ рукъ своихъ;

Вездѣ вѣнками украшайше

Пригорки, доли и ручьи.

Каллиопа.

Верьхи Парнасски разцѣшайше.

Левкія.

Красуйшесь Днѣпрскія спруи!

Дафнисъ.

Великой будешь пусшь Богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О какъ я веселюся нынѣ,
Что видѣлъ очи и уста,
Онь коихъ радости почерпають
Широки сѣверны поля!

Каллиопа.

Верхи Парнасски разцвѣщаютъ.
Левкія,
Красуешься сія земля.

Дафнисъ.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онь предъ лицомъ Ея стоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О пихи въпры! развѣвайше
По всѣмъ лугамъ слова мой,

Каллиопа.

Верхи Парнасски разцвѣщаютъ,
Левкія.

Красуйшесь Днѣпрскія спруи.

Дафнисъ.

Вчерась меня кругомъ обспали
Паспушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали,
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ паспуховъ.

Каллиопа.

Верхи Парнасски украшаешь.

Левкія.

Онъ здѣшнихъ будешь чesшь луговъ.

Дафнісь.

Онъ одна передь другою,
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ,
Кошторой Полидоръ красою
Плѣнившись, поржесшвуешь самъ.
Я имъ сказаль: вы заплешите,
Нарвавши съ розами лилей.

Каллиопа.

На нихъ люблюсь, поглядише,

Левкія.

И думайше при шомъ объ ней.

Дафнісь.

Лозѣ подобно плодовишой
Она возлюбленнымъ плодомъ
Благословеніемъ покрышой
Наполнишь Полидоровъ домъ.
Пребудешь радосшь въ вѣкъ опныиъ,
На каждой умножаясь часъ.

Каллиопа.

Хвала безсмертная Богинѣ,

Левкія.

Украшившей его и насъ.

Д а ф н и с ь .

Ему поспѣшно наливайшесь
Пріятной сладоспью плоды,
Спорично овцы размножайшесь
И льшніе воловъ шруды.
Вы сладку росу поспѣшайше
Сбирашъ, прильжные рои.

К а л л и о п а .

Верьхи Парнасски разцвѣшайше.

Л е в к і я .

Красуйшесь Днѣпрскія спруи.

П И С Ь М О

Къ Ивану Ивановичу Шувалову,

Прекрасны лѣшни дни сія на исходѣ,
Богатство съ красошой обильно сыплюшъ въ міръ;
Надежда радостью кончается въ народѣ;
Нашура смертнымъ всѣмъ открыла общій пиръ.
Созрѣлы плоды древа опягощающъ,
И кажутъ солнечнымъ румянецъ свой лучамъ,
И руку жадную пригошшвомъ привлекающъ;
Что снятъ своей рукой, щощъ слаще плодъ
ушамъ.

Сіе довольствіе и красота всемѣсна
Не шокмо жищелямъ обильнѣйшихъ полей
Полезной роскошью является прелесшна,
Богинь влечетъ она приятностью своей.
Чершогн свѣшлые, блищаніе мешалловъ
Ошавивъ, на поля спѣшишь ЕЛИСАВЕТЬ.
Ты слѣдуешь за ней, любезный мой Шуваловъ!
Туда, гдѣ ей Цейлонъ и въ Сѣверѣ цвѣтешъ,
Гдѣ хипросшь масшершва преодолѣвъ природу,
Осеннимъ днямъ даетъ весны прекрасной видъ,
И принуждаешъ въ верхъ скакашъ высоко воду,
Хощя ей шягосшь въ низъ и жидкосшь щечъ
велишъ;

Толь многи радости, щощъ разныя ушѣхи
Не могутъ ошъ шебя Парнаскихъ горъ закрышъ.

Тебѣ пріяшны колы Россійскихъ Музы успѣхи,
То можно изъ швоей любви къ нимъ заключишь.
Ты будучи въ мѣспахъ, гдѣ дѣжнось обипаешь,
Какъ взглянешь на поля, какъ взглянешь на плоды,
Вспомяни, что мой покой духъ не знаешь,
Вспомяни мое раченье и шруды;
Межъ снѣнъ и при огнѣ лишъ шолько обрацаюсь;
Ошрада вся, когда о лѣшѣ я пишу;
О лѣшѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечшаніи ищю.
Однако лѣшо мнѣ съ весною возвраишся,
Я оныхъ красошой и въ зиму наслаждусь,
Когда мой духъ швоимъ пріяшншвомъ ободришся,
Копорое взнесши я на Парнассъ пошщусь.

П И С Ь М О

О пользе стекла Генералу Порутчику
Ивану Ивановичу Шувалову, 1752 году.

Неправо о вещах шѣ думаютъ, Шуваловъ!
Которые спекло члупшъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучемъ блиспающихъ въ глаза:
Не менша польза въ немъ, не менша въ немъ
краса.

Нерѣдко я для шой съ Парнасскихъ горъ спу-
скаюсь,

И нынѣ опть нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ побой въ возшоргѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злашу, но спеклу.
И какъ я оное хвалю, воспоминаю,
Не ломкосшь лживаго я щасстья представляю.
Не должно шѣвноспи примѣромъ шоебышъ,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушишь,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлишель:
Спекло имъ рождено; огонь его родишель.

Съ Нашурой нѣкогда онъ произвесшь хощя
Доспойное себя и оныя дшпя,
Во мрачной глубинѣ подь шягосшью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живешъ и борешся съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби зашворилъ,
Въ кошоры Океанъ на брань къ нему входилъ,
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И шягошу земли превыше облакъ вскинулъ:

Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь ,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не басношворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ одну опъ Зевеса ;
Но Ешна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ ,
Которая дала пушь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разженная рѣка шекла въ пучину ;
И свѣтъ опчаясь, мнилъ, что зришь свою судь-
бину.

Но ужасу шому послѣдовалъ конецъ :
Довольна чадомъ мапъ, доволенъ имъ опецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе опкрыли.
Но чтожь опъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное шекло.
Увидѣвъ смершныя, о какъ ему дивились!
Подобное шому сыскапъ искусствомъ шцились,
И было въ дѣлѣ семъ удачно маспершво :
Превысило своимъ раченемъ еспешшво.
Тѣмъ спало жишіе на свѣтѣ намъ шасшливо ;
Изъ чистаго шекла мы пьемъ вино и пиво ,
И видимъ въ немъ примѣръ безхипросшныхъ
сердецъ,
Кого лзя видѣшь сквозь, шопъ подлинно нелъ-
шпецъ.
Шекло въ напишкахъ намъ не можешъ скрышь
примѣсу ;
И чиста совѣшъ рвешъ пришворшвъ гнилу за-
вѣсу.

Но сполько ли уже, спекло, швоихъ похвалъ,
Чшо намъ въ шебѣ вино и медь самъ слаще
спаль?

Никакъ! сіе швоихъ достоинствъ лишь начало,
Кошоры маспершво шебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабосшми нашъ крашкій въ мі-
рѣ вѣкъ :

Нерѣдко впадаетъ въ болѣзни человекъ !

Онъ ищешъ помощи, хошя спасшисъ ошъ муки,
И жизнь свою, продлишь, врачамъ даешся въ
руки.

Нерѣдко намъ они опраду могушь дать,
Умѣвъ приличныя лѣкаршва предписашъ ;
Лѣкаршва, чшо въ спеклѣ храняшъ и соспа-
вляюшъ ,

Въ спеклѣ одномъ онѣ безвредны пребываюшъ.

Мы должны здравія и жизни часшъ спеклу;

Какую надлежишь ему принеспъ хвалу!

Хошъ вмѣсто онаго замсловаши Хины

Сосуды соспавляшъ нашли изъ чисшой глины;

Огромноспъ шяжкую плода лишенныхъ горъ

Художешвомъ своимъ преобращивъ въ фарфоръ,

Красой его къ себѣ народы привлекаюшъ ,

Чшо плавая, морей свирѣпосшъ презираюшъ :

Однако былъ бы онѣ почши просшой горшокъ,

Когда бы блескъ спекла дашъ помощи не могъ.

Оно входъ жидкихъ шѣлъ ошъ скважинъ ошвра-
щаешъ ,

Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изобрааешъ.

Имѣешь опть спекла часпъ крѣпости фарфоръ :
Но шое, что на немъ увеселяешь взоръ,
Сады, гульбы, пиры и все, что ешь прекрасно,
Спекло являешь намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Аппелдесъ,
И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
Коль пользы опть спекла приобрѣло велики,
Доказывающъ по Финифти, Мозаики,
Кошоры въ вѣкъ хранящъ геройскихъ бодрость
лицъ,
Пріятность нѣжную и красоту дѣвицъ;
Черезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрящся,
И вешкой древности грызенья не боящся.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
Спѣсняешь мразомъ насъ въ упругости своей;
Великой не шерца и спрогой перемѣны,
Скрываешь человекъ себя въ полстныя спѣны.
Онъ былъ бы принужденъ безъ свѣту въ нихъ
сидѣть;
Или съ дрожаніемъ неслосной хладъ шерпѣшь :
Но солнечны лучи онъ сквозь спекло выпускаешь,
И любовость холода чрезъ поже опвращаешь.
Ошворенному вдругъ и запертому бышь,
Не по ли мы зовемъ, что чудеса шворить?
Попомъ какъ человекъ зимой спалъ безопасень,
Еще припомъ желалъ, чтобъ цвѣль всегда пре-
красень

И въ сѣверныхъ спранахъ въ снѣгу зеленой садъ,
Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая хладъ ;
И удовольствовала онъ мысли прихотливы;
Зимою за стекломъ цвѣшны хранящей живы;
Даютъ пріятной духъ, увеселяющъ взоръ ,
И вамъ, красавицы, хранящъ себя въ уборъ.
Позволь, любитель Музъ, я рѣчь свою склоняю,
И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю;
И Музы съ оными единого родства;
Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.
Щасливой младостью швои цвѣшущи годы
И склонной похвалы и ласковой природы
Мой спихъ опъ оныхъ къ симъ пренесъ не
возбранящъ.

Прекрасной поль, о коль любезенъ вамъ нарядъ !
Дабы прельстивъ лицемъ любовныхъ суевѣровъ,
Какое множество вы знаете манеровъ;
И коль искусны вы уборъ перемѣнящъ,
Чтобъ въ каждой день себъ пріятноспъ нову
дашь!

Но былобъ ваше все спранье безъ успѣху,
Наряды ваши бы достойны были смѣху ,
Когдабъ вы въ зеркаль не видѣли себя.
Вы вдвое пригожи, стекло упошребя.
Когда блестящъ на васъ горящіе алмазы ,
Двойной кипищъ въ насъ жаръ сугубыя заразы.
Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны ,
Когда кругъ нихъ стекломъ цвѣшки наведены:
Вы кажешесь намъ въ нихъ пріятною весною,
Въ цвѣшакъ наряженной усыпанныхъ росю.

Во свѣшлыхъ зданіяхъ убранныхъ шаковы.
Но въ чемъ красуешься, о сельски Нимфы, вы?
Природа въ васъ любовь подобную вложила,
Желанья нѣжны въ васъ подобна движешъ сила;
Вы пакже украшашъ желаете себя.
За шѣмъ прохладныя поля свои любя,
Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилей,
Кладете ихъ на грудь, и вяжете кругъ шеи.
Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна!
Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
Когда лишасъ цвѣшовъ, поля у васъ блѣднѣюшъ,
Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣюшъ?
Безъ оныхъ что бы вамъ въ нагдахъ помогло,
Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привле-
каешъ,
Какъ блестящій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
Или еще на васъ въ немъ больша красота,
Когда любезная въ васъ свѣшитъ проспоша.

Такъ въ бисеръ стекло подобяся жем-
чугу,
Любимо по всему земному ходитъ кругу.
Имъ красится народъ въ полунощныхъ спешяхъ,
Имъ красится Арапъ на южныхъ берегахъ.
Въ Америкѣ живущъ, мы чаемъ, проспаки,
Что шамъ драгой мешалъ изъ сребреной рѣки
Даютъ Европскому купечеству охотно,
И бисеру берутъ количество несотно;

Но шѣмъ , я думаю , онѣ разумнѣй насъ ,
Чшо гоняшъ ошъ своихъ бѣдамъ причину глазъ ;
Имъ оны времена не будушъ въ вѣкъ забвенны ,
Какъ пали ихъ опщы для злаща побѣенны .
О коль ужасно зло ! На шо ли чѣловѣкъ
Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ ?
На шо ли разрушивъ ешпешвенны предѣлы ,
На ушломъ деревѣ обшелъ кругомъ свѣтъ цѣлмй ?
За шѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега ,
Чшобъ шамъ себя явишъ свирѣпаго врага ?
По шягосшномъ шрудѣ снесенномъ на пучинѣ ,
Гдѣ предалъ онъ себя на произволь судьбинѣ ,
Едва на швердый пушъ ошъ бурь избышъ успѣлъ ,
Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ .
Уже горяшъ Царей шамъ древнїя жилища ;
Вѣнци врагамъ корысшъ и плошъ ихъ вранамъ
лица !
И кости предковъ ихъ изъ золошыхъ гребовъ
Черезъ шшвы падаюшъ , къ смердящимъ шрупамъ
въ ровъ !
Съ перспшями руки прочъ и головы съ убран-
швомъ
Сѣкушъ несшпые и злашомъ и шيرانшвомъ .
Иныхъ свирѣпшвуя , въ средину гоняшъ горъ
Драгой мешалъ изрышъ изъ преглубокихъ норъ .
Смяшеніе и шпрахъ , оковы , гладъ и раны ,
Чшо наложили имъ въ работѣ ихъ шираны ,
Преняшшвовали имъ подземну хлябъ крѣпшшъ ,
чшобъ шягоша надъ ней могла недвижна бышъ .

Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
Безщасныя, или по истиннѣ блаженны,
Что вдруть избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
Работы шажкія, ругашельсшва и мукъ!

Оспавивъ Каспильянтъ невинносшъ шакъ по-
пранну,
Съ богащшвомъ въ опчешсшво спѣшишь по
Океану,
Надѣясь онымъ всю Европу вдруть купишь.
Но злшпомъ волнь морскихъ не можно ушопишь.
Подобный ихъ сердцама Борей поднявъ пучину,
Навель ихъ живошу и варварсшву кончину,
Погрязли въ глубинѣ съ сокровищемъ своимъ,
На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
То бури, шо враги шоль часшо ихъ шерзали,
Что рѣдко до береговъ желанныхъ доспигали.
О коль великой вредъ! опъ зла раждалось зло!
Виною шопликихъ бѣдъ бывало ли шекло?
Никакъ! оно вездѣ нашъ духъ увеселяешъ:
Полезно молодымъ, и спарымъ помогаешъ.

По долговременномъ печенъи нашихъ дней
Тупѣешъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее шого не предшавляешъ чувсшво,
Что кажешъ въ понкосшяхъ нашюра и искусшво.
Велика сердцу скорбь лишинься чпенъя книгъ;
Скучиѣ вѣчной шмы, шажелѣ верить!
Тогда прошивень день, веселіе досада!
Одно лишь намъ шекло въ сей бѣдносши опрада.

Часть II.

Оно способствіемъ искусства руки
Подашъ намъ зрѣніе умѣть чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ спектръ божественный имѣемъ?
Что чести доспойную, подашь ему коснемъ?

Взирая въ древности народы изумлены,
Что грѣшь, шочишь, льешь и свѣщишь огонь
врженный,

Иные божеску ему давали честь,
Иные знашь хощя, кшо съ неба могъ принесшь,
Предсхавили въ своемъ мечпаньи Промешя,
Что многи на землѣ художества умѣя,
Различныа казаль искусствомъ чудеса:
За шо Минервою былъ взятъ на небеса.
Похишилъ съ солнца огонь и смершнымъ опдалъ
въ руки.

Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны
звуки.

Продерзскаго къ горѣ великой приковадь,
И сильному орлу на разшерзанье даль.
Онъ сердце завсегда коварное шерзаешъ,
На коемъ снова плошь на муку выраспаешъ.
Тамъ слышанъ страшный спонъ, шамъ пляжа
цѣнь звучишь,

И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумишь.
О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымысль видимъ
ясно.

Пиши украшаешь хощя свои стихи,
Описывали казнъ за мнимые грѣхи.

Мы пламень солнечный спекломъ адсь полу-
чаемъ ,

И Прометею шѣмъ безбѣдно подражаемъ.

Ругаясь подлоспи нескладныхъ оныхъ вракъ ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ шабакъ :
И шолько лишъ о шомъ мы думаемъ , жалѣя,
Не сверглась въ пагубу наука Прометей ?

Не злясь ли на него невѣждъ свирѣпыхъ полкъ ,
На знашны замыслы сложилъ неправой шолкъ ?
Не наблюдалъ ли звѣздъ шогда сквозь шелескопы,
Чшо нынѣ воскресилъ шрудъ шасшливой Европы ?
Не огонь ли онъ спекломъ умѣлъ сводить съ
небесъ ,

И пагубу себѣ опъ варваровъ нанесъ ,
Чшо предали на казнь , обнесши чародѣемъ ?
Коль много шаковыхъ примѣровъ мы имѣемъ ,
Чшо зависшь скрывъ себя подъ свяшоспи по-
кровъ ,

И груба ревность съ ней на правду шпрояковъ ,
Опъ самой древности воюющъ многокранно ,
Чѣмъ много знанія погубло невозвратно !

Коль шочно зналибъ мы небесныя шпраны ,
Движеніе планетъ , шеченіе луны ,
Когда бы Аристархъ зависшлывимъ Клеаншомъ ,
Не названъ былъ въ судѣ нешповымъ Гиганшомъ ,
Дерзнувшимъ землю всю опъ шверди пошряшши ,
Кругъ центра своего , кругъ солнца обнесши ;
Дерзнувшимъ научашъ , чшо всѣ домашни боги
великой шерпяшъ шрудъ всегдашнія дороги ;
Вершишся вкругъ Непшунъ , Діана и Плупонъ ,
И шпраждушъ шужѣ казнь , какъ дерзской Иксіонъ ;

И неподвижная земли богиня Веспта
Къ упокою сьскашь не можешъ мѣспа.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почпенія боговъ
Закрышь былъ звѣздный міръ чрезъ множесиво
вѣковъ.

Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицемѣры,
Дабы она, опкрывъ величесиво шебесь,
И разносшь дивную невѣдомыхъ чудесь,
Не показала всѣмъ, что непоспизна сила
Единого Творца весь міръ сей сошворила.
Что Марсь, Непшунъ, Зевесь, все сонмище бо-
говъ

Не спояшь шучныхъ жершвъ, ниже подъ жер-
шву дровъ ;

Что агнцевъ и воловъ жрецы вѣдять напрасно :
Сіе одно, сіе казалось бышь опасно.

Ошшоль землю всѣ считали посредѣ.

Аспрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ
шрудѣ

Запушанъ циклами, пока возспалъ Коперникъ,
Презришель зависши и варваршву соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планешъ онъ солнце положиль,
Сугубое земли движеніе опкрывль.

Однимъ кругъ ценшра пушъ вседневный совер-
шаешъ,

Другимъ кругъ солнца годъ печенемъ оспа-
вляешъ,

Онъ циклы испинной системой разшерзалъ,
И правду почносшью явленій доказалъ.

Пошомъ Гугенія, Кеплеры и Невпоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ шомъ нѣтъ.
Клеанповъ не боясь, мы пишемъ всѣ согласно,
Что испиннѣ они прошивяшся напрасно.
Въ безмѣрномъ углубя проспранспвѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль, изъ свѣта въ свѣтъ
иной.

Вездѣ божественну премудросшь почишаемъ,
Въ благоговѣннѣи весь духъ свой погружаемъ.
Чудимся быспринѣ, чудимся пишинѣ,
Что Богъ успроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
Въ ужасной скороспи и купно бышь въ покоѣ,
Кшо чудо сошворить кромѣ его шакое?
Нась больше шакovy идеи веселяшь,
Какъ Божій нѣкогда описывая градъ,
Вечерній Августинъ (*) душою веселился.
О коль великимъ онъ возшоргомъ бы плѣнился,
Когдабъ разумну шварь шоль шѣсно невключалъ,
Подъ намибъ жишелей, какъ здѣсь, не оприцалъ,
Безъ Машемашики вселенной бы не мѣрилъ!
Что ешь Америка, напрасно онъ не вѣрилъ:
Доказываешь шю подземной Каполикъ,
Кадя злашой его въ кашелахъ новыхъ ликъ.
Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Магелланомъ
Кругъ свѣта ходимъ мы великимъ Океаномъ,

(*) О градѣ Божіи, книга 16 гл. 9.

И видимъ множесшво божеспвенныхъ шамъ дѣлъ,
Земель и оспрововъ, люлей, градовъ и сель,
Незнаемыхъ предъ шѣмъ и спранныхъ шамъ жи-
вошныхъ ,
Звѣрей и шищъ и рыбъ, плодовъ и шравъ не-
счопныхъ.

Возмише сей примѣръ , Клеаншы , ясно виявъ,
Коль много Августинъ въ семь мѣнѣи неправъ!
Онъ слово божіе упошреблялъ (*) напрасно,
Въ сисшемъ свѣша вы шождъ дѣлаеше власно.
Во зришельныхъ шрубахъ спекло являешъ намъ,
Колико даль Творецъ проспрансшво небесамъ:
Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяешъ:
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь яв-
ляешъ.

Кругъ солнца нашего среди другихъ планешъ
Земля съ ходящею кругъ ней Луной печешъ.
Копорую хошя весьма проспранну знаемъ,
Но къ свѣшу примѣнивъ, какъ почку предспа-
вляемъ.

Коль созданныхъ вещей проспранно ешеспшво !
О коль велико ихъ создаше Божеспшво!
О коль велика къ намъ щедрошъ его пучина,
Чшо на землю послалъ возлюбленного сына!
Не погнушался онъ на малой шаръ сойши,
Чшобы погибшаго спраданіемъ спсасши.
Чѣмъ меньше мы его щедрошъ досшойны зримся,
Тѣмъ больше благосши и милосши чудимся !

(*) Тамъ же.

Спекло приводишь насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденія шьму.
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ неложны,
Поспавлены Творцемъ; другіе невозможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенный вѣкъ
Чего не могъ дойти по онимъ человекъ?

Хоть оспрймъ взоромъ насъ природа ода-
рила,
Но близокъ онаго конца имѣеть сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажеть намъ вещей,
И собранныхъ прубой онъ пребуетъ лучей,
Коль многихъ пварей онъ еще не достигаешь,
Копорыхъ малой росъ предъ нами сокрываешь!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ ош-
крылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ живошныхъ сошворилъ.
Коль пенки члены ихъ, сосшавы, сердце, жилы,
И нервы, что храняшь въ себѣ живошны силы!
Не менше, нежели въ пучинѣ шяжкѣ кишъ,
Насъ малый червь часшей сложеніемъ дивишь.
Великъ Создащель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ спроеніи червей, скудели шѣсной!
Спекломъ познали мы шюлики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понгъ и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ росъ вещей, оно коль намъ пошребно!
Являешь справъ разборъ и знаніе врачебно.
Коль много Микроскопъ намъ шайношпей ош-
крылъ,
Невидимыхъ часпиць и шонкихъ въ шѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ спеклѣ намъ барометры,
Хомякъ предвозвѣщающъ, колъ скоро будутъ въ-
пры,
Коль скоро дождь гуспой на нивахъ зашумишь,
Иль облаки прогнавъ ихъ, солнце осушишь.
Надежда наша въ помъ обманами не льспишся,
Спекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Ошкрялись почно имъ движенія свѣшилъ :
Черезъ шожь ошкроешся въ погодахъ разноспъ
силъ.
Коль могутъ щасцливы селяне бытъ ошполъ,
Когда не будешь зной, ни дождь опасень въ полъ!
Какой способносши ждашь должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣшь или молчаешь волнамъ,
И плаваешь по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семь и горъ злапныхъ dospойно!

Далече до конца спеклу dospойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ dospалъ.
За шѣмъ уже слова похвальны оспавляю,
И что объ немъ писалъ, по дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминушь,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянушь.

Что можешь смерпнымъ бышь ужаснѣе у-
дара,
Съ кошорымъ молнія изъ облакъ блещешь яра?
Услышавъ въ шемношѣ внезапной прескъ и шумъ,
И видъ быспрой блескъ, мяшется слабый умъ;

Опъ гнѣвнаго часа желаешь, гдѣбъ укрѣшься;
Причины онаго изслѣдовашь спрашишься.
Дабы изполковашь, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ счишаешь онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмошрѣшь не смѣю,
Когда грозишь Опець намъ яроспью своею.
Но какъ онъ насъ казнишь, поднявъ въ пучинѣ
валь,

То грѣхъ ли по сказашъ, что въшромъ онъ на-
гналъ ?

Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли по сказашъ, что Ниль шамъ не
разлился ?

Подобно надлежишь о громѣ рассуждать.

Но блескъ и звукъ его не давъ главы подняшь,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи шодикомъ,
Что въ заблужденіи перяли путь великомъ,
И испинныхъ причинъ доспитнушь не могли,
Доколь дѣйствъ въ спеклѣ подобныхъ не нашла.
Вершая спеклянный шаръ, даешь удары съ бле-
скомъ,

Съ громовымъ сходшвенный сверканіемъ и пре-
скомъ.

Дивился сходству умъ ; но видя малоспъ силъ,
До лѣша прошлаго сомнишелень въ шомъ былъ,
Довольшвуя одни чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ шомъ перемѣнъ пріятныхъ дня и ночи;
И больше въ шомъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою спекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часно въ шомъ успѣхи вождельны.
О коль со древними дни наши несравнены!

Внезапно чудный слухъ по всѣмъ спранамъ шеп-
чешь,

Что ошь громовыхъ сирѣль опасносши ужъ нѣтъ.

Что шаже сила шучь гремящихъ мракъ наво-
дишь,

Копора ошь спекла движеніемъ изходишь ;

Что зная правила изысканны спекломъ,

Мы можемъ ошвратишь ошь хранишь нашихъ
громъ.

Единство оныхъ силъ доказано спократно:

Мы дѣша нынѣ ждемъ пріятнаго обрашно.

Тогда о истиннѣ спекло увѣришь насъ ,

Ужасный будешь ли безбѣденъ грома гласъ?

Европа нынѣ въ шо всю мысль свою вперила ,

И машинъ уже приспойны учредила.

Я свѣдѣя за ней, съ Парнаскихъ горъ схожу,

На время ко спеклу весь шрудъ свой приложу.

Ходя за шайнами въ искусствѣ и природѣ

Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.

ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала

Гласишь премудросши и щедросши дѣла.

Злашья времена! О крошкіе законы!

Народу своему прощаешь миліоны ;

И пользу общую ошечесшва прозря ,

Ученію велишь разширишь въ моря,

Умноживъ бодросшь въ немъ щедрошою своею!

А шы, о Меценашъ, предшашельствомъ предъ
Нею

Какой наукамъ пушь спарашся ошкрышь ,

Предъ свѣшомъ въ шомъ могу свидѣшель вѣрной
бышь.

Тебѣ похвальны всѣ, пріяшны и любезны,
Чшо щцащся поспигащя ученія полезны.

Мои посильные и малые шруды

Коль часшо передъ Ней воспоминаешъ имъ!

Услышенному бытъ Ея кропчайшимъ служомъ,

Ещѣ новымъ въ бышій живворищся духомъ!

Кшо кажешъ шарыхъ смыслъ во дняхъ еще мла-
дыхъ,

Тощъ будешъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ
сѣдыхъ.

Кшо склонносшь въ щасшій и доброшу являешъ,

Тощъ щасшіе себѣ недвижно ушверждаешъ.

Всякъ чувшвуешъ въ шебѣ и хвалишь обое,

И небо чаемихъ покажешъ сбышіе.

С Т И Х И

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Блаженныя памяти Государынѣ Импе-
ратрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,
на Фейерверкѣ изображающій благо-
денспивующую Россію, предспавленный
въ Санктпешербургѣ 1го Генваря, 1755
года.

Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, земля, спрана
и царство
Подобная спранѣ, Монархія, швоей?
Отъ запада швое просперлось Государство,
Отъ юга, сѣвера и ушренныхъ полей.
Какой Монархъ, возмогъ, чшобъ подѣ одну дер-
жаву
Народовъ множество шоликое собрать?
Чушь знающъ по рѣчамъ себя, лицу и нраву;
Но всѣ едина чшущъ Тебя, Россійска мать.

Какъ ушренимъ лучемъ пресполь швой
здѣсь сіяешь,
Другую часъ спраны швоей покоишь ночь;
Какъ ушрениа заря Камчашку озаряешь,
Вечерняа опсель шогда опходишь прочь;

Когда имѣешь ночь народъ швой южный льпомъ,
То сѣверный народъ въ шрудахъ полдневныхъ
бдишь;
Какъ звѣзднымъ Аспраханъ въ ночи блиспаешь
свѣшомъ,
То Кола въ поляйшемъ блиспаньи слонце зришь.

Все шо, что скипешъ швой, богиня, освѣ-
щаешь,
Вспокъ, западъ, сѣверъ, югъ усердіемъ горюшь,
Начавши опъ Двины огнь праздничной пылаешь,
По дальнѣйшей Амуръ, что Хинъ опъ насъ
дѣлишь.
И съ восклицаніемъ во всѣхъ спранахъ шумящимъ
Язъки разными вѣщаешь швой народъ;
Да човое шебъ и всѣмъ шебъ служащимъ.
Явишя щасіе въ начавшійся сей годъ.

Тебъ и всей швоей фамиліи, Богиня!
Благополучны дни обильный сыплешъ рогъ;
Тебъ раждаешя днесъ новая година
И съновымъ щасіемъ вступашъ въ швой чершогъ.
Да коломъ шакъ швоей судьбины обращаешь,
Какъ подданны шебъ щасшавыхъ просяшь дней,
Да вышше швой орелъ съ дня на день возле-
пашъ,
И щасіе двѣшешъ во всей спранѣ швоей.

П И С Ъ М О

поздравительное на возвращение изъ Лифляндіи его Сіяшельству Графу Григорью Григорьевичу Орлову Юля 19 дня, 1764 года.

Любишель чистыхъ Музъ , защитникъ ихъ
шрудовъ ,

О взоромъ, бодростію и мужествомъ Орловъ ,
Позволь проспершь имъ гласъ изъ мѣстъ уединенныхъ

На вспрѣчу, гдѣ ошъ спранъ БОГИНЯ оживлен-
ныхъ

Всѣхъ щедря и любя, спѣшишь Невы къ спруямъ
Оспрады обновишь, покой умножишь намъ ,
Гдѣ шы усердіе и вѣрносшь къ ней являешь ,
И сродно съ именемъ раченьемъ возлещаешь ,
Предвидишь издали благоугодносшь Ей ,
Минервѣ пысащи доспойной олшарей.

Куда ни поспѣшаешь снопы Ея доспигнуешь,
Тамъ должно храмы въ чесшь для вѣчноспи воз-
двигнуешь.

Лишь шолько начнешся пребыспрыхъ мыслей бѣгъ,
Предводишь польза ихъ и слѣдуешь успѣхъ.

Спокрашно шасшлѣвы Ея подѣ кровомъ нивы,
Гдѣ лавры собралъ ПЕТРЪ, Она сadiшь оливы.
Возносяшь грады шамъ въ веселии главы.

О какъ красуешься, Балшійски бреши, вы!

Тришоны съ Нимфами шамъ громко возклидають
И Амфишришы пушь Россійской прославляють.

Кроншпашскихъ вобразивъ за лѣпо шумъ валовъ,
Какъ радовались шѣ схождение боговъ!

ЕКАТЕРИНИНУ приходу въ длани плещущъ;
Торжественны огни среди нѣдръ влажныхъ блестящъ;

Сугубымъ ревомъ шамъ и пѣною порогъ
Спреминися къ низу, чши Монаршихъ свяшоснѣ
ногъ.

Пропивны нѣкогда, но нынѣ Россамъ свяшны
Ликующъ въ шоржешивѣ Ливонскіе расказы.
Крушишся веселясь въ спруяхъ своихъ Двина,
Оспрадой болѣе, какъ влагою полна.

Не спрашны шамъ ошвиѣ грозящи исполины:
Крѣпишъ премудрыя рука ЕКАТЕРИНЫ.

Для безошасности обильныхъ Росскихъ нѣдръ
Хранишъ преемница, чшо намъ успроилъ
ПЕТРЪ.

Крѣпишъ на западѣ, въ восшокъ разпроспра-
няешъ,

Судьба широки гдѣ враша Ей ошверзаешъ,
Народы многіе сыскавъ, ошъ зла покрышъ,
И знаніемъ добра и пользы просвѣшишъ.

Здѣсь шверды крѣпосши, здѣсь присшани и
флошы,

Прибѣжище своимъ и ошъ враговъ оплошны.
Снаряды значашъ всѣ прошивнымъ спрахъ, не
вредъ,

И въ безошасности чшобъ мирной былъ сосѣдъ.
Въ покоѣ богашшъ Монархиня насъ мыслишъ,
Чшо общее добро своимъ дозвошшвомъ числишъ,

Во всемъ опечесивѣ поспавишь правый судъ
И щедро награждашь усердныхъ вѣрный прудъ,
Блаженство подданныхъ возвысишь чрезъ науки,
Наградой ободряешь художественны руки,
Спасашъ несчастливыхъ, щасливыхъ умножаешь,
И бышь рабовъ своихъ возлюбленная Мать.

Подобно какъ весны благопріятно время
Живишь по всей землѣ и въ морѣ всяко племя,
Владычица красошь, напуры щедре дщерь
Когда богашествъ своихъ опроверзешъ полюк
дверь;

Зефиры нѣжные на воздухъ вылетаютъ,
Ушѣху, здравію повсюду разливаютъ,
И пчелы пестрыя сосушь въ лугахъ цвѣтны,
Сбирая сладостны себѣ и намъ сопы;
Поля, сѣада, жьса дають вездѣ надежду,
Гоповя намъ покровъ и пицу и одежду;
И все, что видимо въ богашомъ естествомъ,
Живешъ и движешся въ прудѣ и въ шоржестивѣ.
Неиначе народъ въ блаженствѣ успѣваетъ,
Что просвѣщенная БОГИНЯ покрываетъ;
Въ числѣ Монаршескихъ считаешъ вѣщшихъ дѣлъ
Внутри обласни снабдишь и укрѣпишь предѣлъ.

Се слава по пуцямъ Ливонскимъ разглашаетъ:
Монархиня лицемъ къ Пешрополю сіяетъ.
Въ воспоргѣ онъ приявъ желаемый сей слухъ,
Опъ чистыхъ Невскихъ спруй возводишь взоръ
и духъ.
И солнца своего привѣществуешъ возходу,
Ошкуду блестящъ свѣтъ Россійскому народу.

Желанія во всѣхъ, какъ шихихъ воднь игра
Приемлющихъ лучи чиспѣйшіе сребра, .
Повсюду блещущихъ опъ одного свѣсила ;
Такъ дѣйствуешь въ сердцахъ доброть Монар-
шихъ сила!

И зрю здѣсь въ радости довольствій об-
щихъ видѣ ,

Гдѣ Рудица, вьучисъ сквозь каменя , журчишь ,
Гдѣ дѣйствуешь вода, гдѣ дѣйствуешь и пламень,
Чтобы соспавишь мнѣ, или превысишь камень
Для сохраненія геройскихъ славныхъ дѣлъ ,
Что долгъ къ Опечесиву изобразишь велѣль,
Гдѣ Дщерь ПЕТРОВА мнѣ щедрою рукою
Награду воздала между шрудовъ къ покою ,
Трудовъ , что ободриль ЕКАТЕРИНИНЪ гласъ ,
И взоръ жизнь нову влилъ и воскресилъ Парнасъ!

Онъ будетъ сихъ даровъ безсмертннй про-
повѣдникъ.

А ты, о храбрыхъ дѣлъ опеческихъ наслѣдникъ,
Ты знаешь съ мужесшвомъ пріятнность сопря-
гашъ ,

Блющи Величешво и подданныхъ спасаешь ,

Великія дѣла соединяешь къ опрадѣ ,

И Марсу слѣдовашъ и угождашь Палладѣ.

Блажень родишель (*) швой , шакихъ намъ давъ
сыновъ ,

Не именовъ однимъ, но свойспвами Орловъ.

(*) Григорій Ивановичъ Орловъ служилъ Генера-
ль Маіоромъ, и по шомъ Новгородскимъ

Часть II

3

Онъ храбросшю ПЕТРУ усердспвоваль на брани:
Ты вѣрны Опчеспву разпрспширая длани,
ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ златой наукамъ обновиль.
Ликуюшъ Сѣверны спраны въ премудрой волѣ,
Чпо правда съ кропосшю сїяеть на Пресполь.
О коль прекрасны дни! • коль любезна Власть!
Герой! мы должны въ помъ шебѣ велику часпъ.

Губернашпоромъ съ общео опъ всѣхъ похвалою. Въ бывшую при Государѣ блаженныя памяти Имперашорѣ ПЕТРѢ Великомъ Шведскую и Турецкую войну находилса на всѣхъ бащалияхъ, и за оппичную его храбросшъ и прешерпѣнныя раны почпепъ былъ опъ Государя золошою цѣпью и поршрешомъ Его Величеспва. Родъ Орловыхъ произходишъ опъ древнихъ дворянъ Германскихъ изъ Польской Пруссїи.

НА ВСЕРАДОСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРЕВОСХОДСТВѢ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ АР-
ТИЛЛЕРІИ ПРЕДЪ СТАРОЮ

ГЕНЕРАЛОМЪ ФЕЛДЦЕЙГМЕСТЕРОМЪ

И

КАВАЛЕРОМЪ

ГРАФОМЪ ПЕТРОМЪ ИВАНОВИЧЕМЪ
ШУВАЛОВЫМЪ.

Для пользы обществу коль радостно шу-
дишься!

Отъ зависиши при шомъ коль скучно боро-
нишься!

Ты въ исправленіи гранадъ, доходовъ правъ,

Самъ дѣломъ испышалъ, шудолюбивый Графъ!

Тожъ чувствующъ въ себѣ рачители и други,

Копоры чпушь въ шебѣ къ ошечеству заслуги,

Сшараться о добрѣ, коль дозволяешь мочь,

День въ пользу провождашь и безъ покоя ночь,

И слышашъ о себѣ недоброхотны рѣчи

Не легче, какъ спояшь прошивъ кровавой сѣчи.

Кпо оны побѣдишь, шопъ подлинно герой.

Всѣмъ должно посшавляшь въ примѣръ послу-
покъ швой.

Раченіямъ швоимъ спосишники самъ Софшпель,

И правдѣ въ свѣщѣ ихъ МОНАРХІИЯ свидѣ-
шпель.

Намъ слава , спрахъ врагамъ въ полкахъ пвои
огни ;

Какъ прежде, шакъ и впредь пали, рази, гони.
Велико дѣло ешь повелѣвашъ полками.

Торжешвенно спояшь прошивныхъ надъ шѣлами,
И слышашъ радосный побѣдоносцевъ кликъ,
Презрѣвъ съ нимъ смѣшанный и спонъ и плачь
великъ ;

Спредишься къ будущей и брани и побѣдѣ,
И шѣмъ упоршво все искоренишь въ сосѣдѣ ;
Покой опечешву со славой принесши ,
Дабы могло попомъ въ безмолви цвѣспи.
Великой похвалы и шопъ въ войнѣ досшоень ,
Кпо мыслью со врагомъ сражаешся спокоень ;
Спокоень бранъ ведешъ искусствомъ хипрыхъ
рукъ ,

Гопова спрахъ врагамъ и смершоносный звукъ.
Не можешъ безъ шого ни мужешво геройско ,
Ни швердосшию силъ безчисленное войско
Противъ упорнаго прошивника спояшь:
Тущъ-нужда шребуешъ громъ громомъ опраешъ,
Чшобъ прежде мы, не насъ прошивны досягали,
И мы бы ихъ полки на часши раздробляли ;
И пламень бы враговъ въ скоропосшижный часъ
Опъ Росской арміи не разродясь погась.
И шакъ чшо вымысломъ одинъ изобрѣшашъ ,
Съ разумной храброщью другой упошребляешъ,
Похвальны обоихъ въ семь подвигъ шруды
Намъ мира принесушь желанные плоды.

Уже весну ведешь къ намъ свѣшлый предводи-
шель,

И ждешь вселенная, кшо будешь побѣдитель.

Тамъ Варша съ Одрою спруи свои крушишь,

И кажешь влажнѣсти огней ужасный видъ,

Чшо яросно при нихъ изъ Рускихъ рукъ зву-
чали,

И шакъ ихъ кровію прошивниковъ сгуцали.

Секвана и Дунай подъемлюшь въ верхъ главы,

Чшобъ слышашъ громъ и спукъ изшедшій опъ
Невы.

Тамъ Одра, Темза, Рень кровавы движушь волны;

Мушяпся во брегахъ съ надѣждой спраха полны.

Всѣ ждущъ, въ кошорый край надежда поле-
пишь.

Мнѣ весь Парнасъ сказалъ: шуда полкомъ спо-
ишь

Съ ЕЛИСАВЕТОЙ Богъ и храбрость Генераловъ,

Россійска грудь, пвои орудія, Шуваловъ.

ТАМИРА И СЕЛИМЪ

ТРАГЕДІЯ

МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНИЕ.

Въ сей Трагедіи изображается спихошворческимъ вымысломъ дозорная погибель гордаго Мамаю Царя Тапшарскаго, о кошоромъ изъ Россійской исторіи извѣстно, что онъ будучи побѣжденъ храбросцію Московскаго Государя Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ чепырю Князьями своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убишь ошъ своихъ. Въ дополнение сего предспавляешся здѣсь, что въ нашеспвие Мамаево на Россію Мумешъ Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружесство Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкошорымъ числомъ войска на вспоможеніе ошому. Въ ешъ ошсупшспвие Селимъ Царевичъ Багдадскій по повелѣнію ошца своего перешелъ чрезъ Нашолію, посадилъ войско на суда, шобы очиспить Черное Море ошъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдашское купечесство. Сіе учинивъ, приспунилъ подъ Кафу, въ кошорой Мумешъ будучи осажденъ, и не имѣя довольныхъ силъ къ супрошивленію, выпросилъ у Селима на нѣкошорое время перемиріе въ шомъ намѣреніи, шобы между шѣмъ дождашся обрашно съ войсками сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходишь въ Кафѣ знашнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Муметь Царь Крымскій.

Мамай Царь Ташарскій.

Тамира Царевна Крымская, дочь Мумешова.

Селимъ Царевичъ Багдашскій.

Нарсимъ Царевичъ Крымскій, брательнъ Тамиринъ.

Надиръ брательнъ Мумешовъ.

Заисанъ Визиръ Мумешовъ.

Клеона мамка Тамирина.

Два вѣстника.

Воины.

Д Ъ Й С Т В І Е П Е Р В О Е.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Т А М И Р А И К Л Е О Н А.

Т А М И Р А.

Наспалъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропусшивъ сквозь царь густой лучи,
Даешь печальной знакъ къ военной непогодѣ:
Любезна пишина минула въ сей ноци.

Опець мой воинству гошовишься къ ошпору
И на спѣнахъ спояшь уже вчера вельѣ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чшобъ прямо успремишь на городъ шучу спрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя ошъ возносился,
Копорой съ высокоу на агнца хочешъ пасшь;
И быспрой конь подѣ нимъ какъ бурной вихрь
крупился,

Селимово казалъ проворшво шѣмъ и власшь.
Онъ ѣздилъ по полкамъ, пока цѣнь мрачной ноци
Закрыла ошъ меня поля, его и спрой.

Попомъ и помныя хопя сомкнулись очи,
Однако видѣла его передѣ собой.

Во снѣ ли было шо, или шо было въ явѣ:
Смуцался мысльми сонъ, смуцались мысли сномъ.
Селимъ казался мнѣ великолѣпень въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ,

Какъ въ перемирны дни скакаль передѣ спѣнами,
Искусшвомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превѣ-
шалъ,

И стрѣлы пущенны уже подь облаками
Направленными въ слѣды стрѣлами разсѣкаль.

КЛЕОНА.

Багдапско воинство умножилось безъ счета!
При восходѣ свѣшляя я видѣла луны,
Что мосты и пуши и городски вороша
Противныхъ силою вездѣ посажены.
Ночно молчаніе боязнь усугубляло,
И слезы по лицу блѣднѣющихъ лились.

ТАМИРА.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало:
Клеона! посмотри и скоро возвращись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА одна.

О какъ смущень мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ прошиву спѣшь спойшь напереди.
Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзалъ стрѣлы ошъ насъ въ его груди!
Я ей не чаю бышь шакого кровопивца,
Ктобъ съ умыслу копѣль направилъ лукъ въ него!
О небо, ошврати свирѣпаго убивца,
И сокрушишь не дай шѣмъ сердца моего!
Ахъ! что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я шѣмъ родишеля и Бога прогнѣваю,
Что общаго врага опечесшву жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?
Однакъ и безъ любви емуль жадашь мнѣ року?
Тошъ злою львицею въ пущныхъ горахъ рождень,

Кшо видя съ младоспью природу въ немъ високу,
Къ жалвнiю по немъ не будещь побужденъ.

Чшо онъ прошиву насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должнѣши веляшъ.

И какъ родишельской не согласишья волѣ?

Опець его! опець, не онъ намъ сопоспашъ.

Онъ щаспливъ, чшо ему еспъ въ спаросши за-
мѣна.

Благополучна мапъ, чшо въ свѣпъ произвела!

И ежелъ еспъ сеспра, шо коль она блаженна,

Чшо съ лѣпъ младенческихъ съ нимъ купно воз-
расла!

Но коль родилась ша на свѣпъ благополучно,

Кошпорой щедрая успроила судьба.

Чшобы съ Селимомъ жишъ до смерти неразлучно!

О какъ волнуясь я! какая внупръ борьба!

Теперь я признаю, чшо нѣкошпора сила!

Неоспорожной духъ уже взяла во власпъ,

И сердце нѣжное къ Селиму прѣклонила:

Къ нему я чувспвую въ себѣ любовну спраспъ!

Любовь меня влечешъ его смощрѣшъ на спѣны.

Куда? и какъ? или на спрѣлы успремлюсь,

Чшо нынѣ, прошивъ насъ шумяшъ какъ градъ сгу-
щеннй?

Но я уязвлена; и спрѣлъ ужъ не боюсь.

Ахъ чшо шерзаюсь я безчаспная, не зная!

Селиму можешъ бышъ въ опечеспвѣ своемъ

Любима и любви залогъ взяла иная;

О чемъ крушуся я не разсуда о чемъ?

Суровая война! шпобю учинилось,

Что шопъ прошивникъ нашъ, копорого люблю!
Однако гдѣ бы мнѣ видашь его случилось?
Я время суешнымъ мечпаніемъ гублю.
Не лучше ли просишь опъ вѣрныя совѣту,
И способовъ скорѣй къ опрадѣ мнѣ искашь?
Однако ждашь могуль ушѣшнаго опшѣту?
И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказашь?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира и Клеона.

Клеона.

Преспанъ себя смущаешь, дражайшая Царевна!
Какія вижу я премѣны на лицѣ!
Оспавъ боязнь : въ сей часъ минешь судьбина
гнѣвна ;
Весь спрахъ мнѣ кажешся при самомъ бышѣ концѣ.

Тамира.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопо-
спашы ,
И преврашился спрахъ въ опчаянну печаль ?

Клеона.

Теперь всходила я въ высокія палашы ,
И на Багдашскіе полки смошрѣла въ даль.

Тамира.

Ты видѣла полки — шы видѣла Селима?

Клеона.

Я видѣла, что онъ опшелъ уже опъ спѣнъ ,
И кажешся, что прочъ совсѣмъ идешь опъ Крыма,

Невѣдомо какой причиной побужденъ ;
Я чаю, ушомясь, не хочешь больше бою.

Т а м и р а .

Никакъ ему какой предашь измѣнилъ ,
Или опець обяшь нечаянно войною ,
И пребуешь себѣ его на помочь силъ .
Я чаяла конца , и по паденьи мнимомъ
Оплакавъ кровь гражданъ и спѣнь оставшій
прахъ ,
Мнѣ будетъ слѣдовашь во узахъ за Селимомъ ,
И при Евфрапскихъ жишь невольницей брегахъ .

К л е о н а .

Топшь ужась миноваль: военные снаряды
Противники всходя , на корабли несущъ .
Кафа избавилась опть грозныя осады .
Чшо слезы по лицу , дражайшая, шекушь ?
Никакъ опть радости ? однако въздыханья
И швой прискорбной взоръ иное кажушь мнѣ .
Или ужасныя и грозныя мечшанья
Обезпокоили младую жизнь во снѣ ?
Или враги въ ночномъ призракъ побѣдили ?
Никакъ предшавилось паденіе сихъ спѣнь ,
Чшо Крымски города и села дущны были ,
Чшо Царь и домъ его былъ взяшь въ поносной
плѣнь ?

Т а м и р а .

Ахъ! ешълибъ шо былъ сонъ, шобъ съ мракомъ
разрушился !
Однако бы и сонъ шакой меня плѣнилъ .

Клеона.

Или швой нѣжной духъ любовью узвѣлся?
Но кпо же бы шебя въ любовь нынѣ уловилъ?
Скажи, Царевна! мнѣ; или шому бытъ можно,
Чшобъ шайны мнѣ швоей не должно было знашь?

Тамира.

Чшо хочешъ слышалъ шы, шо спранно и без-
божно,
Нигдѣ не слыхаю, и ужасно сказашь!

Клеона.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, кошорыми носила
Тебя въ младенчешствѣ, смущенье опложи,
И вспомни, какъ шебѣ я искренне служила:
Не обинуюсь мнѣ шоску свою скажи.
Чѣмъ даѣе она въ закрышii шайшся,
Тѣмъ духъ шерзаешся сильнѣе ошъ нея;
Но ешшли объявишь, шо можешъ ушопишься,
Иль бышь умѣренна попомъ печаль швол.

Тамира.

Любезная моя и вѣрная Клеона!
Коль шяшко мучусь я?

Клеона.

О небо!

Тамира.

Ахъ Селимъ!

Пропивница ошцу, прешупница закона!
Врагомъ опечешва, и можень бышь, своимъ...

Клеона.

О Боже мой! никакъ шы шайно согласилась
И хочешъ для любви опечешиво предашь?

Т а м и р а .

То небо опврати! довольно, что прельстилась;
Пресупно и любви прошивничей желашь.
Я бодрость и лице, Клеона, представляя,
Горю, и пламень мой гашениемъ распешь.
Не знаю, что начашь; скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлашъ мнѣ шеперь? когда онъ прочь идетъ?
Уже всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились;
Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ
плаву,

И горы Крымскія опъ насъ изъ виду скрылись!
Какой объемлешъ хладъ и мракъ мою главу!
Уѣдешъ о моей любви неизвѣспень,
И слезъ моихъ себѣ не будешъ представляшъ!
За шѣмъ ли шы, Селимъ! казался мнѣ прелеспенъ,
Чтобъ вѣчно по себѣ безъ пользы воздыхашъ?

К л е о н а .

Царевна, шы поску напрасно умножаешъ.
Послѣдуй моему совѣшу и забудь
Пусшы мечшанія, чѣмъ мысль опягощаешъ,
И кровь кипящую къ спокойствию принудь.
Селимъ, я слышала, о нѣжности не знаешъ.
Онъ въ полѣ шолько жившъ и на спяну привыкъ,
За полное свое блаженство почишаешъ,
Когда оружною прескъ и въ войскѣ слышишъ
крикъ,

Какъ шѣны падаюшъ и города дымяшся,
Когда мечи блестяшъ, шечешъ по копьямъ кровь.
Ты сердцу дай покой и полно сокрушаешся;
Не могушъ вмѣстѣ бышъ свирѣпство и любовь.

Часть II.

Т а м и р а .

За нимъ бы слѣдовашь ни горы мнѣ высоки,
Ни конскимъ попошомъ смущенный въ полѣ прахъ,
Ни копыя, ни мечи, ниже кровавы шоки,
Ниже какой иной не возбранилъ бы спрахъ.
Любовію горящъ нерѣдко и Герои;
Опъ ней избавишься не можно никому,
Кому любезнѣ сраженія и бои
И жишъ всегда въ шапрахъ, какъ брашу моему?
Однако нынѣ онъ послѣдуя Мамаю,
Хоши въ Россійской край пошолъ вооруженъ;
Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
Всѣ мысли клонишъ къ шой, кошорой уязвленъ.
Возлюбленный мой брапъ! когдабъ шы здѣсь былъ
нынѣ,
То ябъ въ опчаянны шолікомъ не была;
Ты сдѣлалъ бы конецъ жестпокой сей судьбинѣ,
Илибъ не допустилъ сего въ началѣ зла.
Ты даль бы споробъ мнѣ увидѣшься съ Селимомъ;
Или бы къ симъ его не допустилъ спѣнамъ,
И я бы не была въ мученіи несперпимомъ,
Не показавъ шакой пріятности очамъ.
Теперь послушенъ шы неисповому звѣрю,
Въ кошоромъ варваршво и гордосшь мнѣ гнусна,
Кичливому ни въ чемъ Мамаю я не вѣрю,
Ему вселенная къ владѣнію шѣсна.
Подумаъ о своемъ возлюбленномъ Нарсимѣ,
Боюсь, чпобъ не поспигъ шакой его конецъ,
Чпю плачь бы произвелъ и неспроенъ въ Крымѣ.

К л е о н а .

Царевна! вошь идееть дражайшій швой ошець.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Тамира и Клеона.

Муметь.

Прошла военная гроза и неуспройшво ,
Желанной миръ наспаль, возлюбленная дочь,
И ушверждаешся надежное спокойшво,
Въ союзъ со мной вспунивъ , Селимъ опходипшъ
прочь.

Поспавленный сей миръ мнѣ больше шѣмъ при-
пешъ ,

Чшо выгоды онъ мнѣ нечаянны принесъ :
Съ начала случай сей едва мнѣ былъ поняшенъ ,
Чшо радоспъ намъ пришла внезапно вмѣспо слезъ.
Однако нынѣ я причину вижу ясно ;
За чѣмъ спѣшишъ въ союзъ со мной вспунипшъ
Селимъ :

Ему прибышпѣ Нарсимова ужасно,
Чшо скоро съ воинспвомъ назадъ придетшъ моимъ.
Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
Пришла мнѣ радоспна, ему печальна вѣспъ ,
Чшо Росская спрана подверглась вся Мамаю ,
И сынъ мой поспѣшишъ полки сюда привеспъ.
Сего дня лишь заря намъ свѣшъ предвозвѣспила,
Съ поспѣшносшью гонецъ прибѣгъ съ Донскихъ
полей,

И вѣспъ принесъ, чшо вся Ордынска къ бою сила
Прошиву Россовъ шла и Россы прошивъ ней.
Но Ольгъ Рѣзанскій Князь и Князь Олгердъ Ли-
повскій

Свои къ Мамаевымъ поспавили полки ,

И съ мадымъ воинствомъ Димитрій Князь Мо-
сковскій

Противу спашь дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.

Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,

Съ свирѣпой яросшью въ зажженный дуешь лѣсъ;

Дымъ, пепель, пламень, жаръ восхишивъ за собою,

И въ вихрь крушой завивъ, возносишь до небесъ,

И нивы на поляхъ окрешныхъ поадаешь,

И села и вкругъ нихъ распушіе плоды;

Надежды селянинъ лишившись, осшавляешь

Ревущему огню вселшные пруды.

Подобно шакъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ

Противъ Димитрія Ордамъ лешшь велья,

И въ мужешвъ спремясь на полкъ противный
яромъ ,

Скакаль съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи шъль.

Россійскія въ крови повержены знамена ,

И Князь Московскій былъ опшсюду окружень ,

И сила войскъ его слабъла ушъсненна :

Сомнѣнья нѣшь, что онъ Мамаемъ побъжденъ.

Т а м и р а .

Мнѣ равно какъ тебѣ, родишель мой ! пріятно ,

Что радосшная вѣсшь пришла въ спасенный градъ ;

Однако будешь мнѣ ушъшнѣе спокрашно ,

Когда пріѣдешь здравъ возлюбленный мой братъ !

Ахъ небо , помоги желаннаго достигнушь ,

И посшъши къ концу намъреній моихъ .

М а м е т ь .

Я къ большей радосши могу тебѣ подвигнушь .

Возлюбленная дочь ! Мамай тебѣ женихъ .

Тамира.

Мамай! о боже мой;

Муметь.

Воспока обладатель

И побѣдишель всѣхъ полночныхъ нынѣ спрань,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріишель
Судьбой и мной шебѣ въ супружештво избрань.
Имѣя многіе подѣ обласиью народы,
Тамира, будешъ онѣ шобою жишь плѣненъ,
И спанешъ оной плѣнъ дороже чиишь свободы,
Хошя ему воспокъ и сѣверъ покорень.
Возлюбленная дочъ, чшо очы пошупляешъ?
Я спыдъ дѣвической въ шебѣ весьма хвалю:
И чшо вздыхаючи, шы браша ожидаешъ,
Природную къ нему любовь швою люблю:
Однако нынѣ шы похвальную спыдливосшь
И мысли смущныя о брашѣ опложи,
И на опеческу смошря неперпѣливосшь,
Согласна ли шы мнѣ, немедленно скажи.

Тамира.

Чшо я съ младенчештва родишельскую волю
Привыкла исполняшь, довольно знаешъ самъ;
Своею почишашъ не оприцаюшь долю,
Кощорую мнѣ дашь угодно небесамъ.
Однако разсуди мои младыя лѣща,
И въ возрастѣ мнѣ пришши въ дому швоемъ
 позволь:
Я буду почишашъ, чшо я жигу виѣ свѣща
Какъ ешпыли безъ тебя я буду жишь средъ поль.
И какъ подумашъ мнѣ, чшо я мила Мамаю?
И какъ могу сказашь, чшобы онѣ мнѣ бмлъ миль,

Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно бы пльнилъ?

Мумѣтъ.

Оспавъ о семь пы мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будешь поль межъ васъ крѣпка лю-
бовь,

Что лишь пвое со мной минуешь разлученье,
То будешь къ одному кипѣшь Мамаю кровь.
Ты долженъ спвуешь мой въ воспокъ іродъ воз-
спавишь

И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ ушвердишь,
Умножишь нашу мочь и съ нимъ себя прославишь;
Мнѣ польза, чешъ, шебѣ велишь его любишь.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамира и Клеона.

Тамира.

Война и миръ прошивъ моей любви воюешь.
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынѣ, Клеона, миръ свирѣпѣ враждуешь,
Меня сильнѣ буръ колеблешь шишина.
Сугубымъ бременемъ за что опягощаюсь?
Въ супружесство даюшь пому, кто мнѣ поспылъ!
Довольноль, что того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашла мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще война понынѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь полько спрахъ:
Мнѣ лучше, еспьлибъ я Селиму въ пльнѣ доспа-
лась,
Какъ славно царспвовашь въ Мамаевыхъ спранахъ.

Ахъ! еспьлибъ было шо, и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горипъ;
То слезъ попокъ проливъ, опцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ побою говорипъ.
Онъ видя искренносшь, на плачь бы преклонилъ,
И нашу можешъ бышь любовь бы ушвердилъ.
Илибъ и мой живощъ съ надеждой прекрашися.
Въ спокойсшвѣ, что уже Селимъ меня любилъ,
Но нынѣ ненависшь въ одну спрану склоняешъ,
Въ другу опчаянше нещасшную влечешъ.
Какъ на морѣ корабль, шо буря похищаешъ,
То водъ спремленіе прошивъ нея несешъ;
Такъ я прошивными спрасшями вдругъ борима,
Не чая одолѣшь, должна прошивъ спояшъ.
Опчаявшися имѣшь въ супружесшвѣ Селима,
Опчаявшися любипъ Мамай, что начашъ?

Клеона.

Ахъ! лучше шо избрашъ, что подлинно извѣсшно,
Какъ онаго желашъ, чему не можно бышь.
Хотя Селимово лице шебѣ прелесшно;
Но праву слѣдуя, спарайся позабышь.

Тамира.

Довольно бы шого, что права и законы
Во обузданіи любовну спрасшь крѣпяшъ;
Довольно ошъ спыда любовникамъ препоны,
Когда взаимной жаръ другъ въ другѣ знашъ хо-
пяшъ.

Но развращенной вѣкъ насильсшва умножаешъ;
Ощеческа гроза, богашсшво, родъ и чесшъ

Коль многихъ въ вѣчное несчастіе погружаетъ
Любви желающихъ доспашки предпочесть.
Какая польза въ шомъ, что злагомъ испещренный
И каменемъ драгимъ въ глазахъ блеснишь чер-
шогъ,

Когда мой будетъ духъ отъ онихъ опвращенный
Къ шому всегда впередъ, чего имѣшь не могъ.

Дабы на мало лѣтъ воспановишь союзъ,

Родищели дають свою залогомъ кровь,

На дѣшкія сердца кладушь несносны узъ:

Въ какой неволѣ шм, дражайшая любовь!

Я вамъ завидую, кошоры опдаленно

Ошь гордыхъ сихъ палашь живеше въ шипинѣ:

У васъ веселіе равно и непременно,

И прямо щасливы лишь шолько вы однѣ;

У васъ вольна ошь узъ живешъ любовь свяшая;

У васъ не для опцовъ, но любяшь для себя,

Союзовъ никакихъ, ни выгодъ не считаая,

Но склонносшь лишь своихъ сердець упошребя.

Коль щаслива былабъ, коль щаслива Тамира!

Когдабъ съ ней билъ Селимъ въ одномъ лугу па-
спухъ:

Не злаго, не вѣнцы, не царская порфира,

Но вѣрнаябъ любовь соединила двухъ.

К л е о н а.

Одно шебъ еще прибѣжище оспалось.

Ты дядь мысль сію, Царевна! ~~объясни~~;

Слѣши, пойдемъ пока совсѣмъ не основалось

Супружесшво швоей прошивное любви.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Селимъ и Надиръ.

Надиръ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на себя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ.
Такое его былъ взоръ и бодрость въ немъ шакала,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, кошораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекрасный берегъ Геонскихъ водъ свидѣ-
тель.

Селимъ.

Съдины вижу шѣ, и шѣ черны чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Кошораго понынь мѣста воспоминаюшъ,
Гдѣ праведна еще цвѣшешь хвала швоя,
Хотя и никому швой Царской родъ незнаемъ,
Кошорой и друзьямъ швоимъ былъ пошаненъ,
Но гдѣ швой сынъ, мой другъ?

Надиръ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.

Однако онъ Царемъ не мной на свѣсть рожденъ.
Родившись ошъ одной съ Мумешомъ я упиробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня ошцомъ;
И не хотя, какъ шы ошкрышъ своей особы,
Высочесшво шамлъ въ названіи проспомъ.

Селимъ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ брашь Тамиръ!
Пріяшель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
То можешь быть при семъ возобновленномъ мирѣ
Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

Надиръ.

Его обращно Царь всечасно ожидаешь.

Селимъ.

Однако и швоя поможешь мнѣ пріязнъ.
Позволь мнѣ объявишь, чего мой духъ желаешь;
Узнаешь нынѣшнихъ ошъ прежней мысли разнь.
Тебѣ всѣ склонности и жизнь моя извѣсна,
Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ шобой,
Бывала красота очамъ моимъ прелесна?
Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
Всегда исполненъ шѣмъ, что мудрые (*) Браминъ
Съ младенческа въ моей оспавили крови,
Напасши презирашь, безъ спраху ждашь кончины
Имѣшь недвижимъ духъ и бѣгаешь ошъ любви;
Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власши,
Мой нравъ былъ всегда уму порабощенъ,
Преодолены я имѣлъ подѣ игомъ шпрасши,
И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
Другихъ волненія смошрѣлъ всегда со берегу.
Но нынѣ подѣ общей я подверженъ спалъ законъ,
И мыслей быспраго сдержашъ не силенъ бѣгу,
Я имъ послѣдую и опсдаюсь въ полонъ.

(*) Индѣйскіе Философы.

Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду ,
Любовь изпоргнула изъ рукъ военныхъ мечъ ;
Тамира , не полки была защита граду ,
Она мнѣ шлемъ съ главы , броню сложила съ плечь .

Надиръ .

Что слышу я ? и какъ ?

Селимъ .

Сквозь самы шверды спѣны ,
Межъ копей , межъ щиповъ любви свободенъ пушь .
Я въ перемирны дни на градъ сей ушѣсненны ,
Приблизившись ко рву , едва успѣлъ взглянушь ,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы .
Смущенъ и изумленъ спросилъ , какъ ѣхаль прочь :
Мнѣ плѣнникъ объявилъ , что смопряшь мушь
дѣвицы ,

И что Мумешова въ срединѣ оныхъ дочь .
Съ шого часа война въ крови моей возспала .
Я вамъ спокойшво давъ , съ собою брань имѣлъ .
Любовь посшавишь миръ , чешь къ бою побу-
ждала .

Вчера любовну спрасшь мой разумъ одолѣлъ .
Я въ руки принялъ мечъ ; но сердце вопіяло :
Селимъ , на шо ли шы дерзаешъ успремленъ ,
Чшобъ око нѣжное на кровь гражданъ взирало ,
Которое меня въ пріяшной взяло плѣнъ ,
И чшобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Опшъ падающихъ спѣнъ покрылъ сгущенный
прахъ ?

Я симъ движеніямъ прошивилъ напрасно ,
И удержашъ не могъ оружія въ рукахъ .

Дражайшій мой Надирь! познавъ причину мира,
И дружбу вспомянувъ, пощись мнѣ пособить.
Царю напомяни, что можешь лишь Тамира
Триумфъ мой и сихъ спѣвъ мнѣ цѣлоснѣ за-
плашишь.

Надирь.

Твои заслуги мзды шлоликія доспойны,
Доспойны качествъ, и славный Царскій родъ:
Ты мысли между шѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда швой объявлю Царю сюда приходить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира, Селимъ и Клеона.

Тамира.

Опраду можешь бышь въ моей печали крайней
Вшорой мнѣ дасшь ошець . . . , кого я вижу здѣсь?
Клеона, ахъ! куда?

Клеона.

О случай невзначайной!

* Селимъ.

О радосиной восшоргъ! я цѣпенѣю весь!
Драгая, не мяшись симъ взѣромъ необычнымъ,
Но слуху своего гласъ слезный удоспой,
И красощъ швоей воззрѣніемъ приличнымъ
Трепещущую кровь и сердце успокой.
Хотя учливоснѣ мнѣ и скремноснѣ возбраняещъ
Продерзосшную мысль ошчаянно ошкрышь;
Но время крашкое ошнюдь не позволяещъ
И сердце не даещъ движенія шайшь.

(сшановишсѣ на колѣна.)

Ты видишь предъ собой , прекрасная Царевна!
Тобой плѣнннаго презришела любви ;
Тобой мнѣ будешь жизнь блаженна, иль плачевна,
Коль хочешь оживи, коль хочешь умершви.

Тамира.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ !
Тебя , Селимъ ! себя могу я умершвишь ?
Коль спранна рѣчь ! (поднимаетъ его.)

Селимъ.

Твоимъ пронзено сердце взоромъ
Вуншующей душѣ велишь швоею бышь.
Вошще прощивъ тебѣ , прощивъ себя воюю ;
У спѣнь , въ полкахъ , въ поляхъ швою срѣщаю
шѣнь,

И въ шрубный шумъ швое я въ мысли имя чую,
Тебѣ мнѣ мракъ ночной и яснышъ кажешь въ день.
Прѣшносшпей швоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяешь ;
Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.

Недвижимый мой духъ и крѣпосщъ ошпаляетъ,
Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.

На горькое смошря , дражайшая , мученье,
Повѣрь , что мой живощъ въ любезной сей рукѣ!

Тамира.

Какое дашь могу тебѣ я облегченье ,
Въ люшѣйшей будучи погружена шоскъ ?

Селимъ.

Дражайшая , какой свирѣпосши возможно
Тебѣ малѣйшую прощивносщъ учинишь ?
Какое сердце ешь на свѣшѣ шоль безбожно,
Кощорое тебѣ держаетъ оскорбишь ?

Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ,
И надаюшь изъ рукъ и коныя и щипы,
Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный упихаешь
Удержанъ силою поликой красоты!
Но ешьли ты меня, драгая, удостоишь
Причину своего смущенія узнать;
То свой ты черезъ шо и мой духъ успокоишь:
Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
На все любовь моя гошова устремишься,
Гошова всѣ бѣды и смерть въ ничшо вмѣнишь;
Лишь шолько бы швоей опрадой веселишься,
И чшобъ любовь швою взаимно заслужишь.

Т а м и р а.

Ахъ шщепны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
Гонимой опъ своихъ поможетъ ли чужой?
Однѣ ошпались мнѣ со плачемъ въздыханья:
Не множь ихъ, и себя опъ глазъ моихъ укрой.
Меня судьба зоветь и должностъ понуждаетъ
Ошавишь здѣшній градъ и въ дальній край спѣ-
шишь,
Преспанъ шого желашъ, чшо небо запрещаешь:
Такъ промыслъ положиль, и не лзя премѣнишь.

С е л и м ъ.

Поспѣшно швоему ошпешивію иль косо,
Чрезъ море должно бышь, или проспраншвомъ
поль:
То ежели шебѣ мое присущшво сносно,
Дражайшая, себѣ послѣдовашь позволяй,
И удосшой меня зрирашь слезящимъ окомъ
На знаки нѣжныя возлюбленныхъ слѣдовъ.

Но ежели не дано тебѣ предѣла рокомъ,
Гдѣ должно спранспивовашь, оставя домъ ошцовъ,
Послѣдуй мнѣ въ луга Багдашскіе прекрасны,
Гдѣ въ срѣшенъе тебѣ Евфратъ прольѣшь себя,
Гдѣ вешніе всегда господспивуюшъ дни ясны,
Пріятность воздуха доспойная тебѣ,
Царицу воспріятъ великую спекаясь,
Богинею почшишь чудящійся народъ,
И красотъ швоей родищель удивляясь,
Превыше всѣхъ шоржешивъ поспавишь швой
приходъ.

Т а м и р а .

Хотя шакихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
Но выше въ нихъ швоимъ доспоинспивамъ цѣна.
Ахъ! что прельщаюсь шѣмъ, чья бышь не уповаю?
Какъ сердце я опдамъ, въ кошоромъ не вольна?
Велика держишь внушрь мой робкой голосъ сила;
Но большая шоя ошъ сердца гонишь вонъ!
Когда прошивъ швоей я воли возлюбила,
О небо! шо скончай ударомъ громнымъ спонъ!
Ужъ болѣе шаишь мой духъ не позволяешъ,
И шоль великихъ буръ не можешъ грудь вмѣошипъ.
Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаешъ,
Кошорую судьба спремившя погасишь,
Ошеческая власшь желаніямъ прошивна
Иному опдаешъ шобою полну грудь,
И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
Едва я на шого дерзаю и взглянушь.

С е л и м ъ .

О радосшныя вдутъ, минушы и плачевны!

Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погружень!
На что соединилъ сердца, о промыслъ гнѣвный!
Когда союзъ ихъ въ вѣкъ шобой не утверждень?
Но нынѣ о швоей любви я увѣренъ,
Дражайшая, прошивъ судьбы вооружусь.
Мой духъ шакъ напряжень, коль пламень мой
безмѣрень;
Умру, или съ шобой въ шпріумфѣ возвращусь.

Т А М И Р А .

Я сердце ужъ шебѣ, любезный поручаю,
И вѣрносшь данную пребуду вѣкъ храня.
Къ неисповому я не преклонюся Мамаю.
Пусшь весь свѣшь побѣдишь, не побѣдишь меня.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

С ж л и м ѣ о д и н ѣ .

Мамай! Тиранъ во плѣнь шолику добродѣшель,
Чудовище влечешъ шолику красоту?
О солнце, шы сего можешъ бышь свидѣшель,
И свѣша не лишишь шакую срамоту!
Я, коль великимъ шо и славнымъ почишаю,
Чшобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣшь;
Толь напрошивъ шого позорно бышь вмѣняю,
Такаго варвара соперникомъ имѣшь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Муметь, Селимъ, Надиръ и Зансамъ.

Селимъ.

Спокойствомъ пользуюсь я нынѣ безопаснымъ,
Тебя пришоль почтпши и видѣшь, Государь!
И договоромъ миръ возобновишь согласнымъ,
Къ чему мнѣ даль всю власшь меня родившій Царь.
По волю я его Таврійскую вершину
Прешель и воинствомъ наполниль корабли,
Опть спраху свободиль Евксинскую пучину,
Что ваши подданны разбоемъ навели.
Ошмспивъ купечесшва грабежь, я миръ даль граду,
Имѣя громъ въ рукѣ, ударилъ не хошълъ:
За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду,
Кошорой я свою побѣду предпочёлъ.

Муметь.

Причину швой ошець имѣль вооружирься,
Какую завсегда къ войнѣ легко сыскашь.
Кошора можешь власшь на свѣшѣ похвалишься,
Чтобъ шакъ всѣхъ подданныхъ могла она держашъ,
Какъ мирны пребуюшь опть оныхъ договоры,
И многибъ шмсыщи имѣли мысль одну?
И кто шѣмъ угодишь, что будшобъ рущишь
ссоры,
Наносяшь для хвалы неправедну войну?
Хошь наша жизнь крашка, и оныя прибавишь
Черезъ храбрыя дѣла героямъ долгъ велишь;
Но мѣру праведну желаніямъ посшавишь,
Часть II.

Въ помѣ больша похвала чрезъ цѣлой свѣтъ
гремятъ.

Тебѣ довольно бытъ, Селимъ, я уповаю,
Когда повиннымъ казнь доспойну наложу.

Селимъ.

Спокойство утвердивъ, я больше не желаю,
Но шокмо дружество взаимно предложу.
На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
И ша, кошорою пылаю и шераюсь,
Плѣняеть красопа возрѣніемъ швоимъ.
Союза нашего залогъ и совершенство
И, вѣчная печать бытъ можетъ дочь швою.
Тамира дастъ одна и сохранитъ блаженство,
Кощораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
Какъ ешли данный миръ земли швоей полезень,
За шое надлежитъ воздашь моей души,
И буде, Государь, швой сынъ шебѣ любезень,
То друга шмъ его себѣ усынови.

Муметь.

Что сынъ мой другъ шебѣ, шо мнѣ весьма пріятно.
Онъ пакже какъ и я за шастіе почтеть,
Что въ городъ сей пришедь съ побѣдою обрашно,
Тебя союзникомъ, а не врагомъ найдеть.
При немъ намъ небеса помогутъ все устроитъ,
Его къ опрадѣ я по вся минуши жду.

Селимъ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоитъ,
На Поншски берега съ веселиемъ пойду,

И прежде дружнаго пошщусь сюда приходу
Все воинство свое на корабли вмѣстивъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Муметь, Надиръ и Зайсанъ.

Муметь.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силахъ мыслей я своихъ соединивъ.
Примѣшивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою шавъ.
Но нынѣ большія препящивія сръшаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай посшылъ
Не должно царское Царю бытъ слово ложно;
Но какъ я кровь свою пираншвовашъ могу?

Зайсанъ.

Того ужъ, Государь, перемѣнить не можно:
Кшо другомъ былъ, шому ошкрышо все врагу.
Когда кшо сильному, чшо долженъ, ошприцаешъ,
Топъ будешъ принужденъ. чшо и не долженъ, дашъ,
И долгъ къ ошечеству Царямъ повелѣваешъ
Блаженство онаго родшву предпочишашъ.
Помысли, Государь, коль будешъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамай раздражшвъ;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе шакимъ союзомъ укрѣпшвъ.

Надиръ.

Чшо мѣру превзошло, спшощъ надъ спремниною,

Чтобъ гордоспи примѣръ паденьемъ звучнымъ
дашь.

Безумна власъ падеть своею шлягошою:

Что срамно приобрѣшь, срамнѣе пошеряшь.

Видашь я быспрыя уже изсохши рѣки

Засыпаннм пескомъ, что рвали съ береговъ.

Такъ царспва, что цвѣли во славъ многи вѣки,

Упали шлягоснью поверженныхъ враговъ.

Нарочно Богъ во шмѣ грядущее скрываетъ,

Чтобъ смершнихъ гордые совѣшпы раззоришь.

Мамай поля свои людьми опустошаетъ,

Дабы ихъ шрупами Россійскій край покрышь.

Насильна власъ спюяшь не можеть долговѣчно.

Кто гонишь одного, шощъ всякому грозишь.

Росцію варварспво его безчеловѣчно

Изъ многихъ обласшей въ одну совокупишь.

На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ споронъ
сшекушся;

Рассыпаннхъ враждой сбереть послѣдній спрахъ.

Какою силою въ единствѣ облещушся,

Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.

Сей вредные своей земли опшспивъ набѣги,

Лавровымъ верхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,

А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,

Супругу въ сихъ спѣнахъ и вѣру восприялъ.

З а и с а н ъ .

Мамаю слѣдуешъ вездѣ съ побѣдой слава;

Онъ съ нею къ намъ спѣшашъ Россіей овладѣвъ.

Великспію силъ военны мѣряшъ прада

Великіе Цари и обласшію гнѣвъ.

Надирь.

Великодушный левъ жаръ пошчасъ уполяепъ,
Коль скоро видишь онъ, что врагъ его лежишь;
Но хищной волкъ пошоль пропивника шерзаешъ,
Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипишь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Вѣстникъ и прежніе.

Вѣстникъ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я ошь Нарсима
Къ шебѣ пріятную несу послѣшно вѣспъ,
Что къ радости пвоей и къ ушѣшенью Крыма
Велику заслужилъ онъ храброспію чеспъ.
Побилихъ кровію Непрядвы покъ стуснился,
И грабящъ Росской спанъ Херсонскіе полки,
И ранами покрытъ ошь бою уклонился,
Димитрій бѣгая Нарсимовой руки.
Одно нещасіе Мамаю сокрушаешъ,
Что сильный Челубей пронзенъ въ крови лежишь,
Лежишь и поля часъ велику покрываешъ!
Но намъ послѣдуя, побѣда ужъ гремишь.
Оспавшимъ Россамъ пушь пресѣченъ къ бѣгу
Дономъ,
Или въ бою падушь, или дадуся въ пльнъ.
Мамаю малымъ шоль людей своихъ урономъ
Проспранный Сѣверъ весь подъ обласъ покорень.

Муметь.

Мамаю небеса Тамиру поручаюшь,
И слово данное сама судьба крѣпишь.

Хоть нравы разные съ Нарсимою раздѣляютъ;
Но обще щасье ихъ въ любовь соединишь.
Ты вѣрный Заисанъ и ты мой братъ любезный,
Подумавъ межъ собой, придеше въ мой черпогъ
Союзы ушвердишь и дашь совѣтъ полезный,
Дабы доволенъ бышь Селимъ опказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствию.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамай одинъ.

Еще великій спрахъ меня не оспавляетъ!
Еще, я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечпаніе смущаетъ!
Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзь разсѣченныхъ
щечепъ,
Здѣсь шѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Уже въ глазахъ моихъ опмщеніемъ грозиптъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду скривай бѣдою,
И въ горесни кажи на мнѣ геройской видъ.
Опъ Россовъ побѣждень, хопя я ужасаюсь
Въ опечесивѣ свой спыдъ и слабоспъ показатъ;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима, ушѣшаюсь,
Чшо не оспался, кшобъ здѣсь могъ о помъ ска-
затъ.

Мамай, шы будь себѣ и въ пагубѣ подобень,
Мумеша ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ изпышай, коль къ умысламъ способень,
И ковъ соспавленной напасшю нынѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ даспъ Мумешъ и войско.
Я орды по степямъ разсыпанны сберу;
Искусшво покажу коварспвомъ симъ Геройско,
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
На плачь шамъ премѣню я шоржеспво спокойно,
И покажу врагамъ, каковъ мой гнѣвъ и власпъ.
Въ конецъ опчаяпсъя Мамай недоспойно:
Безумно всѣхъ пушей не испывавъ пропасшъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЬ, НАДИРЬ И ЗАИСАНЬ.

МУМЕТЬ.

Какое щаспіе мнѣ небо посылаетъ ,
Великій Государь , пришепвіемъ швоимъ !
Нечаянной швой взоръ шѣмъ больше восхищаетъ ,
Чѣмъ больше нуженъ онъ смѣшеніямъ моимъ .
Я радуюсь швоей побѣдѣ въ свѣшѣ звучной ,
И скорому дивлюсь пріѣзду швоему .

МАМАЙ.

Не можешь шоржешшва Мамай благополучной
Себѣ къ веселію оставишь одному ;
Но хочешь онаго имѣшь и шу причасшну ,
Кощорую къ сему блаженшву шы родиль .
Имѣя всю спрану Россійскую подвластшну ,
Я радостш сообщишь изъ усш своихъ сшѣшилъ .
Сугубымъ шоржешшвомъ украсишь ускоряю ,
И славою мой въѣздъ въ великую орду .
Но славнѣе я бышь Тамирою желаю ,
Какъ шѣмъ , что Дмишрїа въ оковахъ приведу .
Уже все воиншво со плескомъ ожидаешъ
Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ .

МУМЕТЬ.

Побѣда мужешшво геройское вѣнчаетъ ;
Любовь и дружешшво Тамиру дастъ шебѣ .
Нарсимъ помощникъ швой въ семь градъ вож-
дельный

Украшнть брачный день, со славою возвращаясь,
И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окружен-
нымъ...

М а м а й.

Онъ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
Сокровища себѣ съ побитыхъ собирающъ,
Съ кошорами щогда обратню придетъ въ домъ,
Какъ даннымъ опъ меня онъ краемъ завладеетъ,
Лугами пучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

З а и с а н ѣ.

О щаспливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!
(къ Надиру)

Не мнѣ ли въ честь конецъ пріѣла наша прѣ?

Н а д и р ѣ.

Но сердца моего съ симъ чувствва не согласны!

М у м е т ѣ.

Достоинъ даръ шаковъ великаго Царя!

М а м а й.

Любезный Государь! Нарсима оставляя,
Я слышала въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
Что въ сердцѣ ненависть изкоренилась злая,
И общимъ щаспиемъ вражды развѣянъ прахъ.
Просши, сказалъ омъ мнѣ, я нынѣ признаваюсь,
Что злобой я себя не разсудя гнѣвила.
Я храброспи швоей и духу удивляюсь,
Чѣмъ шы Димитріѣ и гнѣвъ свой побѣдилъ.
Геройства швоего я бывши самъ свѣдѣтель,
Зависпнниковъ швоихъ опшвергнулъ клеветы.

З а и с а н ѣ.

Превыше зависпи восходишь добродѣтель,

И презираешь шу спокойна съ висоши !

М а м а й.

Услышавъ шаково Нарсимова пріяшспво,

Не медля брачноу я союзъ ему опкрыль.

Онъ въ радости сказалъ : о коль любезно браш-
спво,

Въ кошоромъ промыслъ мнѣ съ Героемъ бышь
судиль.

Благополучевъ Крымъ и щасшлива Тамира ,

Тобой возвышениы, прославленны шобой !

Но шы подобяся дыханію зефира ,

Поспѣшно въ Крымъ пришедь, Мумеша успокой.

Скажи ему, коль мнѣ съ шобою бышь полезно,

И будущей швоей Царицѣ объяви ,

Чшо мнѣ шоликое супружесшво любезно ;

И о моей къ шебѣ увѣрь ее любви.

Величешво свое и неизчешны орды

Тамиръ покажи, со славой возвращаься ;

И шоржешшвуй, спунивъ врагамъ на выи горды,

Чшо будущъ ницѣ лежашъ предъ нею преклоняься.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

Т а м и р а , К л е о н а и п р е ж н і е .

Т а м и р а .

Ужель возлюбленный Нарсимъ къ намъ возвра-
тился ?

Дражайшій мой ошець !

М у м е т ь .

Ты видишь здѣсь его ,

Предъ коимъ Съверъ весь просшпранный прекло-
нился ;

Мамая почишай за сына моего.

Тамира.

О спроги небеса!

Мамай.

Ты видишь брашна друга,
Копорой хочешъ вѣкъ къ шебѣ одной горѣшь.

Муметь.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь опшескимъ раченіемъ имѣшь.
(къ Мамаю)

Любовь и я даю шебѣ рожденну мною,
Съ шобою царшвовашъ и искренне любилъ.

Мамай.

Вшорымъ я нынѣ опшемъ рожденъ на свѣшъ шобою,
Когда шы предприялъ меня усыновилъ.

Муметь.

(къ Тамирѣ)

Нарсима и меня люби шы въ немъ единомъ,
И царшвуй шаспливо въ обширной шоль шпранѣ.
Блишшая на земли пресвѣшлымъ царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

Тамира.

Ты воленъ, Государь! законы и природа
Велятъ шебѣ имѣшь въ Тамирѣ долну влашь,
Какъ споришь я могу? коль не дана свобода
По волѣ избирашь приспойну въ жизни часшь.
Но ешьяи смѣю я . . .

Муметь.

Младые не радѣюшь

О шомъ, чрезъ чшобы имъ ко шасшю дойши:

За шѣмъ родитѣли рожденными владѣють,
Дабы посшавишь ихъ на испинномъ пуши.
Любовью будешь звашь, что нынъ зовешьгрозою,
И спанешь спрогоспи моей благодарить.
Ты сѣдуй въ мой чершогъ, любезный брашъ, за
мною,
Дабы мнѣ скорой бракъ съ шобой расположишь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира, Мамай, Зайсаъ и Клеона.

МАМАЙ.

Несносной горесшью смященный примѣчаю,
Что все шаковымъ я пламенемъ горю,
Тамира, ненавишь имѣешь шы къ Мамаю?
И смѣешь согрубишь великому Царю?
Однако принужду свои къ спокойшву мысли,
И младоспи швою прощивносшь припишу.
Царевна, испиннымъ своимъ блаженспвомъ числи,
Что сердце я свое шебѣ въ даръ приношу.
Цари съ концевъ земныхъ сродсшва со мной же-
лають;

И каждая красощу приносишь мнѣ спрана.
Коль многія по мнѣ Царевны въздыкають!
Ты можешь получишь желанья всѣхъ одна.
Ты можешь получишь великаго Героя,
Которой мужесшвомъ вселенну удивиль,
Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
И прадѣда въ себѣ Башыя воскресиль.

Предспавъ мой! славной родъ, и кшо Мамаю дѣды,
Ошь коихъ онъ шебъ къ супружескву рождень.
Россія не мои, но ужъ швои побѣды,
Когда я красошой швоей самъ побѣждень.
Толикимъ Государь народамъ покореннымъ,
Не обинуюсь бышь просипелемъ швоимъ.
Я щаспие свое почель бы несравненнымъ,
Когда бы оно счишала шы своимъ.

Т а м и р а.

Когда шы многіе привель подъ власпъ народы,
То славы, Государь, шоликой не шеряй,
И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ шо не помрачай.

М а м а й.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира,
Копору возвесши съ собой на пронъ спѣшу,
Поспавишь госпожей мнѣ подданнаго міра,
И будучи Царемъ, бышь плѣнникомъ ищю?

Т а м и р а.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
Сидя на Царскаго преспола высотѣ,
Чшо пользы, есмьли въ насъ различны будущъ
нравы?

Я все равно почшу послѣдней нищестѣ!
Какая польза въ шомъ, чшо рокъ свой проклиная,
Не бракомъ буду бракъ, но плѣномъ называшъ;
И на оковы шоль несносные взираю,
Тебѣ послѣдовашъ, а о иномъ вздыхашъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамай, Клеона, Зайсань.

Мамай.

(къ Клеонѣ.)

Что слышу я еще! любовница иному
Тамира можеть бышь, и мнѣ при помѣ жена?
И кто Мамаева не успрашаясь грому,
Дерзнулъ взглянуть на шу, что мнѣ обручена?
Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
Скажи, скажи, кто есть Тамирѣ шоль прелестенъ,
Кого бы мнѣ она хошѣла предпочтишь?
Когда опкрышиемъ смущеніе прогонишь,
Дабы соперника узнашь и опврашишь,
Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь прекло-
нишь,
Какую мзду за шо ты можешь получишь!
Ты знаешь власшь мою и опческую волю:
Спарайся обязашь великихъ двухъ Царей.
Я Царску честь шебѣ давашь своимъ позволю,
И мащери рвно шебя почшу своей.

Клеона.

Я знаю, Государь, коль власшь швоя велика,
И коль должна Царю послушна бышь раба!
Но помощи подашь не можеть мзда шолика,
Когда имѣешь брань съ любовью судьба.
Не можеть воинство съ концемъ всея вселенны
Противу швоего спашь гнѣвнаго лица:

Но силой покорилъ приспойно крѣпки спѣны,
А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
Тѣмъ больше будешь ей пропивень и поспыль.

З а и с а н ъ .

Великому Царю шоль дерзко ошвѣчаешь ?

М а м а й .

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
Оковы, муки, гладъ и вѣчная шемница,
И смерть сама легка шаку змѣю карашъ.

К л е о н а .

Тамирѣ былобъ шо уже живой гробница,
Селиму сердце давъ , Мамаю присягаешь .

Я В Л Е Н И Е Ш Е С Т О Е .

М а м а й и З а и с а н ъ .

М а м а й .

Селимъ ! и кто ?

З а и с а н ъ .

Селимъ, о щаспливъ недоспойно!

О общая печаль ! о спрасни сѣвоша !

Селимъ, что не хоша въ Багдашѣ жишь спокойно,

Разбоемъ ушѣснялъ предъ градомъ симъ мѣсна.

Но спрахомъ сязъ швоихъ смящень склонилъ
къ миру,

И въ городъ сей вошедь, Мумешу предлагаль,

Дабы онъ даль ему въ супружесшво Тамиру ;

Однако Царь на што ошвѣщъ несклонной даль.

Къ Селимовой любви Царевна согласишься

М а м а й.

И предпочестъ меня разбойнику могла?
О горесшь! о ударъ! о какъ мой духъ спремишся!
Не можешъ больша бышь на свѣшъ мнѣ худа,
Какъ чшобъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Баг-
дапскѣй!

Хотя дерзнулъ сего онъ суепно искашь,
Но можешъ возвращаясь сказашъ въ спранѣ Ев-
фрашской,

Чшо онъ шого же могъ, чего и я желашъ.
Терпешъ цѣну всю, чшо ни было велико,
Какъ ешъли шое онъ надѣшся имѣшъ;
Ему хвала, а мнѣ презрѣнне колико,
Чшо шѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣшъ!
Но ахъ! чшо мышлю я, и чшо я здѣсь коснѣю?
Уже покишилъ онъ, чшо должно бышь мое!
Любезный Заисанъ, спѣши опшмспишъ злодѣю.

Пойдемъ

З а и с а н ъ.

Смягчи шеперь волненіе свое.
Ты будешъ, Государь, имѣшъ свою невѣшту,
И примѣшъ за сіе досшойну казнъ Селимъ,
Какъ воины швои къ сему приспѣютъ мѣспу;
Онъ погубишъ себя желаніемъ своимъ.
Мумешова себѣ опшвѣша ожидая,
Умедлишъ здѣсь, пока шы въ силѣ будешъ самъ
Его плѣнишъ, опъ насъ пособья не желая,
Чшо ради мира нынѣ чинишъ не должно намъ.

М а м а й.

Повѣшавшіе въ слѣдъ со мною разлучились,

И скороспи моей сравниться не могли.
Надѣюсь въ разныя дороги усpreмилась,
И възданъ по спѣнямъ разсыпанны въ дали.
И еспѣли ускоришь, не могушь ушомленны
Покой не имѣвъ, Селиму опомсшишь.
Но я продерзоспью шакою огорченный
Могуль минушу дашь Селиму живу бышь?
Ся рука моя умывши кровью мерзской,
Воздасъ весь долгъ моей озлобленной любви.
Погибнешъ пусшь злодѣй и сопоспашъ продер-
зской.
А шы любовь свою и ревносшь мнѣ яви,
Скажи, гдѣ онъ?

З а л с а н ъ .

Храни особу шы високу,
И рукъ не просширай

М а м а й .

Доколѣ мнѣ спирадашь?
Спѣши со мной опмсшишь обиду цюль жеспоку,
Чшобъ мерзску кровь его Тамирѣ показашъ!

Я В Л Е Н И Е С Е Д ь М О Е .

Т а м и р а и К л е о н а .

К л е о н а .

Какою люшоспью къ Селиму онъ пылаешъ!
Какой приходишь къ намъ онъ словъ ширай-
скихъ слухъ!
Какой, драгая, жаръ въ очахъ швоихъ бласпашъ!
О какъ колеблешся озлобленный швой духъ!

Часть II.

6

Мнѣ сердце движешся и говоришь всечасно,
Что скоро люшая поспигнешь насъ напасшь!

ТАМИРА.

Теперь мнѣ болѣе ничшо ужъ неужасно,
Ни варварска гроза, ни опщеская власшь!

КЛЕОНА.

Царевна, на кого шы можешь положишься?
Кшо свободишь шебя опть сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь.

Поди и посмотри, куда Мамай спремишся?
(въ слѣдъ Клеонѣ)

На всѣ напасши жизнь нещасшную гошовъ.

ЯВЛЕНІЕ ОСЪМОЕ.

ТАМИРА одна.

Бѣги опсель, бѣги, Тамира и спасайся;
Пока шيرانскихъ шы не чувшвуешь оковъ,
Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
Селимъ приняшь шебя на корабли гошовъ.
Онъ съ берегу очей минушы не спускаешь,
И плаващели всѣ направилися въ пушь;
И небо искренней любви поспѣшаешь:
Уже намъ и бореи способной началь душъ.
Въ одномъ Селимъ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я опща не умягчу.
Но въ спрахъ шрепещу, смущаюся, цѣпенѣю!
Ахъ! чшо продерзская, ахъ! чшо начашь хочю?
Уйду, опщесшво, родищеля опщавивъ,

И брапа и сей домъ и спыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
И кровнаго родства законы пресшупивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ ошечесиво съ Селимомъ;
Селимъ мнѣ будетъ брапъ, ошець и все родство.
Оспавишь всѣхъ и бышь въ жипъи нераздѣли-
момъ

Съ супругами велишь законъ и естество.
Супружествомъ назвашъ неисповство дерзашъ,
И налагашъ спраспямъ закона имена?
Нещаспная, кому себя пы поручашъ?
Или шебъ въ любви невѣрносшь не спрашна?
Предспавъ себъ, предспавъ прельщенную Медею,
Оспавльшую опца и Chesъ на семь брегу!
Я мѣсто пожь и спраспъ подобную имѣю:
Или я лучшія ждашь вѣрносши могу?
Несноснѣ бѣды мнѣ можешъ бышь защища,
Какъ ешлы мнѣ Селимъ другую предпочшишь.
И на чужой спранѣ кѣмъ буду я покрыща?
Опцу и брапу гнѣвъ и дальносшь возбранишь.
Опъ року бѣгая, на явной рокъ дѣраю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозишь бѣдой.
Непоспоянное я море предспавляю,
И бури хищныя ревушь передо мной.
Тамира, въ бѣдспивіе сугубо не вдавайся,
Блудись сугубой пы невѣрносши, блюдишь.
Однако укрьпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положишь.
Не шопъ въ немъ блещешъ духъ, не ша его порода;

Съ любовію кипишь геройская въ немъ кровь.
И коя успрашишь при немъ меня погода ?
Не движешся въ волнахъ нелесная любовь.
Спѣши, спѣши ошь мѣспъ Мамаемъ зараженныхъ,
Спѣши за Поншь, за Тигрь, за Ниль, за Океанъ.
И какъ ужъ будешъ шм въ спранахъ шоль уда-
ленныхъ,
И шамъ покажешся, чпо близко сей пиранъ !
О промышль ! о судьба ! слезами умягчишесь !
О небо ! о земля ! о вѣшры ! о моря !
На жалоспъ, на шоску, на вопль мой преклони-
шесь,
Укройше ошь руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣспа, гдѣ мы любовію плѣнились,
Запмишесь, чпобъ ошцу на память привесши,
Чпо спрогоспью егд Тамиры вы лишились !
Просши, дражайшее опечеспво, просши !

Конецъ третьему дѣйствию.

ДЕЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Надиръ и Заисанъ.

Заисанъ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти,
О пляжкая бѣда! о вѣчна срамота!
Тамира спыдъ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжашъ намѣрилась опселя въ чужи мѣста!
И безрасудною любовію палима,
Къ Багдапскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ,
Надежду положивъ на льсвиваго Селима,
Чшо былъ недавно врагъ опческимъ спѣнамъ!

Надиръ.

О жалоспъ гореспна! о люшое мученъе!
О спрогоспъ опческа! къ чему пы привела?

Заисанъ.

По шасшю я опкрылъ шакое дерзновење:
Тамира во врапахъ уже градскихъ бѣла:
Я общей за спѣны пошоль смопрѣшь опрады,
Ужель Селимъ полки посшавиль на суда;
И видя, чшо на нихъ все войско и снаряды,
Я пушь свой ображилъ съ веселіемъ срюда.
Увидѣль, чшо спѣшишь шамъ женскій полъ ко
брегу,
Смошря во всѣ спраны сквозь шонкой свой по-
кровъ.
Я робкому дивясъ и скорому шоль бѣгу,

На встрѣчу прямо шоль, провѣдашь, кшо шаковъ.
Какъ спранникъ на пуши опъ звѣря убѣгая,
Спѣшишь чрезъ пернѣе, чрезъ камни и бугры;
Но вдругъ увидѣвъ, чшо шупъ спремнина крушая,
И должно въ мрачну хлябь спремглавъ уласпъ
съ горы,

Одѣпенѣвъ споишь, пропивишиа размаху,
Трепещушь члены всѣ, мушиишиа свѣшъ очей:
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира шакъ опъ спраху
Смушилась, обмерла въ продерзосши своей.
Укрышьа опъ меня во всѣ спраны мешалась;
Вездѣ былъ запертъ пушь боязнью и спыдомъ.
Когда шоликими волнами колебалась,
Я изумленную въ опшеческой ввелъ домъ.
Чшо нынѣ мнѣ начашъ? какъ я Царю опшкрою?
Дай въ помощь, Государь, премудрой швой со-
вѣшъ.

Надиръ.

Внезапно не срази печалю шакою.
Предшавъ себѣ, какъ симъ подвигнеша Мумепъ!
Я лучше думаю сію скрышьа вовсе шайну,
Дабы въ спокойшвіи опщовъ опшавишь духъ.

Заисанъ.

Но я могу попашъ въ бѣду чрезъ шое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю доспигнешъ слухъ.
То видѣли рабы и воины со мною,
И могушь все ему подробно донесши.

Надиръ.

Кошя смягчи ударъ пріашноспью какою;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣспи.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Надиръ одинъ.

Несытая алчба имѣнія и власши,
Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
Копорой ты въ сердцахъ не возбудила спрасши?
И коего на насъ не успремила зла?
Съ шобою возрасли и зависли и коваршво,
Твое изчадіе кровавая война!
Копорое опъ ней не спонешъ государшво?
Копорая опъ ней не пошряслась спрана?
Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
И спѣны шрудъ вѣковъ и многихъ шысячъ пошъ,
Тамъ видны лишъ однѣ развалины и ямы,
При коихъ шучную имѣешъ пасшву скошъ.
О коль мучишельна родишельямъ разлука,
Когда даюшъ дѣшей, чшобы пролишъ ихъ кровь!
О коль разишельна и несперпима, мука,
Когда военный шумъ смущаешъ двухъ любовь!
Лишъ полько зашвучишъ ужасна брань шрубою,
Мяшущся города и села и лѣса,
Любовническаго исполненные вою,
И жалобъ на ударъ жешокаго часа.
Чшо можешъ бышъ сего несноснѣ во свѣшъ,
Когда двоихъ любовь и младосшъ сопрягла;
Однако въ самомъ дней младыхъ прекрасномъ
цвѣшъ
Гусшая жадности мрачишъ ихъ пламень мгла,
Когда родишели обманчивой корышши
На жершву ошдаюшъ и совѣшъ и дѣшей?

О небо! преклонись, вселенную очисти
Ошь пагубы шакой, ошь скверной язвы сей!
Коль дало красоту и младость человеку,
И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
Чтобъ въ радости прожить дражайшую часъ
вѣку,
То долголь на земли сіе попустишь зло?
На шоль Тамирѣ шмъ припшносшь валило въ очи,
На шо ли нѣжную въ нее вложило спрашшь,
Чтобы подвержена шيرانской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горешшную часшь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Надирѣ и Клеона.

Клеона.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая
Поимана, въ слезахъ опчаявшись сидишь!
Селима въ жизнь свою увидѣшь ужъ не чая,
Лишь мыслями на него въ опсушшвїи глядишь,
И имя сладкое едва съ плачевнымъ спономъ
Держаешь въ горести послѣдней помянушь.
Озлобленна судьбы жестокимъ шоль закономъ
Руками шомными шержаешь нѣжну грудь.
Блѣднѣешь цвѣтъ лица и всѣ шрѣпещушь члены,
Холодной страхъ, шоска, опчаянье и шпыдъ,
Являющся въ ея очахъ изображенны.

Надирѣ.

Что сдѣлааь бы Селимъ, шаковъ предшавивъ
видъ?

Клеона.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечешь,
Кошорая спремьясь на небеса очами,
Пошоки слезные, рыдая горько, лешь
Ахъ! жгася, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію вперю.

Надиръ.

Не можно опъ сего Царевнѣ свободишься:
Воюющъ прошивъ ней великіе Цари.

Клеона.

Такъ пойдешь агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира,
На кровь, на смершь людей, на шрупы ихъ смо-
прѣшь;
И радости лишаешь въ супружествѣ и мира,
Мученье внушрѣ себя шягчайшее имѣшь?

Надиръ.

Не знаю, что мое внушрѣ сердце предвѣщаешь,
И смушному уму всечасно говоришь:
Мамай царя и всѣхъ злой хитроспѣю прельщаешь,
И около насъ съшь коварствѣ его стоишь.
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшишь онъ
бракомъ,

И что за нимъ не плешъ извѣстія Нарсимъ?
Сии окресшности счишаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

Клеона.

Для шоль посѣшшаго Мамаева прихода
Слухъ въ городѣ прошоль, что онъ со всѣмъ по-
бишь,

Надиръ.

Всегда ешь Божій гласъ гласъ цѣлаго народа ;
Успами онаго Всевышній говоришь.
Но пущь Мамай надъ всей вселенной порже-
сшвуешь ;
Однако щаспливъ бышь не можешь бракъ шакой,
Когда сама любовь прошивъ него враждуешь.
Совмѣспноль варваршву съ шоль нѣжной кра-
сошой ?
Возможноль въ сей шоскъ Тамиръ укрѣпишься,
И сердца своего движенья уполишь ?

Клеона.

На спрасшь ея смошря, и небо возгорится,
И не умедлишь зла шоликаго опшмшишь.

Надиръ.

Горами пошрясешь, и воспалишь пожары,
Или опуспошишь повѣпріемъ луга, !
Или опъ глубины возвысивъ волны яры,
Пошпопомъ скверные очисшишь берега.

Клеона.

Народную молву приумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говоряшь, что близъ дверей бѣда !
Мнѣ кажущся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на шрупъ, слешающся спада.

Надиръ.

Хощь радоспень Мумешь, но войска не имѣешь ;
Что будешь, какъ Селимъ къ спѣнамъ приспу-
пишь вновь ?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣешь
Озлобишь мечъ въ рукъ держащую любовь.

Мамаа гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можетъ рокъ его скорѣе поразишь.
На пышныя горы верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высотъ, когда безбѣдно хочешь жишь.
Цвѣшущи спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно достигаешь.
Никшо на свѣстѣ шакъ не обязалъ судьбины,
Кшобъ завпрешне себѣ могъ щасныя обѣщать.
На лживостъ онаго никшо не полагайся:
Чшо ушромъ возрасло, шо вечеромъ падешъ.
Никшо въ нещасіи спасенья не опчайся:
Чшо вечеръ низложилъ, шо ушро вознесешъ.
Неушолимый рокъ все коломъ обращаешъ.
Съ Мамаемъ рушишься внезапно можетъ Крымъ.
Когда кшо съ высоты великой упадаешъ,
И шѣхъ съ собой влечешъ, чшо съ низу шли за
нимъ.
Но симъ смущаются лишь шолько подлы души,
Кошоры на морской волнами шумный пушь
Смошря, колеблюшя съ недвижымыя суши,
И чаюшъ на брегу высокомъ пошонушь.
Едина видишь шо съ презоршвомъ добродѣтель,
Среди громовъ и бурь недвижимо споишь;
Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель;
Хошь міръ обрушишя, безспрашну поразишь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ И ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

Любовникамъ долга единая минута!
Возможноль, Государь, Селиму нынѣ знашь,
Еще ль Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

Надирь.

О горесшь люта!

Ахъ! что дерзнули вы несчастные начать!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духъ, и спой прошивъ удара,
Кошорый на меня свирѣный рокъ занесъ.

НАДИРЬ.

Ахъ! ешьлибъ гнѣвнаго опцова силу жара
Тамира уполишь могла пошюкомъ слезъ!
Поимана въ пуши для бѣгшва предпріятномъ
Терзаецся....

СЕЛИМЪ.

Какой всшупаецшь въ жилы хладъ!

Когда не помогло шы въ дѣлѣ мнѣ начашомъ
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовію моею поругаешь,
И пламень мой презрѣшь намѣрился Муметь?
Тамира не моя? мнѣ съ нею не видаешь?
И больше никакой уже надежды нѣшь?
Я вижу, что Муметь меня еще не знаешь,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.

Мамаю дочь отдавъ , меня опшвергнушь чаешь ?

Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ !

Забылъ онъ , что моимъ любленіемъ спасенный
Споишь сей градъ ? и въ немъ штого лишешь

меня ,

Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный

Съ нимъ въ дружесствѣ прожишь , свой родъ соединя ?

Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимомъ ?

Забылъ , что жизнь его была въ моихъ рукахъ ?

Я свижусь , покажу , каковъ союзъ съ Селимомъ ,

И что вражда его возможна въ сихъ спѣнахъ !

Я снова на берегу проливномъ мнѣ поспавляю

И обращу на градъ Ефрашскіе полки ;

Опъ люшоспи шакой любезную избавляю ,

И опъ Мамаевой мучительской руки

Ударить женскій спонъ здѣсь вмѣсто нѣсней
брачныхъ ,

И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ спѣнъ .

Мумень увидишь смершь бѣгушу въ вихряхъ
мрачныхъ .

И кровію чершого Мамаевъ обагрень :

Надиръ .

Я самъ бы уклонясь опеческаго града ,

Въ пуспой спени и жизнь и скорьбъ свою за-
крылъ ;

Не видя срамоты и мерзосшнаго взгляда ,

Я щаспливъ бы весьма въ нещасшіи шомъ былъ .

Однакожь , Государь , вспомянувь Нарсима ,

И зная , что сіе опечесиво его ,

Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
И даннаго держись шы слова своего.

Селимъ.

Нея, но самъ Мумешъ спѣшь будешь раззоритель:
Презрѣнїемъ своимъ на шо мнѣ право даль.
Нарсима въ оныхъ нѣшь, но люшый въ нихъ му-
чишель;

Онъ купно бы со мной прошивъ него возспаль.
Сугуба спрасшь меня на шо вооружаешь,
То жалосшь гореспина, шо искрення любовь;
Одна во мнѣ спремийшь, другая духъ шперзаешь,
Одна снѣдаешь грудь, друга волнуешь кровь;
Одна велишь опъ зла невинную избавишь,
Другая въ вѣкъ себѣ любезну получишь,
Одна всеобщїй долгъ еспешивенный исправишь,
Другая данную присягу сохранишь.

Или безчувственъ я шаковъ кажусь Мумешу,
Чшобы недвижно могъ спояшь когда Мамай,
Похицивъ силою, чшо мнѣ дороже свѣшу,
Ликуя поведешь изъ глазъ въ далекій край?
Возможно ли сперпѣшь его совѣшы мърски!
О сердце, не мягчись, но разруши въ конецъ;
Мумеша низложи. Куда Селимъ продерзскїй?
Подумай, чшо Мумешъ любезныя опецъ!
И свяшо мѣсно мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
Пусшь въ цѣлосши спюишь, и пусшь погибнешъ
шошь,

Опъ коего моя надежда разрушилась.

Мамаю опшиму Тамиру и живопъ.

Надиръ.

Пріяшель укроши въ себѣ волненья гнѣвны,
И жизни не давай въ опасносшь шакову.

Клеона.

Въ сугубой горесши не погрузи Царевны,
Опъ пагубы храни любезную главу.

Надиръ.

Когда на сей шмь градъ воспашь не долженъ
войскомъ,

То долженъ ли одинъ? Чшо хочешъ?

Селимъ.

Умерешъ,

Или поржешшвовашъ, и въ мужесшвѣ геройскомъ
Награду вѣрносши прекрасную имѣшъ;

И правды и любви нешобѣдима сила

Противъ насилія со мной на брань пойдешъ;

Или моя рука, чшо Крымску кровь щадила,

Свою, но прежде шой Мамаеву прольешъ.

И ешшлы мужесшво побѣдой не прославишъ:

Любовь и чесшь велишъ: довольно — я умру?

Пускай хошъ шѣмъ меня опъ муки рокъ изба-
вишъ,

Въ любовномъ жизнь моя погибнешъ пусшь жару.

Я лучше съ похвалой оспавишъ шу желаю,

Какъ шяжекъ бышъ себѣ и неву и земли,

И смерши ждашъ, въ посмѣхъ опдавъ севя Мамаю,

До спаросши не знашъ ошрады николи.

Владѣешъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣ-
ломъ;

Но славу каждому въ свою онъ опдалъ власшь,

Коль близко ходишь рокъ при робкомъ и при смѣ-
ломъ ,

То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часпъ.

Какая польза пѣмъ, чшо въ спаросши глубокой

И въ шмѣ безславія кончающъ долгой вѣкъ?

Доброшами всходишь на верхъ горы высокой

И славно умерешъ родилси человекъ.

Превыше смершнаго я жребія поспавлю

Учаспіе свое, и славой и вознесусъ ,

Когда Тамиру я ошъ люшоспи избавлю ,

Вмѣня ни во чшо, умру или спасусъ !

Пускай ошець ея свирѣдой поспыдишси ,

Мою за дочь свою шекущу видя кровь ,

Узнаешъ злоспъ свою; но поздно научишси ,

Чшо можешъ предпріяшъ озлобленна, любовь !

Надиръ.

Какую принесешъ шы въ спаросши ушѣху

Родишелямъ своимъ , когда услышашъ вѣспъ ,

Чшо вмѣспо въ сей войнѣ желаннаго успѣху

Дерзнулъ, забывъ объ нихъ, себя на рокъ при-
вешъ ?

Они во срѣшенъе давно къ шебѣ взирающъ ,

И проспирающъ мысль чрезъ горы и валы ,

И въ неперпѣнія минушы всѣ счишающъ ,

Твоей нисышишси желая похвалы.

Возобнови свои премудрые ушпавы ,

Кошорымъ прежь сего себя шы покорялъ;

И вспомни прежные свои на сей часъ нравы ,

Кошорыхъ мѣрносшью шы спарыхъ удивялъ.

СЕЛИМЪ.

Любви велика власшь всю крѣпосшь низлагаетъ,
И мной господспвуешъ. Ужь я не шощъ Селимъ...

КЛЕОНА.

Какую небо казнъ съ Мамаемъ насылаешъ!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ И ПРЕЖНЕ.

МАМАЙ.

Совѣшь имѣете съ соперникомъ моимъ?

СЕЛИМЪ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвласпенъ спалъ Ма-
маю?

Или онъ мнѣ имѣшь совѣшы запрешшь?

МАМАЙ.

Теперь препяшспвѣя любви моей скончаю.

СЕЛИМЪ.

Теперь любовь моя насильспвѣю опшмспшшь.

МАМАЙ.

Весь сѣверъ покоривъ, сеголь не одолѣю?

Забывъ, продерзоспный прошившсъ Селимъ,
Кшо прадвѣдъ мой, и чшо я въ обласши имѣю?

СЕЛИМЪ.

Кшо родомъ хвалишсъ, шощъ хваспаешъ чужимъ.

Но гдѣ пшвои полки? и гдѣ желаетъ? въ морѣ,
Иль въ полѣ окончатъ шолику боемъ прю?

МАМАЙ.

Увидишь, дерзоспный бѣглець, увидишь вскорѣ,
Какому шы дерзнулъ прошиву спшатъ Царю.

Часть II.

7

Поди и возвѣспи, гдѣ обидяють мерзвы
Прапрадѣды мои, каковъ ихъ въ свѣтѣ внукъ.

(Вынимаешь саблю)

Селимъ!

(Вынимая саблю)

Любовь Тамириня шакой доспойна жершвы,
Кошорой опъ моихъ она жалаешъ рукъ.

(Сражающся)

Зайсанъ.

(разнимая)

Великій Государь!

Клеона.

Ахъ!

Надиръ. (разнимая)

Ахъ, Селимъ любезный!

Въ какую пагубу несешъ злой рокъ шебя?

Зайсанъ.

(къ Мамаю)

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

Клеона.

(къ Селиму)

Склонись на шюки слезны,

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствию.

Д Ъ Й С Т В І Е П Я Т О Е.

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е.

Муметь, Надиръ, Тамира, Клеона, Воины.

Муметь.

Въ какой я крайней спыдъ шобою погрузился!
До коего доспигъ-при шароспи я зла!
На шоль шебя родиль, на шо ли я крушился,
Тамира, чшобы шы преслушна мнѣ была?
За пришлецемъ бѣжашъ изъ опшескаго дому,
И кровноспи его дерзнула предпочесшь!
Какая казнь равна шакому дѣлу злому,
Какая бышь сему доводѣна можешъ месшь?

Тамира.

Когда родилась я въ безщасную минушу,
Чшобъ скорбь шебѣ принесшь; шо сжался, Го-
сударь!

Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люшу,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ прядише Мамаева чершого;
Упошреби свою родишельскую власшь!

Муметь.

Не я шебѣ, не я, сама себѣ шы спрога;
Сама дерзнула шы въ шакую мерзосшь впасшь.
Ты въ сердцѣ люшую сама змѣю пишашешъ,
Копора въ кровь швою пускаешъ смершный ядъ!
Мамаю дерзосшью безшпыдно озлобляешъ,
Копораго одинъ шебя досшоннъ взглядъ,

Копорой къ высотѣ шолікія державы
Тебя и весь мой домъ склонился возвеспи,
И въ обществѣ принявъ своей гремящей славы,
И сердце въ даръ шебѣ геройско принеспи.
Къ послѣдному склонись опеческому слову,
Спайся склонносью продерзосью наградишь.
Но еспьяи я шебя увижу негошову
Съ великимъ симъ Царемъ въ супружесиво всну-
пишь;

То сдѣлаю примѣръ и покажу вселенной,
Что я хошя опецъ, однако же и Царь:
Блюдись руки моей упрямсвомъ раздраженной,
И будь гошова спаять съ Мамаемъ предъ олшарь.
(къ Надиру)

Любезный брашъ! пошщись прельщенную на-
спавишь

На истинну спезю, пока все учрежду.

(къ Клеонѣ)

Тебя, преспупница, кшо можешъ нынѣ избавишь
Ошъ казни, чшо шебѣ за злобу наведу?

(къ воинамъ)

Возмише скверную и ввергнише въ шемницу.

Клеона.

Помилуй Государь!

Тамира.

Невинной не казни!

Надиръ.

Ты щедру обраши, о небо! къ намъ зѣницу!

Тамира.

Опеческу любовь во гнѣвъ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамира и НаDIRь.

НаDIRь.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
И спрогой переспань прошивишься судьбѣ,
Забудь, что лучшаго ны щаснїя достойна;
Будь шѣмъ довольна, что она да шѣ тебѣ.
Когда родишель швой любовень и разсудень;
Тогда взаимно ны съ почщенїемъ любви:
Когда же онъ свирѣтъ и къ умягченью шрудень;
То помня крови долгъ, сноси и не скорби.
Повѣрь мнѣ, что Мамай хошя шеперь возвышень,
И гордосши своей не знаешь, гдѣ предѣль;
Но скоро упадешь, и звукъ лишь будешь слышенъ,
Съ какой онъ высокош поверженъ въ низъ лешѣль.
Чудовищу сему хошъ небо попускаешь
Еще до времени родъ смершнихъ раззоряшь;
Но нынѣ чрезъ швою невинноспъ восплаешь,
И ускоришь швою и всѣхъ бѣду скончашь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тамира, НаDIRь и Вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

Тамира.

Не дай, о Боже, мнѣ ошчаяшья въ конецъ!

Надиръ.

И не нашли на насъ превыше силы месши ,
Но будь оставленнымъ и въ ярости опець !

Въстникъ.

Во гнѣвъ изъ палашъ Мамай неуполимомъ
Лишь шолько вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ,
Съ озлобленнымъ пошчасъ увидѣлся Селимомъ,
И пушъ къ сраженію другъ другу дали знакъ.
Взлещѣли на коней, и оныхъ поощряя,
Скакали на поля одни изъ нашихъ спѣня.
Я вѣхалъ имъ во слѣдъ , гдѣ роща еспѣ гуспая ,
Среди кошорой лугъ широкой заключень.
Пушъ первой ихъ ударъ . . .

Тамира.

О какъ мой духъ спѣсмился !

Въстникъ.

Сверкнули ошпрые и дали звукъ мечи ;
Какъ шуча мрачная Мамай ярьсѣ смушилсѣ,
Ошъ глазъ былъ блескъ , какъ валь морской го-
ришъ въ ночи,
Надежда на лицѣ Селимовомъ блиспала,
И въ мужеспвѣ была пріятца красопѣ:
Вездѣ рука его Мамая ушѣснила ,
Мамай искалъ себѣ спасенья ошъ щипѣ.
Едва ошъ скорыхъ онъ ударовъ укывалсѣ,
И дѣйсповашъ мечемъ не успѣвалъ своимъ,
Уже и ошспупалъ и къ бѣгу порывалсѣ,
Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ,
Ударилъ по щипу, звукъ грянулъ межъ горами,

Разпался разомъ щипъ и конска голова.
Мамай повержень былъ внезапно подь ногами,
И ближни попрысались паденіемъ древа.
Селимъ шущь могъ попрашь копытами Мамай;
Однако спедь съ коня, къ восплавшему спѣшилъ.

Надиръ.

Ахъ дерзосшь!

Тамира.

Ахъ бѣда!

Вѣстникъ.

На храбросшь уповая,

Къ погибели своей великодушень былъ.

Какъ чаялъ, чпо врага имѣлъ ужь онъ во власпи:

Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.

Онъ имъ вскричалъ: шеперь спасише опъ напаспи!

Ударились къ нему . . .

Тамира.

О горькіе часы!

О щедры небеса! и мой живощь скончайше.

Вѣстникъ.

Мнѣ свѣпъ изъ глазъ опнявъ, погнала прочь
боязнь!

Я слышала шолько шамъ: рубише и шерзайпе.

Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ: прими достойну
казнь.

Надиръ.

Любезный мой Селимъ, ужъ пы лежишь безду-
шень,

И храбросшь множеспвомъ швоя побѣждена!

На шоль пы шолько былъ родипелю послушень,

Чшобъ кости приняла швоя чужа спрана?

Тамира.

Въ опчаяннн своемъ уже я леднѣю,
Терзаньемъ упомясь любовнаго огня!
Опмспи шы , Государь , опмспи сему злодѣю,
За друга своего опмспи и за меня.

Надиръ.

Пойду, не пощажу своей я хладной крови.
Опмщу, или умру! Довольно и того ,
Что вашей принесши сподоблюся любви
На жертву живота оспашки моего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамира одна.

Какую можешь дашь Надиръ ужъ мнѣ опраду?
Селима больше нѣшь! Мамай вокругъ ополчень!
Иль сквернаго себѣ его ждашь буду взгляду,
И дамъ себя жива чудовищу во пльнь?
Одно спасенье мнѣ не ожидашь спасенья.
Въ покровъ природа смершь нещасливимъ дала.
Имѣя вольный пушь, не избѣгу мученья?
Еще хочу я жишь и не спрашуся зла?
Ужъ сердце за спѣной Селимова шерзаюшь,
Ахъ люшой мой ошець! убійцы по пушямъ.
О какъ и руки имъ швомъ не помогаюшь!
Поди и насладись невинной кровью самъ.
Насмшь слезами грудь дочерними родишель!
И пагубой моей и рокомъ веселись!
Но знай, что будешь слышь на свѣщѣ шы му-
чишель:

Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
А пы мой брашъ, когда спалъ нынѣ другъ Мамаю,
То въ жизни на себя гнушаюсь я взглянушь;
Когдажъ пы ошъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
То въ шошъ же за шобой спѣшишь мнѣ должно
пушь.

И шакъ нещасная Тамира умирая,
Родипельскихъ уже не будешь видѣшь слезъ.
Одна сомкнешь глаза, со свѣша убѣгая,
Оспавлена ошъ всѣхъ, презрѣнна ошъ небесь!
И огорченный духъ сойдешь въ мѣспа подземны,
Себя ошъ шяжкихъ сихъ окововъ разрѣша,
И усшремилъ въ слѣдъ Селиму въ хляби шемны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жипъ вкупѣ запрешилъ,
Хошя по смерши мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣша, чшо съ шобой однимъ мнѣ могъ бышь
миль.

Раскаешься уже, родипель мой! но поздно.
Ахъ! поздно будешь пы надъ мершвою рыдашь,
Чшо принужденіе швое могло мнѣ грозно
Надежду и живошъ шо младоспи опнишь!
А пы почувшвуешь, Мамай безчеловѣчный,
Кошорой опинялъ нынѣ двѣ жизни у меня,
Почувшвуешь пы казнь и спрахи безконечны,
Какъ наша предъ себя присшупишь шѣнь спени.
Селимовъ будешь духъ и мой шобѣ мечпашься,
И лица бѣдня и кровь мездѣ казашъ.
Изъ шпели будешь въ шпедъ ошъ спрашу укрь-
вашься;

Но мѣспа не найдешь, гдѣбъ муки избѣжаешь.
Пока не видя пы своимъ мученьямъ краю,
Погибнешь въ горесши, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, пиранну я желаю!

И въ жершву приношу послѣдній съ кровью
гласъ!

Уже мнѣ вѣчноспь входъ къ блаженспиву опровер-
заешь,

И смершь зовешь меня къ спокойспиву опъ шру-
довъ!

Героевъ свѣшлый ликъ Нарсима шамъ вспрѣчаешь.

А пы мой духъ, къ нему еще ли не гошовъ?

Ты къ дѣлу славному на чшо ослабѣваешь?

Чшо должно пошеряшь, по должно презираешь.

За чѣмъ рука моя конца не ускоряешь?

Мнѣ легче смершь сама, какъ смерши ожидаешь.

Я смершью лишь могла, Селимъ, шебя лишиться,

Когда нашъ вѣкъ продлишь изволилось судьбѣ.

Но нынѣ не хочу и въ смерши разлучиться.

Ты умерь для меня, я слѣдую тебѣ.

(Хочешь заколошься.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Селимъ, Нарсимъ и Тамира.

Селимъ.

(Схвати за руку и вырвавъ кинжаль.)

Я живъ, дражайшая, я живъ и шоржеспивую!

Нарсимъ.

Любезная сесшра, швой здрашшувешь Нарсимъ!

ТАМИРА.

(Ослабѣвая)

Уже межъ мертвыми я вижу шѣнь драгую!

СЕЛИМЪ.

Въ какомъ опшчаянъи!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимвъ съ нимъ!

СЕЛИМЪ.

(Къ ослабѣвающей Тамирѣ)

Тебя, дражайшая, Селимъ швой поздравляешъ,
Что врагъ нашъ погубленъ. Ужъ больше не спра-
шишь.

Насъ вѣрносшь и любовь и щасшь возвышаешъ;
Великой радосшью шы съ нами ободрись.

ТАМИРА.

Возможноль бышь шому? Селимъ! Нарсимвъ! я съ
вами?

Я съ вами въ жизнь еще увидѣшься могла?

Я вижу ясно, что рука швоя надъ нами,

О боже мой, въ бѣдѣ и въ горесши была!

Но мнѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшисъ въ варварской рука моя крови,
Вселенная концы опъ спраха свободила,
Мнѣ мщенье воздала и вашей долгъ любви.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Муметь, Надиръ, Заисанъ, Селимъ, Нарсимъ
и Тамира.

Муметь.

Нарсимъ, гдѣсь! себя явижу, сынъ любезный?
Колику радости ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты изсушилъ мои попоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хощя Тамира быль супругой,
Всего лишаешь насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что ты приобрѣлъ своей къ нему услугой.

Нарсимъ.

Я всю ужъ, Государь, печаль швою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

Муметь.

Внимая спрранну вѣсть, въ сомнѣннѣ ужасаюсь!

Нарсимъ.

Коль чудно я для васъ опъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ! себя, Тамиру и Селима
Избавилъ опъ бѣды, Мамаю погубивъ.
Поверженъ сопоспашъ и раззорилъ Крима,
Что полкъ мой низложилъ; чушь я оспался живъ.

Муметь.

О небо!

Заисанъ.

Ахъ ударъ!

Тамира.

О промыслъ милосердый!

Надиръ.

(къ Заисану)

Не мнѣ ли въ чести конецъ имѣешь наша прія?

Селимъ.

Сама судьба естъ щипъ любви нашей птвердый.

Муметь.

О льстивыя слова коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,
И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

Нарсимъ.

Не слыхано еще на свѣтѣ зло подобно ,

Какое предпріялъ Мамай, пираннъ и льстецъ.

Уже чрезъ пять часовъ горѣла брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.

Въ густой крови кипя, пряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще пучъ.

Ужъ поле мертвыми наполнилось широко ;

Непрядва шрупами спершись, едва шекла.

Различный видъ смершей шамъ предспавляло око,

Различнымъ образомъ поверженны пѣла.

Иной съ размаху мечъ занесъ на сопоспаша ;

Но прежде прободенъ , удара не скончалъ.

Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злапа;

Но мертвый на корыспъ желанную упаль.

Иной опъ сильнаго удара убѣгая,

Спремглавъ на низъ слешѣлъ и спонетъ подъ
конемъ.

Иной пронзенъ утасъ , прошивника пронзая.

Иной врага повергъ , и умеръ самъ на немъ.

Россійскіе полки опъсюду ушѣсненны .

Казалось, что въ плѣнь дадутся тѣмъ падушѣ.
Мамай разперзанны прошивныхъ видя члены,
Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надушѣ:
Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
Когда онъ живъ еще, немедленно пославъ;
Но ежели онъ мерзавъ, съ прошивничьей главою
Поспѣшно возвращаясь, мнѣ радости прибавъ.
Я будучи его шобою ошданы воль,
Не медля, поскакалъ къ Россійскому полку
Димитрія искашь въ его спану и въ полѣ;
По шруцамъ перешошь кровавую рѣку.
Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
И шѣхъ, что вокругъ меня вооружены были,
Дерзнули сѣчь. Я шушь узналъ прокляшой ковъ.
Узналъ, что не вошце его я опасался,
И къ защищенію себя вооружилъ.
Одинъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо успрямлялся,
И спрѣлу на меня въ свирѣпости пушилъ.
Она пробивъ мой щипъ, увязла по срединѣ.

Муметь.

Къ какой ужасной я послалъ себя бѣдѣ!

Надиръ.

Трепещешь грудь моя!

Селимъ.

Коль близко былъ къ кончинѣ!

Нарсимъ.

Внезапно шумъ возсхаль по воинспву вездъ.
Какъ шуча бурная ударивъ ошь пучины,
Ужасной въ воздухъ раждаешъ бѣгомъ свиспть;
Ревешъ и гонишъ мглу чрезъ горы и долины,
Возносишъ ошь земли до облакъ легкой лиспть.
Такъ сила Росская поднявшисъ изъ засады,
Съ внезапнымъ мужеспвомъ пуспилась проптивъ
насъ;

Дождавшисъ шаковой въ бѣдѣ своей опрады,
Оспавше воинспво возвысило свой гласъ.
Во срѣшенъе своимъ Россіане вскричали,
Великой воспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
Мамаевы полки увидѣвъ, вспрепешали,
И ужасъ къ бѣгспвию принудилъ всѣхъ Таш. рь.
Убицы ошь меня для спраду удалились.
Я къ верху смущенне возвелъ свои глаза.
Тогда надъ Росскими полками ошворились,
И ясный свѣспъ на нихъ спуспили небеса.
Ударилъ громъ на насъ, по оныхъ поборая,
И подалъ знакъ, что Богъ на помощь имъ идешь!
Глазами я искалъ и не нашолъ Мамаю;
Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
Внимя спрашннй спонъ, съ холма я оглянулся;
Какую пагуву увидѣлъ нашихъ силъ!
Увидѣвъ купно всѣхъ поспранныхъ, ужаснулс!
Мамаю опомспишъ за все я зло спѣшилъ.

Муметь.

О щаспье льспивое! какъ души ослѣпляешъ!

Тамира , я себя напрасно озлоблялъ!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живошь съ надеждой возвра-
щаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
И очи, Государь, мои шѣмъ насладились,
Чшо опнялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.
Я чаялъ, чшо Мамай съ другими согласился,
Чшобъ множествомъ меня коварно одолѣшь,
Однако я спояшь прошивъ вооружился,
И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
Тощасъ шущъ усмошрѣлъ любезнаго Нарсима,
Которой яросшью къ Мамаю ушремлень
Лешѣлъ къ опшмщенію колеблемаго Крымъ.
Онъ шяжко возшченалъ, мечемъ сквозь грудь
пронзень.

Какъ Тигръ ужъ на копьѣ хопя ослабѣваешь;
Однако посмошрѣвъ на раненой хребетъ,
Глазами на ловца кровавыми сверкаешь,
И рашовище зясь, въ себѣ зубами рвешь.
Такъ мечъ въ груди своей схвашилъ Мамай ру-
кою;

Но палъ, и прясучись, о землю пыломъ билъ.
Изъ раны черна кровь ударилась рѣкою;
Онъ очи злобныя на небо обрашилъ.
Раззинулъ челюспи! но гласа не имѣя,

Со скрежешомъ зубнымъ извергнулъ духъ во
адъ.

Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
Оспались изшребищъ огнемъ послѣдній ядъ.

Надиръ.

Толь шяжко съ высопы Богъ гордыхъ повер-
гаешъ!

Селимъ.

Впорично, Государь, я нынѣ предложу
О шомъ, къ чему моя шоль сильно грудь пы-
лаешъ.

Муметь.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь:
Исполню, что велишь любовь и красота.

Я щаспиемъ своимъ и вашимъ ушѣшаюсь!

Живи въ веселіи, любезная чеша.

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печалень и ужа-
сень,

Что могъ насъ въ пѣгубѣ конечной упоишь;

Толь будешъ всегда онъ весель и прекрасень,

Что въ онъи промысль васъ судиль соединишь.

Взаимная любовь межъ васъ непринужденна

Всегдашній вѣрносшью пущь дашъ инымъ при-
мѣрь.

Мамаева при шомъ кичливосшъ поражена

Другихъ пущь успрашишь гордишья выше
мѣрь.

Часть II.

. 8

Къ гошовому пеперьъ вы олшарю за мною
Послѣдуйше предъ нимъ въ супружесство вспу-
ишишь.

Клеониною я хошь оскорбленъ виною,
Но радости нынѣшня велишь ей все просишишь.

Конецъ Трагедіи.

ТРАГЕДІЯ
ДЕМОФОНТЪ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ разоренія Трои Демофонсъ сынъ Тезея Царя Аѣинскаго, возвращаясь ошъ Трои въ оше-чешво, прошивною бурєю занесенъ былъ къ берегамъ Фракійскимъ, и съ разбишаго флоша приняпъ Царевною Филлидою дочерью Ликурга Царя, послѣ смерти копораго воспиналъ ее Полимнеспоръ Князь, и правивель Фракійскій. Въ шо время былъ онъ на войнѣ прошивъ Скизовъ, оспавивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсшу свою Иліону дочь Пріама Царя Троянскаго, приведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ брашомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чшобы сохранишь ихъ ошъ Грековъ съ присланнымъ великимъ богашсшвомъ. Въ ошсупсшвіе его Филлида съ Демофонсомъ возъимѣвъ великую взаимную любовь, положили, чшобы уговорясь съ Мемнономъ, сочешашься между собою бракомъ, и приняпъ правленіе государсшва, а Полимнеспора ошрѣшишь ошъ онаго. Между шѣмъ Демофонсъ прежде жалосшію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонясь, сомнѣнною сшрасшію шоль долго колебался, пока Полимнеспоръ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и ошселъ начинаешся сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

Демофонтъ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

Полимнесторъ, Князь и намѣстникъ царскій
во Фракіи.

Филлида, Царевна Фракійская, дочь умершаго
Царя Ликурга.

Иліона, Царевна Троянская, дочь Пріамова,
невѣста Полимнеспорова.

Мемнонь, Правитель города Сеспи.

Драметъ, Полководецъ Демофоншовъ.

Креуза, мамка Филлидина.

Вѣстникъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Сеспи приморскомъ
городѣ Фракійскомъ въ царскихъ чертогахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Демофонть и Креуза.

Филлида.

Онъ въ сихъ уже спѣнахъ: о люшая напасишь!
Ты знаешь, Демофоншь, его велику власшь.
Желаніе мое какъ можешь совершишься,
Гдѣ Полимнеспора мой слабой духъ спрашишься?
На что ты оплагаль, на что шоль долго бракъ?

Демофонть.

Мнѣ спрогая судьба повелѣвала шакъ.
Но что великой спрахъ?

Филлида.

Еще ли вопрошаешь?

Давно уже, давно ты все подробно знаешь,
Что мнѣ съ шѣхъ поръ спрашна понмишь его гроза,
Когда родипелю сомкнула смершь глаза.
Онъ жизни своя послѣдній часть кончая,
Просши, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая,
Живи и возраспай щасшливо подъ рукой,
Что въ возрастѣ себя наспронъ возвысишь мой.
Ты князю будь, какъ мнѣ, до времени послушна;
Я вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ шѣмъ духъ послѣдній изгу-
сшилъ,
И Полимнеспоръ власшь надъ царшвомъ полу-
чилъ.

Черезъ двенадцать лѣтъ коль сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты шеперь; но какъ ты не смутился?
И неподвижно какъ возмогъ смолчать на спрахъ,
Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
Смущенныхъ ошь его внезапнаго приходу?

Демофонтъ.

Сіе ли успрашишь геройскую породу?
Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ?
Чего желаю я, что получу одинъ.
И чаешь ты, чтошбъ пошь симъ видомъ взвол-
новался,
Что Гекшора видалъ и въ полѣ съ нимъ сражался?

Филлида.

О мужество швоемъ не сомнѣваюсь я;
Иной напасши ждешь печальна грудь моя.
По всѣмъ признакамъ я безцасна примѣчаю,
Что къ пагубѣ своей любовію пылаю.
Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чинишь
народъ,
И что владѣшь ему оспался цѣлой годъ;
Въ ошсущствіе его уговорясь съ Мемнономъ,
Мы брачнымъ укрѣпишь любовь могли закономъ.
И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
Ошспалибъ ошь него, ошвергнувъ пягосшь узъ.
На храбросшь бы швою надежду положили,
Прошивъ его свой духъ и руки обратили.
Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онь вступ-
пиль,
Побѣдами свое правленье укрѣпиль.

Онъ больше прежняго ужъ власнь свою умно-
жишь

По умысламъ своимъ и бракъ мой расположишь.
Но шы спокойно могъ сея напасши ждашь ?
Какъ можешь предо мной себя шы оправдашь ?

Демофонтъ.

Смущенія швой, драгая, всѣ напрасны,
И шъни кажущя однѣ шебѣ ужасны.

Хоть Полимеспоръ здѣсь ; но онъ какъ швой
ошець,

Твоимъ сомнѣнїямъ желанный дасшь конецъ.

Когда въ младенчествѣ онъ былъ швой покрови-
пель ;

То будешь ли въ швоемъ ужъ возрастѣ гони-
пель ?

И медленосшь моя вредить не можешь намъ ;

Пока я долгъ ошцу въ ошечествѣ опдамъ ;

То княжеско къ концу владѣнїе досшигнешъ ,

И швой народъ шебя и онъ на пронь воздвиг-
нешъ.

Въ Афинахъ укрѣпя пресполь свой , возвращусь,

И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

Филлида.

Такъ можешь цѣлой годъ пребышь и безъ
Филлиды ?

Такіе ли казалъ съ начала шы мнѣ виды ?

Когда свирѣпый вихрь разбилъ швой суда ,

Когда еще шекла съ одеждъ швоихъ вода ,

Когда изъ челюстей несущья пучины

На мой шы приняшь брегъ , спасенъ ошь злой
кончины ;

Ты шакъ ли говоришь? ты шакъ ли припадалъ?
И шакъ ли взоръ вводишь, и шакъ ли въздыхалъ?
Слезами и бѣдой швоей я умилилась;
На швой плачевный видъ, на жалку часшъ скло-
нилась.

Почши безъ чувствъ шебя я въ домъ свой при-
вела,

Спокойшво ошъ шрудовъ и жизнь шебѣ дала.
И для меня Мемнонь явилъ шебѣ приапшво,
Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатш-
шво,

Копшрое шогдажъ шебѣ возвращено,
И съ нимъ сокровище мое сообщено.
Какъ можешь, что доспалъ убійшвомъ ты и
кровью,

Сравнишь съ шѣмъ, что шебѣ моей дано любовью?
Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла;
Я общимъ все добромъ имѣние звала.

Съ сугубой хочешь въ домъ корышню возвра-
шиться,

Троянскимъ и моимъ богатшшвомъ возгордишься?
Демофонтъ.

О какъ мнѣ рѣчь сия въ печальну грудь разишь!...

Подумай, что шеперь ошецъ мой говоришь:
„Меня прошивникъ здѣсь ошъ царшва оплу-
чаешь;

„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ шаетъ,

„И въ роскоши презрѣвъ еспешвенный законъ,

„Въ ничто вмѣняешь скорбь опеческу и спонь.,,

Предспавъ, дражайшая, ты гордаго Мнесшя,

Что хочешь хищной сняшь рукой взнецъ съ
Тезея,

И въ спароспи ему онъ казню грозить :
Предспавъ себѣ, предспавъ Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный ошець, о какъ шы въздыхаешъ !
Ты взоры слезные чрезъ воды проспираешъ,
И наблюдаешъ всѣхъ судовъ бѣгущихъ пушь,
И на берегъ едва дерзаешъ шы взглянушь,
Гдѣ злой шпираниъ шебя насильно ушѣсняешъ,
Тогда, какъ Грецію опрада оживляешъ.
Съ побѣдою пришли обрашно шамъ Цари,
Восходишь къ небу плескъ, дымяпся олшари.
Троянскимъ злашомъ всѣ блисшаюшь шамъ чер-
шогги,

Приемлюшь злашо въ даръ ошецескіе боги.
Ошцы и машери вспрѣчаюшь шамъ сыновъ,
И радость изъяснишь не доспаешъ имъ словъ.
Всѣ слушаюшь ошъ нихъ Приамову судьбину,
И Гекшорову смершь, и славы ихъ кончину.
А шы, родишель мой, ушѣхи шой лишень !

Филлида.

Но мною ли онъ въ сей печали погружень ?

Демофонтъ.

Такой мнѣ ошъ боговъ уже предѣль посшавлень,
Что я хошъ на сей брегъ ошъ ярыхъ волнь из-
бавлень,

Однако чтошъ на немъ въ смущеньи ушопашъ !

Филлида.

Но я ли спрогосшью могла шебя смущашъ ?
И кшо препащшшвоваль намѣренью скончашься,

И прежде Князя намъ на царство увѣнчать?
И силу бы твою услышатьъ шамъ Мнеспей,
Державы досягать дерзнулъ ли бы твоей?
Подумаль ли бы онъ, что Ораческая сила
И съ ней рука твоя ему бы не опмешила?

Демофонтъ.

Такъ хочешь, чтобы я не видѣлъ нынѣ Аѳинъ,
И шамъ не защишилъ опеческихъ сѣдинъ?

Филида.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслишь,
Чтобъ спала я своимъ веселіемъ по числишь,
Когда бы ты опца и скипшрь свой позабылъ?
Мнѣ поль же какъ тебѣ, повѣрь, опецъ твоей
милъ.

Я власпъ здѣсь укрѣпя, съ тобой бы въ Понтъ
пустилась,

Ни опспрхъ камней ябъ, ни буръ не успрашилась.
Какуюбъ радость твоей почувспвовадь опецъ,
Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

Демофонтъ.

Не знаешь зависпи межъ Греками, не знаешь!
И шакъ ли два вѣнца совокупишь ты чаешь?
Лишь шолько дойдешь вѣспъ къ сосѣдямъ черезъ
Понтъ,

Что принялъ опъ тебя власпъ царску Демо-
фонтъ;

То силою въ боязнъ приведены моею,
Всѣ опце опспѣшашъ вѣнецъ опдашь Мнеспею.
Мнѣ прежде должно власпъ наслѣдну укрѣпишь,
И послѣ съ оною твоею совокупишь.

Филлида.

Не мысли, Государь, чшобы младья лѣша,
И слѣпоша любви меня лишила свѣша,
Чшобъ мыслей я швоихъ примѣшишь не могла,
Кшоры спрасшь къ себѣ другая опшлекла!
И рѣчь швоя шебя и взгляды обличающъ,
И сердца швоего всю шайну опшкрывающъ.
Я вижу изъ швоихъ пошупленныхъ очей,
Чшо больше нѣшь уже ко мнѣ любви швоей.

Демофонтъ.

Драгая, переспань шерзашь мой духъ смущенный!

Филлида.

Бѣжишь опъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развра-
щенны

Не могушь ушерпѣшь моихъ правдивыхъ словъ.

Уже шы къ своему опшшесшвию гошовъ,

И долѣ меня не хочешъ удоспоишь

Демофонтъ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоишь!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Не ясноль кажешъ мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Чшо я слезамъ своимъ даю безъ пользы шечь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Чшо онъ нарочно бѣгъ опъ брачнаго союза.

Креуза.

Я сердцемъ шрепещу, смущенія боясь!

Что будешь, как свою любовь узнаешь Князь?
О Демофонсъ что, Царевна, онъ помыслишь,
Кощорога врагомъ со Греками онъ числишь?

Филлида.

Могла ли я шакой печали ожидашь?
И что уже шеперь безщасшной мнѣ начашь?
Ты рокъ гошовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ
шайнѣ?

Креуза, ахъ поди, слѣши, спарайся крайне,
Всшупи съ немъ обо мнѣ въ просшпанной раз-
говоръ,

И примѣчай слова, движенія и взоръ:
Тебѣ покажушь всѣ вопросы и опшвѣшы,
Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣшы.

Креуза.

Дай, небо, чтообъ въ швоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
Былъ равень моему спаранію успѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида одна.

Чтообъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣришь?
И спрасши въ немъ другой я не могу измѣришь?
Не щцешноль жду шого, что онъ мнѣ обѣщаль,
И что мнѣ кляшвою спокрашно подшверждалъ?
Однако шакъ моей любовью одолженный
Гнушашься мерскія не будешь ли измѣны?
Горячая его къ родишелоу любовь
Не возмушишь ли въ немъ шакой напашью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!

И видя явну лещь, его же извиною!
Ахъ! какъ мнѣ нынѣ бытъ? и Полимнеспоръ самъ
Являешся моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Уже мнѣ на конецъ пріяшнюю судьбою,
Царевна, суждено увидѣшься съ побою.
Опъ взору швоего при лѣша оплучень,
Всегда прошивъ швоихъ враговъ былъ ополчень.
Раздоры внушрenni и внѣшни успокоилъ,
Противныхъ побѣдилъ, и съ ними миръ ушпроилъ.
Неоднократно я всю кровь кошѣлъ пролишь,
Чшобъ царство для себя недвижно ушвердишь;
Но щедръ небеса судьбину опврапили
И жизнь мою съ швоимъ наслѣдшвомъ сохранили.

Филлида.

Чшо защищая шы во мнѣ Ликурговъ родъ,
На брани положишь гошовъ былъ свой живопъ,
За шо благодаряшъ тебя народы многи,
И чпяшъ зависшники и любяшъ сами боги.

Полимнесторъ.

Симъ щасшiemъ хопя я много веселюсь;
Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
Увидѣвъ, чшо въ мое опсушсшвiе Филлида
И возраспомъ своимъ и красошою вида
До шѣхъ досшигла мѣръ! когда уже любовь

Ликургову побой воспавишь можешь кровь.
Едино совершишь мнѣ дѣло ужь оспалось,
Чшобъ сердце чрезъ меня доспойное сыскалось,
Доспойное шебѣ въ вѣкъ поручено.

Филлида.

Усердіе швое извѣсно мнѣ давно:
Хошя рука швоя симъ царшвомъ, Князь, владѣла,
Но я лишася опда, въ шебѣ его имѣла.

Полимнесторъ.

Превыше нынѣ мѣръ побою я почпенъ,
Чшо именемъ я шоль великимъ нареченъ.
Довольно, еспыльбъ я шого былъ удоспоенъ,
Чшобы чрезъ меня народъ былъ успокоенъ,
Копшорой въ радости уже всечасно ждешь,
Кого швой нѣжной взоръ и сердце изберешь,
Чшобъ царшвовашь съ побой на опческомъ
прешолъ,

О щаспливъ, щаспливъ шопть, и всѣхъ онъ
смершнихъ болѣ!

Филлида.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,
Копшорой нравамъ онъ похвальнымъ научилъ.
Но сколько опъ швоей онъ ревности желаешъ,
Моя нещасна грудь шого имѣшь не чаешъ.
Я щасплива былабъ, когда швоя бы власшь
Могла мнѣ укрѣпиль мою желанну часшь.

Полимнесторъ.

Хошъ всею я еще Эракію владѣю,
Но силы шаковой и власши не имѣю,
Какая въ нѣжности и младости швоей

Близшаешь изъ швоихъ плѣняющихъ очей.
Своею больше шм успѣешь красошою.

Филлида.

Коль мало пользовашь могу себя я шою!

Полимнесторъ.

Ты можешь ею все

Филлида.

Узнаешь скоро самъ.

Но время приносишь тебѣ хвалу Богамъ.

Я В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

Полимнесторъ и Мемнонь.

Мемнонь.

Надѣясь швоего въ великій храмъ прихода,
Несчешно множешво спекаешься народа.
Я войско по мѣшпамъ разшавиль, Государь,
И жершву приносишь богамъ гошовъ олшаръ.

Полимнесторъ.

Какое принесу я имъ благодаренье,
Когда повержень я послѣ шрудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушишь,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинишь?

Мемнонь.

Въ тебѣ ли можно бышь какимъ мученьямъ мѣшпу?
Въ спокойномъ шоржешшвѣ шм видишь здѣсь не-
вѣшпу;

Геройску видишь дочь, геройскую сешпру
Плающую къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишасъ она, шобой была спокойна:

Часть II.

Супружества съ побой въ несчастіи достойна.
Желаніе свое ты можешь совершить,
И съ бракомъ торжествую сіе соединишь.
Она послѣ себя минуны всѣ считала;
По Трою, по ощи не столько воздыхала,
Какъ взору своего, крупилася, лишася.
Коль часшо слезъ рѣка изъ глазъ ея лилась!

Полимнесторъ.

Что часшъ ея жалка, Мемконъ, я признаваю.
Съ любовью купно скорбь для ней прешерпяваю.
Сугубо чувствую я бремя на плечахъ!
И что, скажи, шедеъ я видѣлъ при брегахъ?
Чьи флаги на водахъ Борей Фракійскій вѣнешъ?
И что въ намѣреньи Филлида здѣсь имѣнешъ?
Скажи и не ушай, что было безъ меня,
Что въ домъ дѣлалось и въ сердцѣ у нея?

Мемнонь.

Возможноль ошъ себя мнѣ, Государь, шашься?
И должносшь и любовь велишь шебѣ ошкрыпьяся.
За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
Гдѣ съ воинствомъ шебя водилъ геройской духъ;
И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсшь пла-
чевна,

Что Трою рушила въ конецъ судьбина гнѣвна;
Внезапно солнца видъ на всходѣ спалъ багровъ
И шусклые лучи казалъ изъ облаковъ.
Ошъ берегу въ дали пучина почернѣла
И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ нале-
пѣла.

Напала мгла, какъ ночь, ударилъ громный прескъ,
И мрачность пресѣкалъ лишь часпыхъ молній
блескъ.

Поднявъ сѣды верьжи, спремилась волны яры,
И берегъ заревѣлъ, почувспвовавъ удары.

Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли,
Что съ моря бурный вихрь несешь къ намъ ко-
рабли,

Кошоры люшосшь водъ шо въ пропаспяхъ скры-
ваешъ,

То вздернувъ на бутры, порывисшо бросаешъ ;

Раздранны парусы пловцы опдавъ въспрамъ,

Ужь руки подняли къ закрышпмъ небесамъ.

Мы чаяли шогда Енеева прихода

Съ оспашками Троянъ нещаспнаго народа.

Обьяша жалосшью, подвигнуша бѣдой,

Царевна на берегъ безъ спраху шла за мной.

Тупъ алчный Поншъ пожралъ при корабля предъ
нами,

И въ часпи раздробивъ, извергъ на брегъ волнами.

Увидѣвъ, что съ водой шамъ бьешся человекъ,

Съ рабами я спѣшилъ и на песокъ извлекъ.

Онъ очи смупныя со спрахомъ обрацая,

И шомныя успа чрезъ силу опшверзая,

Къ Филладѣ, облившись слезами, говорилъ :

Когда небесный гнѣвъ меня шакъ поразилъ,

То я уже взирашъ на небо не дерзаю ;

Къ щевъ, Богиня шы иль смершна, прибѣгаю,

Или, какъ чаю, сихъ владычица бреговъ,

Покрой насъ и превымъ щедрошою Боговъ.

Царевна шаковымъ подвиглась жалкимъ слухомъ,
Инѣжнымъ, преклонясь, ошвѣшпсвовала духомъ:
Спокоенъ будь шеперь, и ошложи весь спрахъ:
Не варварски сердца родящся въ сихъ мѣспахъ.
Хошя не знаемъ мы, какого шы народа,
Но бѣднымъ помогашь велишь сама природа,

Полимнесторъ.

Кшо сей нещасный былъ ?

Мемнонъ.

Царя Тезея сынъ.

Онъ сердца нашея Царевны господинъ!
Народъ его, чшо съ нимъ опъ пагубы избавленъ,
Спокойшвомъ ободренъ, и флощъ его испра-
вленъ.

Полимнесторъ.

О вѣспи спранныя! о чудный судъ боговъ!
Но пойдемъ ихъ спросишь; я ко всему гошовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

Д Ъ Й С Т В І Е В Т О Р О Е .

Я В Л Е Н І Е П Е Р В О Е .

Демофонтъ, Полимнесторъ и Мемнонь.

Демофонтъ.

Ты склонносшь кажешъ мнѣ вся надежды
боль?

И чѣмъ я заплачу пвоей шоль щедрой волъ?
Я спранспвую гонимъ ошъ волнь и ошъ небесь;
Ты въ скорьби, Государь, оспраду мнѣ принесь.

Полимнесторъ.

И я шѣмъ веселюсь, чшо дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣшь сына,
Кошорой мужеспвомъ ему себя сравнилъ,
И шѣмъ подъ Троею Героямъ общимъ былъ,
Кошорыхъ на нее послали гнѣвны боги.
Не вы, не вы, они Пріаму были спроги!

Демофонтъ.

Умѣренносшь пвою чему могу сравняшь?
Величеспвомъ души Пріама больше зяшь!

Полимнесторъ.

То все еще шеперь у промысла во власши;
Доспигнешъ до своей и Иліона часши!
Ошъ яросши боговъ убѣгнешъ ли она,
Кошору чувспвуетъ ошца ея спрана,
То день посшавленный покажешъ намъ конечно!

Демофонтъ.

Иль рвеніе боговъ на Троию будешь вѣчно?
Когда уже и въ насъ смягчились сердца;
То имъ ли злобишься на бѣдныхъ безъ конца?
Когда предспавлю я въ умѣ своемъ Пріама,
Терзаюсь мыслями опъ жалоспи и срама,
Чшо Греческой рукой Царева сѣдина,
О варварство! въ его крови обагрена.

Полимнесторъ.

Теряешь славу всю свирѣпствомъ побѣдишель;
Но часшо долженъ онъ невольно бытъ мучишель,
Какъ надобно своихъ предохранишь опъ зла.
Тебѣ всегда за шо пребудеть похвала,
Чшо о нещасіи поверженныхъ жалѣешь;
Ты злону шѣмъ своихъ враговъ преодолевъшь.
Когдабъ жалѣли шакъ, опшедъ всѣ Греки прочъ,
Сіебъ Пріамову могло упѣшишь дочь.

Демофонтъ.

Мнѣ знашь другихъ сердець движенія не можно;
Но объявишь сіе могу шебѣ неложно,
Чшо въ жизни я себя великимъ бы почель,
Когдабъ ей доказашъ сердечну жалоспъ смѣль,
Кошпоруку объ ней - - -

Полимнесторъ.

Я въ шомъ не возбраняю;

Но силы ласковымъ словамъ швоимъ желаю,
Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
Чшо Троя опъ боговъ, не вами сожжена.
И вида, чшо о шомъ, кшо воевалъ, крушишься,
Могла бы опъ шоски хопъ мало свободишься.

Демофонтъ.

Всѣ силы положу, чѣшобъ Грековъ посрамишь,
И Иліону въ шой надеждѣ ушвердишь,
Чшо пѣ же укропшяся, воспшавишь боги Трою.
О ешълибъ сею могъ воздвигнушь я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Полимнесторъ и Мемнонь.

Мемнонь.

Я объявилъ его къ швоей невѣсшѣ спшрасшъ,
Дивляюсь, чшо шы ему даешъ ходишь къ ней
власшъ!

Полимнесторъ.

Я не даль бы, но чшожь? другое нынѣ время!
И боги съ моего снимаюшъ сердца бремя.
Покажушъ щедрой шѣ на Іліонѣ судъ.
Успрояшъ все объ ней и шчасшье ей дадушъ.
Меня ихъ власшъ къ другой любви понуждаешъ:
Мой духъ прошивишься ихъ воли не дерзаетъ!

Мемнонь.

Чшо слышу, Государь?

Полимнесторъ.

Ошъ олшаря опшвѣшъ!

Ты слышала въ храмѣ громъ, Мемнонь, и видѣла
свѣшъ,

Когда я прислуцивъ, предъ Марсомъ преклонился,
И какъ ошъ жершвы дымъ предъ онимъ воску-
рился;

Тогда военный богъ щипомъ своимъ попрысь ,
Блеснулъ очами вдругъ, и изпустилъ сей гласъ :
„Для Трои на себя не привлекай шы гнѣву,
„Врученную шебѣ любви вѣкъ дочь Цареву.,,
Толь ясныя слова не смѣю полковашъ;
Я волю принужденъ безсмертныхъ исполняшь ,
Чшобъ бышь Ликургова по власши оныхъ шрона...
Но нынѣ оцшпули: приходишь Иліона.

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Увидѣвъ, Государь, наединѣ шебя ,
И смѣюль рѣчь зачашъ, швой духъ не оскорбя.
Весь городъ веселясь, въ очахъ швоихъ сіяешъ ,
И можешъ бышь мой взоръ шебѣ лишь досаж-
даешъ.

Боюсь , чшо я сему шоржешшвенному дню
И радости швоей препяшшшо учиню!
Ты видишь предъ собой не шу ужъ Иліону,
Чшо прежде славою опеческаго шрону
Украшена, шебѣ была обручена,
Со свѣшлымъ празднешшвомъ въ сей градъ при-
ведена;

Но съ Троею всего величешшва лишенну,
И шолько лишь къ шебѣ надеждой укрьпленну.
Какъ сердце бы швое мнѣ не было дано,
Ошчалося бы мнѣ опчаянъе одно.

Я въ Троѣ, въ Гекшорѣ, въ Пріамѣ умираю,
И полько лишь къ шебѣ любовію дыхаю:
Возспавъ и укрѣпи!

Полимнесторъ.

Я долженъ самъ упасшь!

О спрогая судьба! о гореспная часшь!

Иліона.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя
Лишаешъ и шебя веселья и покоя!
Но ежели шебѣ еще я шакъ мила,
Какъ въ шѣ часы, когда изъ Трои я пришла;
То всю свою шоску въ сей день преодолѣю:
И шы спокоенъ будъ спокойноспью моею.
И Гекшоръ и Троиль, Геккуба и Пріамъ
Въ шебѣ одномъ моимъ являющся очамъ.

Полимнесторъ.

Когдабъ я былъ шебѣ Парисомъ или Пріамомъ,
То былъ бы щаспливъ я уже въ нещаспѣ са-
момъ.

Иліона.

Ты можешъ, Государь, шеперь мнѣ ими бышь,
И Трою на брегу Факійскомъ защишишь,
Копорую еще неукрошима Греки,
Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
Коварно ушѣсняшъ и здѣсь не преспашюшъ,
И мѣсна оня оспашкамъ не даюшъ.
Въ ошсушшвіе швое бурливая погода
Разбила корабли прошивнаго народа.
Тезеевъ сынь ошъ волнь спасемъ оспашся живъ,

Здѣсь спранспвуя живеть. Онъ время улучивъ,
(Того я знашь не щусь, за правду иль пришво-
ромъ)

Мнѣ часшо о любви досаднымъ разговоромъ
Терзаль мой скорбной духъ несносной сопоспашъ,
Кощораго одинъ мнѣ пуще смерти взглядъ.
Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, держаетъ
Другой любви искапъ, чрезъ что онъ объявляетъ,
Что онъ на всякой часъ на злоспъ свою гошовъ.
На всѣхъ онъ, Государь, сплешаетъ тшпрый ковъ:
Опмсши пы за меня, опмсши пы за Филлиду,
За Трою, за весь родъ, за собспвенну обиду.

Полимнесторъ.

Я сеюбъ кровь его рукою пролилъ самъ,
Когда бы было шо угодно небесамъ!
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетъ,
И мечъ мой на него поднятъ не позволяетъ.

(на спорону)

Хощя одной посшилъ, хощя другой онъ любъ;
Вездѣ соперникъ мнѣ и сопоспашъ сугубъ.
Сугубаго въ рукахъ соперника имъю!
Но мсшилъ ему за шо, о боги, я не смъю!

(указывая на Иліону)

За шѣмъ я вамъ ее на волю опдаю,
Вы дайше помочъ ей, скрѣпите грудь мою
Исполнитъ вашъ опвѣщъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илиона одна.

Гдѣ мнѣ искашь покрова?

Не слышала теперь ни одного я слова,
Копорымъ бы признакъ онъ нѣжноспи мнѣ даль!
Чшо смушны опъ меня онъ очи опшврацаль?
Ахъ, Троя, шы упавъ, любовь въ немъ разрушила!
Я вижу, чшо и здѣсь безсмершныхъ гнѣвна сила
Не прешаешь Троянъ оспашки ушѣсняць.
И шопъ уже меня не хочешъ защищашъ,
Къ копорому меня во брачныя черпоги
Посшавила любовь, Приамъ и сами боги.
Чшо нмѣ предпріяшь они веляшь ему?
Соперникъ Демофоншъ сугубо почему?
Или къ Филлидѣ онъ любовію пылаешъ?
Но чшошъ сопернику опшмспишь онъ не дер-
заешъ?

И чшо меня еще вручаешъ онъ Богамъ,
Когда покрышь опъ бѣдъ скорѣ можешъ самъ,
Когда они свой взоръ опъ Трои опшвращили?
Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
Мы равну съ Греками имѣемъ плошъ и кровь:
И ваша бышъ должна ко всѣмъ равна любовь.
Но грекамъ вы опщы, Троянамъ вы ширанны:
Они вознесены, а мы лежимъ пошранны!
Однако ешъди шакъ васъ огорчилъ Приамъ,
Чшо кровію воздашь не могъ и Гекшоръ вамъ;
Но въ гнѣвѣ вы своемъ кошѣли видѣшь Троя
Зажженну въ жершву вамъ прощивною рукою,

И войско и народъ и спѣны испребишь ;
То что ужъ можешь васъ на яросшь побудишь ?
Предспавше прежнюю Пріамову державу ,
Героевъ и полки величешво и славу ,
Гдѣ нынѣ пепель , дымъ , развалины и прахъ
И косши на пущыхъ разсыпаны поляхъ .
Младенець лишь одинъ съ безпашною сѣспрою
Не можешь въ бѣдноти сыскашь себѣ покою ,
Почши уже плѣнень живешь въ краю чужомъ !
Еще ли можеше бросашь на насъ свой громъ ?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона и Демофонть.

Иліона.

Еще ли умножашъ идешь мои печали ?

Демофонть.

Еще судьбы меня , еще къ шебѣ послади ,
Копорья шакой посшавили предѣль ,
Чшобъ нѣжно сердце я всегда къ шебѣ имѣль .
Коль часшо оскорбленъ къ шебѣ бышь зарекаюсь ,
Толь часшо прешупивъ зарокъ свой , возвращаюсь .
Суровой швой ошвѣшь скрѣпиль вчера мнѣ грудь ;
Но нынѣ съ жалоспью любовь опкрыла нупь ;
Сильнѣе прежняго , вошедъ въ меня , пылаешъ :
Чшо жалоспъ о шебѣ сугубу предспавляешъ .
Оспавленна ошъ всѣхъ , лишенная всего ,
Ужель послушаешъ совѣшу моего ?
Подвигнушь ли шебя мои попоки слезны ,
Когда спенанія и вздохи бесполезны ,
Копоры нынѣ шщ пускала къ небесамъ ,

Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?
Другой уже красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
Ошъ нѣжноспей швоихъ во вѣки зашворились.

Иліона.

Невѣрной!

Демофонть.

И кому!

(указывая на Иліону.)

Иліона.

Подобень въ шомъ шебѣ.

Филлидаль ошъ шебя сего ждала себѣ?

Демофонть.

Онъ лакомшву, а я любви порабощилъ;
Онъ царшвомъ, я шобой дражайшая, плѣнился.
Любви онъ и своей невѣспѣ измѣня,
Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
Филлидинъ будешь духъ, повѣрь, о семь спокоень:
Чшо благодарносшъ лишъ, не жаръ мой къ ней
приспоень.

Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:

Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

Иліона.

Какъ можешь шребовашъ, чшобъ я шебя любила?

Судьба и спрасшъ меня другому поручила.

Демофонть.

Пресшупнику!

Иліона.

Пускай хошябъ шаковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Пріамъ не обручилъ;
Но сносно ли бы мнѣ швое желанье было?
И мысль одна объ васъ мнѣ грозное спрашило!

Когда предспавишся въ моемъ мечпаньѣ Грекъ ,
Кровавы вижу я попоки нашихъ рѣкъ ,
Пылаешъ домъ опщевъ, сеспру влекушъ изъ храма
Рыдающе среди ругашельсшва и срама ,
Дѣвиць Троянскихъ въ плѣнь окованныхъ ведушъ,
По дѣшяхъ машери, шерзая грудь , ревушъ.
Раздранны вижу шамъ я Гекшоровы члены ,
И спрашно въ слухъ мой бьюшъ валящіяся спѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ нещасшна спонешъ
маншъ.

Возможно ли шебѣ любви моей желашъ ?

Демо фонтъ.

Я общникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я спѣны раззорялъ опца своей любезной !
Но можешъ ли швой гнѣвъ , Царевна, и въ сей
часъ

Пылашъ прошивъ меня? еще ли не погасъ ?
Не мною Гекшоръ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обагрена.
Ахъ ешълибъ я шебя еще до брани зналъ ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ возсшалъ.
Ощецъ меня послалъ со воинспвомъ подъ Трою:
То много ли я шѣмъ виновенъ предъ побою?
Я дорого плачу попоки вашихъ слезъ,
И больше зла шерплю, какъ Троѣ я нанесъ!
Я въ жершву далъ себя грызущей внутрѣ печали,
И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылали.

(*) Старое имя города Трои.

Ты мучишь хощь, шебя всему я предпочощь!
Бываль ли я когда шаковъ Троянамъ зощь?
Но еспили не смягчишь швой духъ мои мученья,
Когда пы пребуешь еще себѣ ошмщенья;
Могуть хощя пгогда шебѣ я угодишь,
Какъ Грекамъ и сѣбѣ за васъ я буду мшпиль?
Мой духъ къ шему гошовъ и жизнь моя гошова;
Я жду лишь ошъ шебя, драгая, шолько слова.
Со мною спанешъ шы и сѣ нами Полидоръ
Сѣбогашшвомъ на брегу вѣшѣни Троянскихъ горъ.
На слухъ со всѣхъ шпоронъ Фригійсцы соберущя,
И къ облакамъ верхи Троянскіе просшпрущя.
Великосш царшвъ въ одной не сосшопишь спѣнѣ,
Новъ полной жишельми, обильной всемъ спрашъ.
Вздвигли Трою шѣ упадшу Геркулесомъ,
И нынѣ обновяшъ пошранну Ахиллесомъ.
Ошець швой возврашилъ ихъ силою весь вредъ,
Кощорой прешерпѣлъ нещасшливой швой дѣдъ.
По жребью получилъ я въ Троѣ шу корону,
Чѣмъ швой ошець вѣнчанъ по древнему закону.
На Полидоровъ шу, на швой вержь возложу,
И сѣшующему народу покажу,
Чшо паки живъ Приамъ и обновляешъ Трою.
Но какъ возведена на шронъ свой будешъ мною,
То можнощь мнѣ себя шакой надеждой лѣшпиль,
Чшобы мнѣ у шебя и шамъ врагомъ не слышъ?
Я больше для шебя, драгая, предпріемлю,
Ошеческу свою пренебрегая землю.
Тамъ ждешъ меня своя порфира и вѣнецъ,

Тамъ ждешь меня, крушась, при спаросши ошець.

Илиона.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи бесполезны:
Оставь меня, не множь мои попоки слезны!
Кшо можешь снова намъ шѣ спѣны соградить?
Копорыхъ не возмогъ и Гекторъ защишишь?
Ни царство ужъ меня, ни слава не прельщаетъ,
Копорья въ ничпо судьбина превращаетъ.
Въ любви моей не шоль велика ешь цѣна,
Чшебъ чешь твою для ней была повреждена.

Демофонтъ.

Слышь браномъ Гектору всей чешь имя равно,
И въ пошже власшь порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ
славно.

Оставилъ Грековъ онъ, сеспру твою любя:
Я шо же сдѣлаю и больше для себя.
Ты удоспой меня хощь взглядомъ, дорогая,
И посмотри лице и очи примъчая,
Возможно ли въ моей груди шайшься льспи?
И можноль больше мнѣ шраданиа снести?

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонтъ, Илиона и Филлида.

Илиона.

(къ Филлидѣ)

Любезная моя Царевна, дай оспраду.

Филлида.

(ошсупая назадъ)

И вамъ лишь наношу препяшспвиѣмъ досаду!

Илиона.

(удерживая Филлиду)

Оспавленну ошъ всёхъ одна шь не ошавъ.

Демофонтъ.

Къ чему злой рокъ привель . . .

Филлида.

(Къ нему)

Теперь себя оправъ . . .

Однако поспѣшай и обновляй шь Трои ;
Забудь, что вѣчной срамъ шуда пойдешь съ шифою ;
Мои заслуги шь забудь и два вѣнца,
И вѣрносшь и любовь и совѣсшь и ошца.
Но чшобы мнѣ о семъ и памяци лишисшься ,
Пойду безшасшная . . . но гдѣ мнѣ будешъ скри-
шься?

Илиона.

Я сздую шебъ , погибну или спасусъ .

Демофонтъ.

Дражайшая, пожди, позволъ . . .

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Демофонтъ одинъ.

Какъ я мяшусъ !

О колъ свирѣпая въ моемъ бьющъ сердць волны!
Противными спрасшьми и грудь и мысли полны!
Я жалосщью къ одной и нѣжносщью павненъ ,
Другой заслугами и должносщью врученъ .
Смошря на первую, пронзешъ позабываюсь ;
Но на другу взглянувъ , я въ совѣсщи шерзаюсь .

Часть II.

10

Любовь, желанье, спыдъ, ошчаянье; боязнь
Вуююпъ внупръ меня: о коль велика казнь!
Гдъ мужество мое? гдъ крѣпость неизмѣнна?
Лежишь ошъ слабосней моихъ преодољнна!
О какъ ты развращень, безщасливней Демофонть!
Ахъ лучше бы тебя покрывъ волнами Понть!
Нещасье бы къ одной тебя не обязало,
И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
Что дѣлашь ужъ шеперь? и кто мнѣ дастъ со-
вѣшь.

Я В Л Е Н І Е О С Ъ М О Е .

Демофонть и Драметь.

Демофонть.

Скряпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Дра-
мешь!

Драметь.

Доколь, Государь, ты будешь колебаться?

Доколь будешь въ плѣнь спраспямъ здѣсь оп-
даваться

Тогда, какъ Греція шого всечасно ждешъ,

Ужель Пріамова наслѣдства больше нѣшь?

И въшры щасшію ея споспѣшествовали,

Когда къ симъ берегамъ швой флотъ они при-
гнали.

И случай повелѣлъ и Полимнеспоръ самъ,

Чтобы Пріамова сынъ былъ ошданъ въ руки намъ.

Хотя еще онъ малъ, но Грековъ успрашаепъ:

Что къ нашей пагубѣ въ немъ Гекспоръ возра-
сшаепъ.

Предспавъ, когда на нашъ онъ успрямлялся флоть
Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ
водъ,

Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ шоки,
И раны наложилъ коль Греціи глубоки!
Коль много славныхъ онъ опуспешилъ домовъ!
Коль много шамъ сиротъ, коль много плачешъ
вдовъ!

Всѣ Грецески Цари съ опцемъ швоимъ согласно
Тобою опврашптъ желающъ ало ужасно,
Чшобъ спѣнь Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не
обновилъ,

Ихъ дѣшамъ и шебъ по шомъ бы не опмспилъ.
Но спраспъ шволя гасптъ шѣ искры возбраняешъ,
Ошъ коихъ съ прочими и швой градъ воспылаешъ.
Себѣ и общеспву спраспъ вредну изспребляй;
Коль долго случай еспъ, опечеспиво спасай.

Демѳонтъ.

Оспавило оно при спаросши Тезея,
И защищашъ его не хочешъ ошъ Мнесспей;
То должно индѣ мнѣ прибѣжища искашъ,
И вмѣсто помощи за шо ему опмщашъ.

Драметъ.

Послушай, Государъ рѣчей моихъ спокойно;
Природѣ ли швоей начашъ сіе прпспойно?
Какъ можешъ ошъ чужихъ шого желашъ Тезей,
Чего напрасно ждешъ ошъ крови онъ своей?
Тебѣ опща спасши всего достойшъ прежде,
И многихъ съ нимъ Царей не обманушъ въ на-
деждѣ,

Которые себя за вѣрность награждать;
Когдажъ преслушаешь, подумай, какъ опмсннать!
Толь много царствъ покрышь всѣ способы имѣешь.
Филлида въ пушь съ шобой спѣшишь, что шы
коснѣешь?

Демофонтъ.

Я выше бы всего Филлиду почишалъ,
Какъ Иліоныбъ я на свѣшгъ не видалъ!

Драметъ.

Ты долженъ предпочесшь благодѣянье спрасши,
Послушашъ Греціи, опца покрышь въ напасши,
И очи ошврашишь и заперешъ свой слухъ
Опъ всѣхъ мечшаній шѣхъ, что швой смуцая
духъ,
Препнншшвуюшъ скончашъ спрахъ общій съ
Полидоромъ.

Дерзай и не мнншисъ себѣ прнншнымъ взоромъ.
И промышль для шого шобѣ сей случай далъ,
Чтобъ сердце мужеско шеперь шы показалъ.
Предъ всѣми Греками я буду въ шомъ свидѣшель,
Коль сильну спрасшь въ шобѣ пошрала добро-
дѣшель.

Демофонтъ.

Я знаю, что вездѣ похвальнo шo, Драметъ,
Когда кшо слабосши уму подъ власшь даешъ.
Мнѣ совѣсшь и ошець, Филлида и всѣ Греки
Веляшъ, чтошoбы забыль Троянку я во вѣки.
Но чешъ въ одну шпану, въ другу любовь влеч-
чешъ!

Драметъ.

Тамъ правда къ шоржешшву, здѣсь прелешъ въ
ровъ ведешъ.

Демофонтъ.

Я вижу лучшее, и видя похваляю;
Но худшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
Возникни слабой духъ во мнѣ и ободрись,
Войди шъ самъ въ себя, внимай, и осмошрись,
Гдѣ дочь Пріамова нещасшну грудь пронзила...
О чудна слабосшей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
Какимъ пушемъ, Драметъ, я въ сѣшъ сію вошелъ!..
Какъ Иліону я впервые усмошрѣлъ,
Предсшавилъ во умъ поверженную Трою!
И видя малые ошпашки предѣ собою,
Подумалъ, какъ ее внушрѣ люша скорбъ грызешъ,
Чшо нѣшъ уже ошца, ни храбрыхъ брацей нѣшъ!
Печальна красоша нещасшнемъ умножалась,
И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась,
Тушъ склонносшъ жалосши и склоносши любовь
Послѣдовали внушрѣ, и вкралася мнѣ въ кровь;
Объемлешъ чувшсшва всѣ...

Драметъ.

Изореняя мысль злую,
И первой шщисъ любви порабощишъ другую.

Демофонтъ.

Я благодарносшъ шамъ любовью называлъ,
Какъ здѣсь саму любовь за жалосшъ почиталъ.
Со обохъ спшоронъ поняшдемъ неяснымъ
Покрышъ, иду пушемъ со мною несогласнымъ.
Я чувшсшвуя въ себѣ ихъ силу обохъ,
Обѣимъ слѣдуя, и ни одной изъ нихъ!

Драметъ.

Какой нибудъ къ шому шъ приведенъ причиною,

Но сердце оставляй Филлидъ ужъ единой,
И слово данное и вѣрность къ ней держи.

Демофонтъ.

Но какъ я шо начну? любезной другъ, скажи?
Прогнѣванной уже предъ очи какъ предшану,
Глубоку ошъ другой имѣя въ сердце рану?

Драметъ.

Лишь шолько шы шеперь себя преодолѣй,
Любовь ея къ тебѣ возобновишся въ ней,
Сильнѣе прежняго ошъ слезъ твоихъ всплаещь.

Демофонтъ.

Надежда чрезъ тебѣ ужъ духъ мой ободряещь;
Я нынѣ овладѣлъ шоль сильными спрасчьми.
Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнне опними;
Крѣпи въ намѣренни, хвали мою побѣду,
Не дай съ похвальнаго мнѣ соврашишся слѣду.
О вѣрность искрення! шы слабость испребя,
Дай силу мнѣ склонишь Филлиду и себя.

Конецъ втораго дѣйствія.

Д Ъ Й . С Т В І Е Т Р Е Т І Е .

Я В Л Е Н І Е Т Р Е Т І Е .

Филлида и Полимнесторъ.

Полимнесторъ.

Царевна! совершивъ я должны жершвъ обряды,
Искаль послѣ прудоръ желанныя ошрады.
Сраженъя часшья, далекіе пуши,
Труды, что для шебя одной я могъ снесши,
Веляшь опѣдашься мнѣ любезному покою.
Но усмошрѣвъ шебя печальну предъ собою,
Къ спокойспвію себя принудишь не возмогъ,
И ушѣшашъ шебя послѣдовалъ въ чершогъ.
Какі прошивносши шебя поколебали?
Я смѣю ли подашь совѣшь шебѣ въ печали?
Я смѣюль угадашь, кшо могъ швой духъ смушпшъ,
И угадавъ, шебя опъ скорѣби свободишь?

Филлида.

Не наводи, ахъ князь! на мысль мнѣ большей ночи?
И шакъ уже спшдомъ мои покрылись очи;
Оспавъ на единѣ безшасшную въздыкашь.

Полимнесторъ.

Тебя ли я могу шерзаніямъ опѣдашь?
И долгъ меня къ шому и ревностъ понуждаешъ,
И младосшь и краса швоя повелѣваешъ,
Чшобы опъ шщешныхъ мукъ шеперь шебя спасши,
Опъ спшрасши свободишь и въ чувшшо привесши.
Ахъ, чшо прелѣщаешся чужею шш шпраною?

Или опечесство ужъ гнусно предъ побойю?
Или шакаго въ немъ уже Героя нѣшь,
Съ кѣмъ въ бракъ шебѣ вспунишь не предосу-
дишь свѣшь,
Кшобъ равенъ Греку, былъ досшоинспивъ всѣхъ
хвалою?

Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
Въ кошоромъ вѣрная сугубо кровь кипишь,
И въ очи и въ уста жаръ внушренній спремивъ;
Не зная, будешь ли побой оно щасливо,
Мученія въ лицѣ изображаешь живо.

Филлида.

Не вѣрь, ахъ Князь, словамъ и взглядамъ пы не
вѣрь.

По виду вѣшнему чувствъ внушренныхъ не мѣрь.
Чужаго сердца зная движеній не возможно!

Полимнесторъ.

Оно въ груди моей, я знаю шо неложно.

Филлида.

Что слышу я еще! пы очи, Князь, ошкрой,
И посмотри, что здѣсь Филлида предъ побой.
Теперь пы вмѣсто мнѣ желанцы опрады
Не умножай еще несносныя досады.
Меня, какъ дочь, любишь принадлежишь шебѣ;
Инаго пламени не воспалай въ себѣ.
Не чувствуешь въ своемъ пы сердцѣ Иліоны?
Гдѣ права еспешива, гдѣ божески законы?

Полимнесторъ.

Когда безмершныя повергли ужъ Троянь,
Когда Приамъ, Парисъ и Гекшоръ ихъ погранъ,

И оспрый мечъ пресѣкъ младый вѣкъ Поликсены;
Въ крови и пецелѣ дымящся падши спѣсны;
Когда они весь родъ изкоренишь хопиашъ :
Боюсь, что и меня съ нимъ купно поразяшъ.
Безумно грудь свою поспавишь прошивъ грому,
И на бѣговъ воспашъ.

Филлида.

О какъ ты дѣлу злому
Дашь хочешь видъ добра и спрашъ свою закрышь !
Прешанъ передо мной и мыслию грѣшишь.

Полимнесторгъ.

Или ужъ грѣхъ любишь лице мнѣ споль прекрасно?
Или, дражайшая, спрудился я напрасно,
Когда я собсвенны забавы презиралъ,
И день и ночь о шомъ лишь шолько помышлялъ,
Дабы распроспранишь еще швою державу,
И царски воспитавъ, швою умножишь славу?
Пріяшносшми, что мной покрыты разцвѣли,
Кромѣ меня владѣшь кто долженъ на земли?
Я нѣжилъ ихъ восходъ, и зрѣлоспи ждалъ жадно;
То плодъ ихъ пошеряшъ мученье безопрадно!
Кто лучше моего здѣсь знаешъ силу правъ,
Обычай подданныхъ, и швой, Царевна, нравъ?
И кто, какъ я, въ уздѣ удержишь ихъ свободу,
И склонносшямъ швоимъ опдасшъ себя въ угоду?
Ахъ вспомни, что Ликургъ при смерши говорилъ!

Филлида.

Хопя владѣніе щибѣ онъ поручилъ ;

Однако сердце онъ въ моей оставилъ власпи.
Не могушь повелѣшь Цари любовной спраспи.

Полимнесторъ.

Такъ буду я крушась, въ чужихъ рукахъ смошрѣшь
На шую, что велишь и боги мнѣ имѣшь?

Я щаспливъ былъ бы здѣсь, когда бы я волнами
Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами:

Я сердцемъ бы швоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
И что при шомъ? другой любви искашь бы смѣлъ!

Ахъ жалься, погляди на опшческіе бреги

Исполнены вездѣ пріятносспи и нѣги!

Или они себя не могушь побудишь,

Чтобы ты пришлеца спаралась позабышь?

И рѣки, и поля, и горы въздыхаюшь.

И видомъ жалоспнымъ тебя увѣщаюшь:

Филлида! не лиши швоей насъ красоспи.

Тоголь не чувшвуешь? шоголь не слышишь ты?

Филлида.

Преспанъ шакими, Князь, шерзашъ меня словами,

И дай мнѣ умягчишь шоску свою слезами.

Полимнесторъ.

Я жалоспью швоей смущаясь, онхожу;

Но ты сама себя суди одна, прошу.

Невѣрносспи опшсшишь ты полну власшь имѣя,

Какъ можешь предпочесшь защишнику злодѣя,

Пришельца своему, и Демофонша мнѣ,

Кроваву Грецію любовной шой спранѣ,

Гдѣ шронъ швой, гдѣ на свѣшъ впервые ты
возрѣла?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Филлида одна.

Нигдѣ не слыхано шоль злбсшвеннаго дѣла!
Невѣрносшь кругъ меня, шая свой люшой ядѣ,
Являєшь ласковой и полной желчи взгляды.
Присягу пресшупивъ одинъ подлогъ скрываетъ,
Другой не шакъ меня, какъ скипешра желаетъ.
Чшо мнѣ я начну, куда я обращаюсь?
Или ошъ льспиваго къ невѣрному склонюсь?
Филлида укрѣпись, и бурямъ спанъ прошиву,
Закрой ошъ нихъ глаза, оспавъ надежду лживу.
Предписаннаго жди мученіямъ конца,
Неблагодарнаго забудь, забудь льспеца.
Но позабышь его чѣмъ больше я желаю,
Тѣмъ больше въ мысль беру, и шверже вкоренію!
Никакъ, любовь, шебѣ, никакъ не измѣню.
Но чшо мнѣ въ шомъ, когда его не преклону?
Такъ спану преклоняшь пресшупника мольбою.
Такъ буду, Демофоншъ, я плакашь предъ шобою?
Какъ слезны спанешъ шны попоки презирашь?
Но я, лишь обратишь, гошова все начашъ!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Филлида и Креуза.

Креуза.

Царевна! по швоей исполнила я волъ.
Теперь ужъ ничего не оспается болѣ,
Какъ шолько, чшобы швой послѣдней былъ
приказъ,

По коему сгоришь флотъ Греческой пошь часъ.
Закрыши на судахъ лѣсисными горами
Споишь рабы швой съ гошовыми спрѣлами,
Чшобъ пламень оними на корабли пушишь,
И Демофоншовъ пушь въ Аэины прекрашишь.

Филлида.

Пускай и самъ огнемъ скончаешся невѣрной!

Креуза.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной,
Царевна, мѣрности при мщеніи держись;
И безопраднана раскаянья блюдишь!

Филлида.

Ты зная ошъ него меня шецерь презрѣну,
Чшо мспишишь прецяншщвуешь за мерзскую из-
мѣну?

Мой плѣнной духъ и шакъ склоняешся къ нему,
Противишишь себѣ, противишишь уму;

И злобу нѣжная любовь одолѣваешъ,

То чшо ей швой совѣшь, Креуза, помогаешъ?

Чшо гнѣвъ мой прекрашишь швой хочешъ раз-
говоръ?

Нездобія во мнѣ не кажешъ ли мой взоръ?

Креуза.

Ахъ! вспомни, какъ моимъ совѣшомъ ши гнуша-
лась!

Но нынѣ я швоей печалью оправдадась:

Тогда было шебѣ не слушашишь лѣспивыхъ словъ.

Филлида.

И здравой умъ на все не можешъ бышишь гошовъ.

А поступишишь въ любви, Креуза, ошсторожно,

И мысль знашишь по рѣчамъ, повѣрь, чшо невоз-
можно,

Тамъ кажешся ни въ чемъ худыхъ не будешь
сладшвъ ,

Ни въ чемъ не видно шамъ необходимыхъ бѣдшвъ:

Опасность кажешся сама въ ней безопасна,

И очевидная ужасность не ужасна.

За спрасшью и своей не видѣла умомъ,

Чшо Демофоншовъ домъ на берегу чужомъ.

И сладость, чшо шекла прелесшными усшами,

Не жаромъ рождена, но хладными волнами!

Я думалааь погда, чшо мнѣ онъ шолько льсшишь?

Креуза.

Минуша жаръ зажгла, минуша погасишь.

Любовь съ надеждою живешъ, и умираешъ,

Ошъвздъ его любовь и скорбъ швою скончаешъ.

Филлида.

Такъ ошнущу его, Креуза, не ошмшшишь?

Такъ насмѣваясь онъ, ошсель уѣдешъ живъ?

Но миѣ ли шребовашъ ошъ Демофонша месши?

Пусшь жизни я лишусь! но жаль дшщшшься чесши!

Казнишь его спѣшу; но имъ еще полна:

Хощя ошчаялась, еще ему вѣрна!

Креуза.

Исполненной шибъ пршшнаго шоль яда

Прошвнымъ способмъ, прошвнна вся ошрада.

Когда болящему сама болѣзнь люба,

То сила всѣхъ лѣкаршвъ бездѣльна и слаба.

Филлида.

Филлида умирай, но возвращивши славу,

Ошмшши, ж презирай любовь, живощъ, державу.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Демофонтъ , Филлида , Креуза и Драметь.

Демофонтъ.

Исполни праведно опмщеніе на мнѣ,
Я оправдашь себя не пщусь въ своей винѣ.

Филлида.

Креуза, чшо шеперь? куда себя укрою?
Продерзоспной предспаль еще передо мною!

Демофонтъ.

Вздыханіямъ моимъ, ах! небо, помоги.

Филлида.

Преспунникъ, удались, ошь глазъ моихъ бѣги.

Демофонтъ.

Позволь, позволь сказашь кошя едно слово:
Я казни лишъ прошу, и ничего другово.

Филлида.

Ещеам чаешь шы въ коварноспи успѣшь?

Еще ли хочешь скрышь своихъ обмановъ сѣшь?

Довольно ужъ, чшо шы за всѣ мои пріязни,

Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,

Шесшь мѣсяцовъ ко мнѣ горячноспь припво-
рять,

Кошорой въ сердцѣ шы опнюдь не ощущаешь.

Ты клялся бурями, войною, глубиною,

Чшо можешь лишъ воздашь мнѣ за пріязнь собою.

На шоль спаралась я о корабляхъ пвоихъ,

Чшобы похишишь чесшь и жизнь мою чрезъ нихъ?

Богъ моря, богъ войны, богъ вѣпра, богъ лю-
бови,

Какъ спанушь мсшишь , на месшь пвоей не
спанешь крови.

Демофонтъ.

Когда уже въ моихъ слезахъ нѣтъ сполько силъ,
Дабы увѣришь въ помъ, что я шебя любилъ,
Что я невольнo впалъ въ шакое преспуленье,
Что любое шерплю разкаившись мученье,
Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
То будешь въ помъ мнѣ смерьшь свидѣтель
предъ шобой.

Когда я не могу увѣришь въ помъ слезами,
Увѣрся же шеперь кровавыми спруями.

(хочешь заколошья)

Филлида.

(хвашая за руку, а съ нею прочіе держашъ)

Ахъ дерзкой!

Драметъ.

Для боговъ!

Демофонтъ.

(къ Филлидѣ)

Ты хочешь, чтообъ я жилъ,

Когда ужъ я шебѣ и самъ себѣ посшылъ?

Филлида.

Ты хочешь смерьшю меня увѣришь злою,
Что предъ шобой гнусна и жизнь швоя со мною?
Ты хочешь для шого со свѣсна убѣжашъ,
Чтообъ въ жизнь несносныя Филлиды не видашь?

Демофонтъ.

Чтообъ жизни дашь конецъ безславной шоль и
слезной,

Чтообъ шягосшну не бышь и небу и любезной.

ДРАМАТЪ.

(Вкладываетеъ Демонфону шпагу.)

Не будь, ахъ! Государь, себѣ и намъ жестоко:
Живи и вѣрноснью загладишь щисъ пороко.

КРЕУЗА:

Вы вспомните залогъ любовнаго союза.

ФИЛЛИДА.

Ахъ! шо ли, шо ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чшобы въ глазахъ моихъ другу къ себѣ склоняшь?

ДЕМОФОНТЪ.

За пѣмъ ли не даешь живошь свой мнѣ скончашь,
Чшобъ слышалъ я свой срамъ, кошорой горше
смерши?

Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью сперши.

(опяшь хватаеешь за шпагу, но
они недопускаюшь выняшь.)

ФИЛЛИДА.

Свирѣпой, чаешь ши, я мало слезъ лила?

И мало для себя я преперпѣла зла?

ДЕМОФОНТЪ.

Причину зель швоихъ искоренишь желю:

Чшожъ воли ошъ себя на шо не получаю?

Позволь мнѣ умерешъ; или просши вину;

Съ кошорой жизнь свою разкаившись клянуп!

Когдабъ я могъ сказашь, швой гнѣвъ не умножая,

Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,

Какая внушръ меня была шогда борьба,

Тобъ ши увѣрилась, ахъ! коль ши мнѣ люба!

Филлида.

Ты любишь, и бѣжашь гошовъ опсель всечасно!
Любишь и прочь бѣжашь, какъ можешь бышь
согласно?

Что поль несносное примѣшилъ ты во мнѣ?
Въ какой я, покажи, обличена виной?
Я шѣмъ ли предъ шобой, я шѣмъ ли погрѣшила,
Что не крушивъ шебя, любовь свою ошкрыла?

Демофонтъ.

Чѣмъ ты безвинишь, драгая, предо мной,
Тѣмъ больше множишся порокъ мой предъ шобой;
Но ты мнѣ оппусти поль шяжко погрѣшенье,
И щедрой прослыви на свѣшъ чрезъ прощенье.

(на колѣна спановишся.)

Филлида.

Ахъ! что? желаешь ты еще меня крушить,
Съ надеждою во мнѣ и муку обновить?
Непосшоянспвомъ какъ, окакъ швоимъ шперзаюсь!
Пропшедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
Иль волею въ другой обманъ себя опдамъ?

(въ шпору.)

Но смерть мнѣ не просшишь, просшишь мнѣ
вѣчной срамъ.

Демофонтъ.

Просши!

Драметъ.

Дражайшя сердца соединишесь,
И нѣжныя любви законамъ покоришесь.

Креуза.

(къ Филлидѣ)

На жалось преклонись.

Часть II.

Филлида.

О какъ мой духъ смущень!

Демофонтъ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощень.

Филлида.

Къ чему меня швои вопросы принуждають?

Не ясноль слабости мои шебѣ являють,

Опчаянье и скорбь и слабая гроза,

Смущенныя слова и полны, слезъ глаза?

(поднимаешь)

Свирѣпой, шоржесшуй: уже я признаваюсь,

Что щещино въ спроси я передъ шбой
скрываюсь.

Еще шебя люблю, хоша ты измѣнилъ.

Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!

Хошь вѣрности швоей едва я ожидаю;

Но радости всю въ шебѣ и щасье полагаю.

Въ державѣ я своей приѣмлю швой законъ,

Вручаю сердце, жизнь, опещество и шронъ!

Демофонтъ.

Хоша о шаковомъ прощеньѣ сумнѣваюсь,

Что въ несказанномъ я порокѣ признаваюсь;

Но спрахъ опщемлешь мнѣ возлюбленный швой
видь,

Залого склонности швоей просишь ведить.

Позволь, дражайшая, приняшь свою мнѣ руку,

И во все изшреби мою сердечну муку.

(принявъ руку цѣлуешь.)

Коль долго я сея держуся на земли,

Толь долго, небо, мнѣ бышь щасшливу вели!

Я принялъ чрезъ нее спасенье ошь пучины,
Ее я лобызаль, избавясь ошь кончины.
Я ею первой знакъ любви получилъ.
Кому несчастной, ахъ! кому я измѣнилъ?
Ты всѣ прошивности мои позабывая,
Пресступнику даешь прощенье, драгая!
Безсмертные, когда оспавляю я ее,
Мое испоргнище ошь свѣша бышье.
Пусшь Поншь пожреть меня свирѣлыми волнами,
Когда желанный брегъ ужъ будешь предъ глазами;
Пусшь буду на пусшомъ песку не погребень,
Ошь пищъ и ошь звѣрей на часши расхищень!

Драметъ.

Любови обновивъ союзъ неоцѣненный,
Ужъ время поспѣшашъ вамъ въ пущъ опредѣ-
ленный.

Филлида.

Ошь Полимнесшора какъ можемъ ушашъ?

Демофонть.

Любовъ моя, любовь все можешь побѣдить!

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Полимнесторъ и Иліона.

Иліона.

Какое щасіе тебя ко мнѣ ведишь,
Опъ коего мой духъ еще опрады ждешь?

Полимнесторъ.

Я здѣсь искалъ тебя.

Иліона.

Ужель спенаній сила
Тебя къ несчастливой на жалосъ преклонила?

Полимнесторъ.

Я вида, что тебя сомнѣнія мяшущь,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждущь;
Пресѣчь и рушишь ихъ, Царевна, поспѣшаю!
Тебѣ шо будешь все пріятно, уповаю.

Иліона.

О небо, возсіай въ мою зашменну грудь,
И сердцу шомному дай мнѣ опдохнуть!

Полимнесторъ.

Я не пришоль къ тебѣ, чтобы льспивые обманы
И сладкей ядъ влагашь для большей скорби въ раны;
Но искренносъ моя не можешь ушайшь
Того, что боги мнѣ велѣли совершишь;
Я вѣрносъ обѣщаль хранишь тебѣ неложно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда бы я къ тебѣ любви не имѣлъ,
Когдабъ сердечной жаръ и нѣтъ не кипѣлъ,
То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
И клянву преспуишь мнѣ можно безпорочно;
Сказалъ бы, что не зная я своего лица,
Не красосу швою, но предспавляя опца,
Богатшво предспавляя и въ славной силѣ Трору,
И все, что было въ ней, я называлъ побою.
Но я довольспвуясь доспоинспвомъ швоимъ,
Гнушаюсь, помня чешь, подлогомъ шаковимъ.
И жалоспъ и любовь къ тебѣ меня шерзаетъ,
И гнѣвной мнѣ опвѣшь опъ олшаря смущаетъ!
Ахъ, еспшлибы и шо подобной былъ подлотъ!
Ахъ, еспшлибъ я и шо почешь въ неправду могъ!
О еспшлибъ преспуишь возмогъ я безъ боязни,
Ни мнѣ, ниже тебѣ не ожидая казни,
Что даль опъ олшаря мнѣ спрогой Марсъ въ
опвѣшь!

Илиона.

Къ надеждѣ ли меня или къ пагубѣ влечешь?

Полимнесторъ.

Съ одной спраны тебѣ надежду общаетъ,
Съ другой спраны мое желанье пресѣкаетъ.
Черезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
Черезъ Грековъ же копяшь и изпѣлишь опъ ранъ;
Ихъ спѣны обновишь Героя посмлакушь,
И красопы швоей меня они лишаютъ;
Веляшь, кошорую я воспиналъ, любишь;
Тебя, дражайшая, ихъ волѣ поручишь,

Ихъ волѣ и пому, кпо воспалиень шобою,
Лежащу общалъ шебѣ воспавишь Трою.

Илиона.

Возможноль, чшобы пѣжь насъ боги сочешашъ
Хошѣли, и пошъ часъ невинно разлучашъ?
И можешъ волѣ ихъ не медля согласишься,
Какъ ежели она прошивъ швоей, спремишся?
Не смѣнешъ прошивъ ней шы слова испустишъ?
Ахъ, пѣмъ ли хочешъ шы невѣрносшь ушашъ?
Вошце ко храму ложъ прибѣжище имѣешъ;
Сквозь свашосши покровъ коваршва ядъ чер-
нѣешъ.

Ты видомъ лишъ однимъ послѣдуешъ богамъ,
Но дѣломъ воспашешъ прошиву оныхъ самъ.
Ты хочешъ скишшр чужой опниашъ, не успра-
шашся,

Но съ шрономъ упадешъ, не право возвышашся.
Пускай, чшо можешъ шы въ продерзосши успѣшь,
И младосшь нѣжную шيرانшвомъ одолѣшь;
Какую чаешъ въ шомъ себѣ имѣшь забаву?
Какую можешъ пѣмъ, снискашь на свѣшѣ славу?
Ты ненависшю ошвсюду окружень,

И люшми смершмъ по всякъ часъ успрашенъ,
Ошъ шой самой спрашашся, душею возмушишся,
Для коей прешупишъ присягу не боишся.

Но правда чисшаш всегда предъ шѣмъ скверна,
Въ комъ злосшь прокляшаш живешъ вкоренена.
Когда бы шы еще имѣлъ любви хошъ мало,
И сердце бы ко мнѣ хошя легко пылало;

То могъ либъ шы снесши , чшобы кровавой
Грекъ

Опшъ взору швоего въ полонъ меня повлекъ ;
Дебы шамъ въ шоржешивъ онъ могъ меня пред-
спавишь ,

И сопосцаашъ себя въ опечешивъ прославишь !

Дабы съ презрѣнiемъ народъ увидѣлъ шамъ ,
Копшору поручилъ шебъ въ черпогъ Приамъ.

Не лучшели сказаши , чшо нынѣ Иліона

Не блещешъ славою опечешаго шрона ,

Чшо нынѣ не льспишъ вѣнецъ и не смущаешъ
спрашъ ,

Чшо въ Греческихъ гремѣль опшъ Гекшора пол-
кахъ ?

Ты чаешъ , чшо онъ мершвъ ? онъ живъ , уже вшша-
ваешъ :

Земля предъ нимъ враша , шрякнувшисъ , опшвер-
заешъ !

О Гекшоръ ! поспѣшай , и за сешпру опшмсишъ ,

И браша своего въ младенешивъ защиши !

Оружіемъ звучишъ , огнемъ вооружень !

А шы , предашель мой , еше не успрашенъ ?

Мечемъ ужъ надъ швоей онъ головой сверкаешъ .

Коль шемна ночь глаза и духъ мой помрачаешъ !

Полимнесторъ .

Ахъ испиненъ швой гнѣвъ ! я люшой швой ши-
ранъ !

Но волей ли моей союзъ любви пошранъ ?

Шшоль много рѣчь швоя меня не укоряешъ ,

Какъ совѣшъ внушрь грмзешъ меня и обличаешъ !

Я спрогой бы гошевъ прошивишься судьбѣ,
И въ жертву принесци себя одной шебѣ ;
Но вижу, что шебя спасашь лишь начинаю,
Я больше шѣмъ шебя безщасну погубляю.

Илюна.

О жалосшь звѣрская! жалъшь и убивашь.
Незлюбіе мое шы можешь презирашь ?
Я въ самой часъ, когда шы люшыми ушпами
Священный рвешь союзъ положенный межъ нами,
На неѣависшь себя принудишь не могу,
И нудясь, на свое шебѣ я сердце лгу.
Но больше не хочу спарашься бышь любезна.
Уже моя къ шебѣ надежда бесполезна !
Блиспаешь съ красшой Филлидиной вѣнецъ ,
Мнѣ слезы лишь однѣ оспавиль мой ошець.
Безчеловѣчной, что шы очи ошвращаешь ?
Ты щещеными со мной минушы всѣ считаешь.
Уже шы не меня, но и себя забыль:
Твои всѣ мысли съ шой, кошорой шы посшыль.
Съ ней сердцемъ геворишь, ей слѣдуешь глазами:
Я больше скучными не удержу словами.
Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ ,
Свидѣтели всему на небесахъ однѣ.
Я знаю, что они шого не позабыли,
Каковъ они союзъ межъ нами ушвердили.
Ты чистшой жарь ко мнѣ безшуднымъ погаси ,
И сердце предъ олшарь прѣшупно понеси.

Полимнесторъ.

Я съ онимъ приспуюишь къ богамъ не обинуюсь,
Когда ошвѣшу ихъ и волю повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Иліона одна.

Чего не можешь злосшь прокляша предпріять?
Велишь, забышь вражду, за Грека посягаешь!
Велишь мнѣ позабышь опечесшва паденье,
И брашей и сеспры несносное мученье.
Какъ Гекшоръ былъ погранъ, лишень по смерши
гроба,

Какъ мащери моей разшерзанна ушроба,
Пронзѣнный какъ Пріамъ предъ олшаремъ лежалъ
Въ сыновней и въ своей крови живощъ скончалъ!
Какъ мнѣ не предспавляшь шу ночь безчеловѣчну,
Чшо день Троянскій въ ночь перемѣнила вѣчну?
И люшыхъ хищниковъ шоржесшвовавшихъ крикъ,
Копорой мнѣ и здѣсь наносишь спрахъ великъ.
Какъ Греки нашихъ спѣнь освѣщены пожаромъ
На пагубу Троянъ спѣшили въ буйшвѣ яромъ,
Черезъ сродниковъ моихъ спремилися шѣла,
Изъ коихъ по земли гусшая кровь шекла.
Въ шакойли ошпусшилъ чершогъ меня родишель?
Такой гошовишь бракъ, о люшый, мнѣ, мучи-
шель!

Однако шѣмъ своихъ очей не насладишь;
Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ
споишь.

Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила.
Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
Онъ долженъ, пагубу увидѣвъ, возспенашъ,
Вошще разкаяшся, безъ пользы духъ опдашь.
И месья моя ничшо, когда онъ не узнаешъ,
Чшо муку опъ моей руки преперпѣваешъ.
Ужъ время : чшо спою ? но чшо хочу начашъ ?
Я бышь гнушяюсь здѣсь, и прочъ не шщусь бѣ-
жашъ.

Еще смущеннымъ я умомъ шого не вижу,
Люблю ли я его или я ненавижу ?
Съ какимъ презрѣніемъ ошавилъ онъ меня!
Пусшилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли опходя ?
Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
Въ опчаянѣ еще надежда мнѣ сіяешъ.
Но въ чемъ надежду я еще имѣшь могу :
Онъ въ сердце вскоренилъ во вѣкъ уже другу !
Одза надежда мнѣ надежды всей лишипсья,
И съ брапомъ въ шѣжъ мѣспа нещасливимъ
укрышсья :

Укроюсь ? и своихъ не наслажду очей.
Какъ будешъ жизнью гнушашсья онъ своей,
Когда безвиннаго онъ вмѣспо Полидора
Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишипсья взора ;
Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачешъ Деифиль,
Кошораго ошець на муку имъ вручилъ !

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Иліона и Мемнонь.

Мемнонь.

Ты жалобы оспавь, Царевна, бесполезны:
Помогутъ ли тебѣ шеперь пошоки' слезны?
Тройнскіе спасашь оспашки поспѣшай,
И брата опть руки прошивничей скривай.

Иліона.

Когда уже и здѣсь мы не наплаи зацпишы,
То кѣмъ нещаспные мы можемъ бышь покрышы?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мемнонь одинь.

Какъ въ свѣпшѣ всѣ дѣла преобращаешъ рокъ!
Сего дня свержень внизъ, кшо былъ вчера высокъ;
Сей часъ намъ радоспешъ, но слѣдующей слезешъ;
Топъ вечеромъ поспыль, кшо упромъ былъ лю-
безешъ.

Давно ли Трои верхъ касался облаковъ,
Гдѣ нынѣ смрадными коспыми наполнешъ ровъ?
Давноль со славой дочь Пріамову вспрѣчали,
Чшо нынѣ опшверженна шерзается въ печали?
О шы величеспва и бѣдности примѣрь!
Подобіе небешъ, подобіе пещеръ!
О Троя, шы сердца геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!
На чшо оспавленъ здѣсь съ сеспрою Полидоръ?
На чшо не погребешъ среди Идейскихъ горъ?

Ахъ лучшебъ со снѣны низринушу разбишься,
И ей въ крови своей невинной обагришься!
Со брашними косыми соединишь лежашъ,
И купно пепель свой съ ошеческимъ смѣшаешь,
Какъ нынѣ приклонишь куда главу не зная,
Не видѣшь горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Демофонтъ и Мемнонъ.

Демофонтъ.

Что меддишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
И что изъ глубины шны выпускаешь спонь?
Никакъ препяшшівя въ намѣренъи случились,
И наши шайные совѣшы ужъ ошкрылись?

Мемнонъ.

Опасности ни въ чемъ невидно никакой,
И флотъ къ ошпешшівію совсѣмъ исправленъ швой;
Филлида на него по всякой часъ взираешь,
И по спонамъ швоимъ во слѣдъ ишши жадаешь.
Лишь шолько шьмой швой суда покроешь ночь,
Опъ нашихъ береговъ пущисъ щасшливо прочь.
Въ ошсушшівіе швое, въ ошсушшівіе Филлиды
Правленіе земли другіе примешь виды.
Дополь Князю я опъ ревности служилъ,
Пока онъ правду самъ и искренности хранилъ.
Но нынѣ онъ свои законы пресшупаешь,
И шѣмъ опъ нихъ меня и прочихъ ошободаешь.

Ты ревнoshi искренню къ Царевнѣ сохрани,
И ушвердивъ пресшоль, въ Аeiнахъ не косни,
Воспоминай всегда мое послѣдне слово:
Здѣсь сердце подданныхъ приняшь себя гошово.

Демофонть.

Ты въ пользу способы намъ всѣ упошреби,
Просши, и обоихъ въ опшущивше люби.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Демофонть и Филлида.

Филлида.

Ты видишь, что себя я ради предприемлю?
Дерзаю чрезъ валы ишши въ чужую землю!
Не Полимнесшора я ушпрашась, бѣгу,
Но взору швоего лишишься не могу.
Хошя пучины я бурливой ушпрашаюсь;
Но и въ опасности съ шобой не опасаюсь.
Когда шы мнѣ не льсшишь, когда шы вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будешь намъ и пушь во глубинѣ.

Демофонть.

Хошь шягосшны шруды, но наградишь опрада,
Когда досшигнемъ мы опшеческаго града:
Коль радосшно себя увидишь шамъ Тезей!
Какое множешво сберелся шамъ людей!
Признаки по пушямъ побѣдъ моихъ посшавяишь,
И пѣсни брачныя къ шоржешшвеннымъ приба-
вляишь.

Прекрасно солнце, шы зайди за глубину,
На горизонть пушши скорѣе шыму ночну:

И прежде не блиспай пресвѣшлыми лучами,
Пока сей брегъ опъ насъ не скроешься валами.
Сей брегъ, опъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
Но неопшспушно внупръ сердцеъ его держимъ.
Межь пѣмъ съ Мемнономъ скрышь я долженъ
нашь дорогу,
Чшобъ, ежеь Книжескъ полкъ ударишь вдругъ
шревогу,
Успѣли въ городъ намъ вѣрные полки
Спасши насъ опъ его коварныя руки.
Пожди, дражайшая, пожди меня минушу.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Филлида и Креуза.

Филлида.

Оспавшись, чувшвую шоску на сердцеъ люшу.
Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ поди,
И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
Чшо смушной въ землю взоръ, унывши, пошту-
пляешь?
Ты спонешь! ахъ! о чемъ? шны слезы проливаешь!
Далекаго пуши, драгая, не спрашись,
Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

Креуза.

Не пушь меня, не пушь далекой успрашаешь,
Но близкая бѣда всѣ чувшва опшгчаешь.
Коль много шерпишь зла опъ нѣжной проспошны!
О коль коварень онъ! о коль злошасшна шны!
Нигдѣ надежды нѣшь, нигдѣ намъ нѣшь успѣху!

Намъ опниалъ въ скорби рокъ послѣднюю упѣху!

Филлида.

Преспань смущаешь меня, безвременно шаясь.

О! какъ я извинюсь, когда увѣдалъ Князь?

Но Демофонть ко мнѣ послѣднѣю возврашися.

Креуза.

Ты больше на него не можешь положишься!

Филлида.

Ахъ! сердца не пронзай.....

Креуза.

Хошь поздно, будешь знашь,,

И время не велишь нещасья умолчашь.

Филлида.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ спроги!

Креуза.

Я мимо проходя Троянскіе черпоги,

Увидѣла, слышишь изъ нихъ къ судамъ Драмень,

Младенца на рукахъ закрышаго, несешь,

И озираешся спрашливими глазами.

Я видя шущь рабу обмышую слезами,

Спросила, для чего она споишь смущна?

Ошвѣспивовала мнѣ: Царевна предана!

И князь не убоюсь ни бога, ни закону,

Въ супружесиво даешь другому Иліону,

И придешь, говоряшь, послѣднѣю Демофонть,

Безщаснѣю шайно взяшь и увезши чрезъ Поншь!

Филлида.

Ахъ! люпой мой злодѣй, какъ могъ ты пришво-
риться!

И как посмѣла я на лживомъ ушвердисься?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ! спѣши,
И въ зломъ опчаяннѣ нещасной послужи;
Вели пусшишься въ Поншъ споящимъ подъ го-
рами,
И воздухъ огусшишь горящими спрѣлами,
Чшобъ шучей огненной покрылись корабли.
Н емедли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Филлида одна.

Есть ли кто лукавѣй на земли?

Меня оставивъ здѣсь въ пріятной шоль надеждѣ,
И больше нѣжности мнѣ показавъ, какъ прежде,
Въ полѣдни изъ моихъ пошоль прельщенныхъ
глазъ!

О люшая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я швоего спюю прихода ожидая,
Когда въ пушъ за шобой послѣдуешь другая!
Но шы продерзкой самъ почувшвуешь шоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я пушъ швой пресѣку.
Когдажъ не возмогу, шо кровь моя спруями
Себя изблочишь, кипя во слѣдъ съ волнами.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.
ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филлида, Мемнонь и Креуза.

Мемнонь.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,
Изъ глазъ опъемлешь ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И предспавлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы погда, какъ ны плывешь между валовъ,
Присущсповала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чшобы Эракіяне шебя здѣсь ощущали,
Хопябъ опшеспивіе швое опсюду знали.
Но нынѣ я шебя увидѣлъ здѣсь еще.

Филлида.

Намѣренья мои погибли всѣ вошщѣ.
Я вѣрила словамъ, Мемнонь, ахъ! полнымъ яду.
Теперь мнѣ кто подаспъ опчаянной опраду?

Мемнонь.

Какая нынѣ скорбь мрачишь швой снова духъ?

Филлида.

Такою наглоспью не оскорбленъ швой слухъ?

Мемнонь.

Какою?

Филлида.

Демофоншъ съ Троянкой прочь опходишь,
И въ пагубу меня конечную приводишь.

Часть II.

11

Мемнонь.

Не предспавляй себѣ нещасія сего

Но къ намъ Драмешъ спѣшишь; увѣрься оупъ него.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Филлида, Мемнонь и Драмешъ.

Драмешъ.

Царевна, корабли спояшь гошovy къ бѣгу,
И шолько ждущъ они шебя одной со брегу.
Способной Аквилонъ, покрышой горизонтъ
Къ ошпешевію съ шобой имѣешь Демѣфоншъ.

Филлида.

Троянкъ буду я послѣдовашь рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оспавя свой прешпошь, я буду шамъ взирашь,
Какъ будешь оупъ себя на царшпо съ ней вѣн-
чашъ?

Мемнонь.

Я вижу, мнѣніе шебя шерзаешъ ложно.

Драмешъ.

Пріамова дочъ здѣсь.

Филлида.

Какъ бышъ шому возможно?

Когда шы брапа взялъ уже на корабли,
Сеспра ли оупъ него оспалась на земли?

Драмешъ.

Уже шеперь шайшь не позволяешъ время.
Тебѣ извѣсно, что Троянско Грекамъ племя

Прошивно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Оспашки онаго еще наводящъ спрахъ.
За пѣмъ я шцился здѣсь младаго Полидора
Опъ Иліонина во вѣкъ опшпоргнушь взора;
И нынѣ я могу ужъ Грекамъ показашъ,
Чшо Троя больше ихъ не можешъ усшрашашъ.
Троянскія возшашъ не могушь больше спшны:
Не можешъ впредь Парисъ похишишь въ нихъ
Елены.

Филлида.

Ахъ! колъ ужасна вѣспь! какъ бѣдсшво опшвра-
шишь?

Мемнонъ.

Ахъ! небо, какъ могло сіе шы попусшишь?
Нещасшная сесшра какую скорбъ шерпѣла!

Драметъ.

И кровь во мнѣ самомъ опъ жалосши кипѣла,
Какъ въ Иліонинъ я посмѣлъ всшупишь черпогъ,
И воли пресшупишь опшечесшва не могъ.
Она едва въ слезвхъ промолвила, рыдая:
Когда насъ изшребишь судьбина хочешъ злая,
Когда насъ предаешъ, кшо долженъ защищашъ;
Оспалось опъ самихъ враговъ опрады ждашь.
Опъ рукъ неправедныхъ покройше бѣдныхъ,
Греки;

Хошя свирѣпы вы, однако человекъи.

Опъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
Чшо носяшь на себѣ лишь видъ одинъ людей.
Промолвила, и мнѣ сама вручила брашца.

Мемнонь.

О скверная алчба могущесства и злапа!

Филлида.

Но гдѣ мой Демофонсъ ?

Драметъ.

Чѣпобъ шы могла припши

Безбѣдно на суда, опъ брегу по пуши

Онъ спавишь спражей самъ; за шѣмъ чѣпобъ вѣпръ
способной

Прибавиль много силъ въ часъ къ плаванью удоб-
ной.

Филлида,

Креуза, ошврапишь нещасшье поспѣши,

И руки злбныя опъ гнѣва удержи!

Креуза.

Разкаянье швое едваль уже не позно.

О небо, проводи безъ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Филлида, Иліона, Мемнонь и Драметъ.

Филлида.

(увидѣвъ Иліону)

Коль неразумно злюсь, любезной, на шебя!

Иліона.

Царевна, опъ меня чѣпобъ хочешь скрышь себя?

Не скучнымъ досаждатьъ къ шебѣ иду я споромъ,

И не зависпливымъ о щасшѣ разговоромъ;

Но слезы горькія передъ шбой пролишь,

И бѣднымъ помощи въ гоненіи просишь.

Невинной Полидоръ на пугубу ошь муки,
И изъ лиранскихъ взяшь въ прощивнически руки.
Одинъ вашъ будешъ пушь, но разной шамъ ко-
нецъ.

Его свирѣпа смершь, шебя шамъ ждешъ вѣнецъ!
Ты вѣдая меня и мыслями въ шомъ невинну,
Чшобъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,
Драгая, не имѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
Но помня, какова любовь межъ насъ была,
Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
Предшашельшвомъ спаси ошь смершти Полидора.
Досшигни шасшливо шебѣ желаннхъ шпранъ,
Чшобъ мучился, лишасъ надежды, нашъ шпранъ.

Филлида.

Я чувшвовашъ могу болѣзнь швою сердечну,
Коль шягосшно несши злосшь шоль безчело-
вѣчну!

Но шомъ, кшо долженъ самъ спасенія искашь,
Какъ можешъ оное другому обѣщашъ?

Мемнонь.

(оборочиясь на спорону)

Чшо ночи шемношу надъ моремъ прогоняешъ?

Филлида.

Ахъ! люща злосшь мою надежду пресѣкаешъ.

Драметъ.

Чъмъ небо намъ грозишь!

Филлида.

Гдѣ помощи искашь?

Слѣши со мной, Драметъ, спасашъ и умираешъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Иліона и Мемнонь.

Мемнонь.

Нещасье наши всѣ совѣшы разрушаешь,
И предпріяшой пупь Филлидѣ запираешь.
Горишь нещаснаго, ахъ! Демофонна флотъ,
И помощи лишень среди глубокихъ водъ!
О жальшесь вы хошя, морскія, жальшесь, волны,
Возспаньше на пожаръ, возспаньше гнѣва полны.
Дождевыя облаки, о небо, расшвори,
И вихри пламенны пошопомъ усмири!
Но крикъ при берегахъ и большій спрахъ ошъ
шреску

И умноженіе сіянія и блеску
Погибелію намъ ошчаяннѣмъ грозяшъ.

Иліона.

Теперь прошивникамъ за Трою боги мспяшъ.
Когда онѣ Троянъ державу разрушили,
Свирѣдспвомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
Они ихъ ошпусшивъ ошъ нашихъ береговъ,
Хошяшъ всѣхъ погубишъ среди крушыхъ валовъ.
А шы объ нихъ, Мемнонь, печалясь, въздыхаешь;
Ты Трою раззоряшъ шيرانнамъ помогаешь.

Мемнонь.

Когда бы вѣдала намѣренья мои,
Ошсавила бы шы ропшанія свои.
Кшо можешь ближе всѣхъ къ Пріамову бышъ
шпрону,

Какъ шопъ , кому онъ самъ въ черпогъ даль
Иліону?

И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ
бъшь,

Какъ шопъ , кого могла Филлида полюбишь?

Я обою къ концу привесшь желаль, Царевна!

Но вижу, рушишь все въ конецъ судьбина гнѣвна.

Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣешь Князь!

Какъ можешь дашь опивѣшь, Филлида возвращаешь?

Флопъ нынѣ Греческой ему ужъ неужасень:

Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасень.

Неизбѣжимая шебъ грозишь бѣда,

И мнѣ, безсмершныя, доспойна па ли мзда?

Кто нынѣ насъ спасешъ?

Иліона.

Топъ бѣдспво презираешъ,

Кто больше ужъ себѣ спасенія не чаешъ.

Ни молнія меня, ниже Зевесовъ гнѣвъ

Не можешь успрашишь: ударъ не укосишь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Иліона, Полимнесторъ и Мемнонь.

Полимнесторъ.

Аѣинской флопъ горишь!

(къ Иліонѣ)

Ты здѣсь? но гдѣ Филлида?

Иліона.

Гнушаясь швоего несноснаго ей вида,

Ни пламени, ни водъ бѣжишь не успрашашъ,

Я здѣсь, и чтобы тебя шоккой шерзашь, спаса-
лась.

Полимнесторъ,

Нечаянная мнѣ и спрога перемѣна,
Которою скорбишь душа моя смущенна!

Мемнонь.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ вле-
чешь.

ДВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Полимнесторъ, Иліона, Мемнонь и Вѣстникъ,

Мемнонь.

Какой судьба конецъ смяшеніямъ даешь?
Чѣмъ пламень намъ грозишь, свирѣпствуя надъ
Поншомъ?

Вѣстникъ.

Филлиды больше нѣшь съ любезнымъ Демофонъ-
шомъ!

Лишились жизни!

Мемнонь,

Ахъ!

Полимнесторъ.

Несносной мнѣ ударъ!

Иліона.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жарь?

Вѣстникъ.

Толь много бѣдшвъ сказаць лишь шолько на-
чинаю,

Ошкуду мнѣ начашь, я въ ужасъ не знаю?

Когда покрыла ночь со фашомъ глубину,

Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Поставивъ Демофонсъ суда ко берегу спроемъ,
Чтобы любезную привесшь на нихъ съ покоемъ,
На встрѣчу къ приспани лишь вѣхшь поспѣ-
шаль,

Куда ее привесшь Драмепа онъ послалъ.
Внезапно изъ за горъ шамъ весла зашумѣли,
И спрѣлы огненны до облаковъ взлѣшѣли,
Упали съ высоты на насъ, какъ сильной градъ.
Уже на корабляхъ снаряды всѣ горящъ!
Плаютъ парусы, валялся райны въ море,
Въ дыму и въ шумѣ шамъ лишь шолько слышцо,
горе!

Илиона.

О коль великой спрахъ!

Мемнонь.

О люшая гроза!

Полимнесторъ.

Объемлешъ сердце кладъ и мракъ мой глаза!

Вѣстникъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закружились,
Прошивны двѣ на насъ стихии согласились.
И каждой шамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
И влажноспію жаръ и пламень умножалъ.
Иныхъ пожгла огня неукрошима сила,
Иныхъ несышая пучина поглотила.
И какъ я съ корабля спарался въ бошь сойши,
Я Демофонша вдругъ увидѣлъ на пуши.
Пронзень, окровавленъ едва уже дыхаешъ:
Спрѣла еще въ груди важженная пламешъ.

Я въ спрахѣ возсенавъ , другихъ на помощь
звалъ ;

Опъ двухъ смершей изшоргъ , и къ берегу съ нимъ
приспалъ ;

Но въ сердце шрешия препенущемъ оспалась:
Любезная душа опъ шѣла разлучалась.

Еще онъ , ахъ ! шогда изъ глубины вздохнулъ ,
И слабымъ голосомъ Филлиду помянулъ .

На берегъ пламенемъ шумящимъ освѣщенный
Филлида къ намъ сѣшишь , Драменъ съ ней у-
спрашенный .

Увидѣла его безгласна предъ собой ,
Спаралась во слезахъ подняшь рукой ,
И рѣчью возбудишь хошѣла бесполезной :
Промолви , Демофоншь , промолви , мой любезной .
Онъ мрачные еще глаза свои опкрылъ ,
И на нее взглянувъ , впослѣдни зашвориль .
Промолвишь силмса еще между шпенаньемъ ,
Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимъ въздыханьемъ !

Илиона .

Нещасливой любви нещасливой конецъ !

Мемнонъ .

Какъ будешь сѣшовашь оспавленной опецъ !

Вѣстникъ .

Филлида съ горешнымъ шпенаньемъ възгласила :
На шоль , чшобы убишь , шебя я полюбила ?
И шакъ ли пушь пресѣчь шебѣ хошѣла я ?
Не шы невѣрентъ , я измѣнница швова .
Ахъ ! пушь бы шы ушоль , шы могъ бы возвра-
шиться ,

И я ещебь могла хопя надеждой льсшишься.
Теперь шебя ко мнѣ никшо не возвраишь,
И шолько смершь одна съ шобой совокупишь.
Промолвила, и вдругь кинжалъ во грудь вонзила,
И пушь себѣ за нимъ со свѣша опшворила.
Креуза рвешь власы, опчаянной Драмышь
Вошще надъ хладными шѣлами слезы льешь.

Илиона.

Мнѣ поздо смершь ея надежду возвращаешь.

Мемнонь.

Ахъ! въ ней шеперь Ликургъ вшорично умираешь.

Полимнесторь.

Теперь мнѣ опшнята недежда до конца!
Презрѣла шы меня, послушала льспеца,
И съ нимъ въ опчаянны, о дерзка, умираешь!
Однако шѣмъ моихъ желаній не скончаешь.
Я сполько на земли шебѣ прошивень былъ,
Чшо свѣшь шебѣ со мной, Филлида, спашь не-
милъ.

И чшобы мною шы очей не раздражила,
Прекрасны очи шы во вѣки зашворила.
Ты опъ меня бѣжишь за Демофонпомъ въ слѣдъ,
И чаешь, чшо ужь шамъ меня швой взоръ минешь?
Гнушаешься еще шы послѣ смерши мною?
Или не смѣю спашь я шамъ передъ шобую?
Я слѣдовашь шебѣ не успрашусь во адъ.
И спану шамъ казашь шебѣ прошивной взглядъ.
Я буду шамъ шшенашь, шряспись въ несносной
казни,
И къ жалосши шебя подвигну и къ боязни.

Ты шамъ, чшобъ опъ меня могла себя укрышь,
Не можешь ужъ себя вѣругой разъ умерпвишь.
Чшо долго смерши ждашь?

(Хоченъ заколошься)

Илиона.

(схвaпивъ за руку)

Пожди еще минушу:

Не всю ши преперпѣль на свѣшъ муку люшу.

(къ Вѣшнику)

Младенецъ, чшо Драменъ похишилъ на суда,
Спасенъ ли?

Вѣстникъ.

Погубилъ огонь или вода.

Полиместоръ.

Безщасной Полидоръ!

Илиона.

Деифиль неповинной!

Ты люшосши моей, шираннъ, былъ самъ причи-
ной.

Раченіемъ моимъ сокрышь мой Полидоръ
Опъ злобы швоея Тракійскихъ далъ горъ.
За наглосши швой, за зло непосшоянштво,
За гордой мнѣ опказъ, за мерзкое шيرانштво
Мнѣ промышль пособилъ въ сей чашъ шебъ он-
мшшишь,

И сына швоего пропшвнникамъ вручишь.
Но месшъ сія легка явилась предъ богами,
Деифила сожгли они между валами.
Мнѣ должно бы его на чашти разшперзашъ,
И разшперзавъ, онцу на пищу сына дашь:

Дабы къ шому швоя несышая ушроба
Рожденному шобой служила вмѣсто гроба.

Полимнесторъ.

Ахъ! чшо еще въ мои глаза блискаешъ свѣтъ?

Филлиды больше здѣсь и Деифила нѣтъ!

Я нынѣ скипешрѣ, власшѣ и славу презираю,

И шолько громаго удара лишѣ желаю.

Еще я не могу боговъ къ шому склонить,

Прощеніемъ на казнѣ и злобой побудишь?

Но омерши чшо ищю на казнѣ себѣ напрасно?

Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!

Филлида, Демофоншѣ и шы, ахъ! Деифиль,

Въ срединѣ сердца мнѣ геѣнну воспалилъ.

Какая вкругъ меня буншуешъ непогода?

То мерзосшью моей гнушаешся природа!

Свѣшила идушѣ всѣ обрашно на воспокъ:

Законы еспешива преобращаешъ рокъ.

Всѣ боги на меня, чшо Трою защищали,

За дочь Пріамову прошивъ меня возспали.

Непшунѣ спремилъ на брегъ морскую глубину,

Пожрашъ меня бѣжашъ чудовища по дну,

И вѣчныя Плшшонѣ заклепы опшверзаешъ,

Рыгаешъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаешъ,

Зияешъ челюсшными несышой Флегешонѣ,

Тиранновъ слышу шамъ безчеловѣчныхъ спшонѣ.

Но чшо еще? между ревущихъ вѣшровъ спо-
ромъ

Являешся Зевесъ съ пламеновиднымъ взоромъ.

Межъ мрачныхъ и грозой опшгощенныхъ шучѣ

Изъ рукъ его гремишь быспрошекуцій лучъ.
Суровая змѣя мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
И внушрь и внѣ болѣзнь и спрахъ меня шер-
заетъ,

Разверзшая земля, кровавы небеса,
Кипящія моря, горящіе лѣса
На пагубу мою себя пригошворяющъ.
Но въ бездну долго чшо меня не погружаютъ?
Когда меня шерцѣшь не можешъ еспесиво:
Скончай меня, скончай, о сильно божешво!

Конецъ Трагедіи.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА,

ПРИПИСАННАЯ ПОКОЙНОМУ ОБЕРЬ-КАММЕР-
ГЕРУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

Начало моего великаго шруда

Прими, предсшашель Музь, какъ принималъ
всегда

Сложенія мои, любя Россійско слово,
И пѣмъ спремленіе къ сшихамъ давалъ мнѣ ново.
Тобою поощренъ въ сей пушь пусшилсѣ я:
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи и сія дана шебѣ доброша,
Къ словеснымъ знаніямъ преквальная охоша.
Прородный видипъ швой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя и гдѣ пусныхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ швоего разсудокъ шонкой слуха,
Чшобъ слабосшъ своего возмогъ признашь я духа.
Когда подъ бременемъ поникну упомленъ,
Вниманіемъ швоимъ-возшпану ободренъ.
Хопя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру;
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Не вымышленныхъ пѣшъ намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій шрудъ ПЕТРОВЪ.
Досшойную хвалу воздашь сему Герою
Труднѣе, нежели какъ въ десятишь лѣшъ взяшь
Трою.

О ешпльбъ было шо въ возможности моей!
Бѣглець Виргиліевъ изъ ошчешсшва Еней
Едвабъ съ Мазепою въ сшихахъ моихъ сравнилсѣ,
И басней бы своихъ Виргилій успыдилсѣ.
Уликсовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ пошранный ревомъ
левъ.

За кѣмъ же я пойду? въ слѣдъ подвигамъ ПЕ-
ТРОВЫМЪ ,

И возвышеніемъ стиховъ геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣле вселенныя концы ,
Что пѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы ,
Что первый пѣлъ дѣла шажаго челоуѣка,
Каковъ во всѣхъ спранахъ не слыханъ былъ опъ
вѣка.

Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ шомъ шаланъ ;
Однако скажутъ всѣ , я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперить дѣла ПЕТРОВЫ громки,
Описанны въ моихъ стихахъ прочшутъ пошомки.
Обильные луга , прекрасны бреги рѣкъ ,
И шолько гдѣ живешь Россійской челоуѣкъ ,
И почипаючи Россію всѣ язмки ,
У коихъ по шрудамъ прославленъ ПЕТРЪ Ве-
ликій ,

Доспойну для него дадутъ симъ честь стихамъ ,
И спанутъ ихъ гласишь по роцамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ ,
Трудомъ желаемымъ , но непреодолимымъ!
Однакомъ я опнюдь надежды не лишентъ:
Начашой будешъ шрудъ прилжно совершентъ.
Твоими , Меценатъ , бодрясь въ шрудъ словами ,
Шпремлюся на Парнассъ , какъ легкими крилами.
Въ разборъ убѣжденъ о правошъ швоей
Пренебрегаю злмъ ропшаніе людей.
И ешли въ полъ семъ прекрасномъ и широ-
комъ

Препорженъ мой вѣкъ недоброхошнымъ рокомъ ;

Часть II.

Цвѣтущимъ младосшью оспанешся умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуюшъ спопамъ.
Довольно шаковыхъ родишь сыновъ Россія,
Лишь былибъ всегда защитники шакія,
Каковъ шы промысломъ въ сей день произведень,
Для щаспія наукъ въ ошечеспѣвъ рождень.
Благопелучная сіяла къ нимъ планеша,
Предвозвѣщая плодъ въ швомъ прекрасны лѣша.
Въ благодвѣніяхъ швои проходяшъ дни,
О коль красно цвѣщепъ Парнассъ въ швоей шѣни!
Для Музы моея швой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ щаспія продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня 1780 года.

П Ъ С Н Ъ П Е Р В А Я .

С О Д Е Р Ж А Н І Е .

ПЕТРЪ Великій увѣдавъ , что Шведскіе корабли идушь къ городу Архангельскому, дабы тамъ учинишь разореніе и отвратишь Государевъ походъ къ Шлиссельбургу , опспушилъ войско приспунашь къ оному . Самъ съ гвардіею предприемлепъ пушь на Сѣверъ , и слухомъ своего приходу на Двинскія усшь обращаетъ въ бѣгство флошь Шведскій . Опспуда простирая походъ къ осадѣ помянушой крѣпости по Бѣлому морю , прѣшерпѣваетъ опасную бурю , и опъ ней для опдохновения уклоняетъ въ Унскую губу . Попомъ приспавъ къ Соловецкому опспрову для молишвы , при случаѣ разговора о расколѣ сказываетъ Государь наспоашелю шамошніа обиптели о спрѣлецкихъ бунпахъ , изъ кошорыхъ вшорой былъ раскольничей .

Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новыя, полки и флоты спроя,
Опъ самыхъ нѣжныхъ лѣшь со злобой вель войну,
Сквозь спрахи проходя, вознесъ свою спрану;

Смирилъ злодѣвъ внупрѣ , и внѣ погралъ про-
шивныхъ ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзоспныхъ и лъспи-
вныхъ ,
Среди военныхъ буръ науки намъ ошкрылъ ,
И мѣръ дѣлами весь и зависпъ удивилъ .

Къ шебѣ я вопою , Премудрость безконечна!
Пролей свой лучъ ко мнѣ , гдѣ искренность сер-
дечна ,

И полонъ ревности спѣшишь въ восторгѣ духъ
ПЕТРА Великаго гласишь вселенной въ слухъ ,
И покажашъ , какъ онъ превыше человека
Понесъ шруды для насъ неслыханны ошъ вѣка ;
Съ какимъ усердїемъ ошечество любя ,
Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя .
Да на его примѣръ и на дѣла велики
Смошря весь смерщныхъ родъ , смошря земны
Владыки ,

Познають , что Монархъ , и что ошець прямой ,
Спроишель , плаващель , въ поляхъ , въ моряхъ
Герой :

Дабы Россійскій родъ во вѣки помнилъ швердо ,
Коль , небо , шмъ ему явилось милосердо .
Ты мысль мнѣ просвѣши , дѣлами ПЕТРЪ снабдишь ,
Велика Дщерь Его щедрошой оживишь .

Богиня , коей власпъ владычеспвъ всѣхъ пре-
выше ,

Державшво крошкое весны прекрасной пише ,
И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышпій еспъ за-
конъ ,

Ты вземлешь съ крошоснью мой слабой лирной
звонь:

Склони, склони свой слухъ, когда я предъ шебою
Дерзая возгласишь военною шрубою
Тебя родившее велико божеспиво!

О море! о земля! о шварей ешпешиво!
Монархини моеи въ нраву подражайше,
И гласу моему съ крошоснью внимайше.

Уже освобожденъ ошъ варваръ былъ Азовъ;
До Меошискихъ Донъ свободно шекъ валовъ,
Нося ужасной флосъ въ спруяхъ къ пучинѣ Черной,
Чшо созданъ въ скоросши ПЕТРОМЪ неизмовѣрной.

Уже великая покоилась Москва,
Избывъ ошъ люшпаго злодѣвъ суровсшва:
Буншующихъ спрѣльцовъ досшойной послѣ казни
Просперлавнѣ свой мечъ безъ внушренной бѣяени.
Ошъ дераской наглосши разгнѣваннмъ ПЕ-
ТРОМЪ

Воздвигся въ западѣ войны ужасвой громъ.
Ошъ Нарвской обуявъ сомнишельной побѣды,
Шапались мыслями и войскѣ походомъ Шведы.
Монархъ нашъ ошъ Москвы просперъ свой бы-
спрый ходъ

Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ Бѣлыхъ водъ,
Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
И больше къ плаванью въ немъ жажда возпали-
лась.

О коль шны шасшлива, великад, Двина,
Чшо славнымъ шеспшвиемъ его освящена!

Ты шѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что ушьями своими
Сливаясь въ сонмъ единый со безднами морскими,
Открыла посредѣ играющихъ валовъ
Другихъ всѣхъ прежде спруй пучинъ зракъ ПЕ-
ТРОВЪ.

О холмы красные и оспровы зелены,
Какъ радовались вы симъ щасшьямъ: возхищенны!
Что поздно я для васъ, что поздно я рождень;
И шѣмъ шлоликаго веселія лишень?
Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величешвомъ надъ вами,
И шесшвовалъ средъ васъ предъ новыми полками;
Какъ новы крѣпости и новы корабли,
Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,
Смошрѣлъ и ушверждалъ прошиву ихъ набѣгу,
Грозящему бѣдой Архангельскому берегу,
Дабы Россійскую шѣмъ силу раздѣлишь,
Ошъ Ингерскихъ градовъ осады ошврашишь.
Но вдругъ пришесшвіа ПЕТРОВА съ Сѣверъ слу-
хомъ
Смушясь, пущились вспяшь ушмы, шомны ду-
хомъ.

Уже бѣлѣя Поншъ передъ ПЕТРОМЪ кипишь,
И влага ушпущишь, шумя, ему спѣшишь.
Тамъ вмѣсто чайныхъ бореи флаговъ Шведскихъ
Россійскіе въ зыблѣхъ звѣвали Соловецкихъ.
Закрмались крайніе лучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліяшны небеса.
Тушъ вѣпры сильныя имѣя флощъ во власши,
Со всѣхъ споронъ сложась къ погибельной на-
пасши,

На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ, и Востокъ
Сшремяща и вершища мглу, влагу и песокъ.
Перуны мракъ густой, сверкая, разделяющъ,
И громы съ шумомъ водъ свой прескъ соеди-
няющъ.

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣль,
Дождю на вспрѣву дождь съ кипящихъ волнь ле-
пиль.

Въ сердцахъ великой спрахъ сутубящъ скрыномъ
снаши.

Герой нашъ, посредѣ великія напасши
И взоромъ и рѣчьми смупившихся крѣпищъ,
Сквозь грозный спонъ спихій къ блѣднѣющимъ
гласищъ :

„Мужайшесь ; промысль насъ небесный иску-
шаешъ ;

„Къ шрудамъ и къ крѣпости напредки обо-
дряешъ ;

„Всякъ дѣлу своему со шщаніемъ внимай :

„Опасности сея Богъ скоро пошлешъ край.,,

Опъ гласа въ грудь пловцамъ кровь шеплая влі-
ялась,

И буря въ яросши крошчае показалась.

Я мыцлю, что шогда сокрыша въ морѣ мочь
Желая опшрашищъ набѣгъ прошивныхъ прочъ,
Толь спрашну бурю имъ на пагубу воздвигла,
Что въ плаванъи ПЕТРА нечаянно пошшигла.

О вы рачищели и слушашели словъ ,
Въ кошорыхъ подвигъ вамъ приащень ещъ ПЕ-
ТРОВЪ,

Едина испинца возлюбленна и сродна,
Опъ вымысловъ краса Парнаскихъ негодна!
Позвольте между шѣмъ, чѣтобъ слаба мысль моя
И голосъ опочилъ, шруды его проя;
Въ Каспальски роци я не съ шѣмъ себя склоняю,
Чѣто онымъ шамъ сыскашь красу и силу чаю:
Ключи, испочники, долины и цѣвшы
Не могутъ дѣль его умножишь красопы;
Собой они красны, собой они велики.
Ошважась въ долгій пуць, гдѣ шрудноспи шо-
лки,

Ищу, чѣтобъ иногда имѣшь себя покой;
Въ убѣжища си склонишесь вы со мной,
Дабы яснѣ зрѣшь съ высокихъ мѣспъ и красныхъ
ПЕТРА въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣ-
дахъ ужасныхъ,

И славы испинной въ блисшающихъ лучахъ.
Какое зрѣнне мечшається въ очахъ?
Я на земли спою, на спрахомъ колебаюсь,
И чаю, чѣто въ водахъ свирѣныхъ погружаюсь!
Мнѣ всякая волна бышь кажешся гора,
Чѣто съ ревомъ падаешъ, обрушась на ПЕТРА.

Но промыслъ въ глубину десницу просницъ
раешъ;

Оковы шяжкія вдругъ буря ощуцаешъ.
Какъ въ равныхъ разбѣжасъ свирѣный конь поляхъ,
Ржелъ, цышешъ, опъ конышь возводишь ви-
хремъ прахъ;

Однако доскакавъ до цысопы крушынъ,

Вздохнувъ, кончаешь бѣгъ, лѣпъ шокъ пошова;
Такъ Сѣверъ укрошася, впослѣднѣ возспеналь;
По усшаламъ валамъ Поншъ пѣну разспиалаъ;
Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югъ чиспный
Ошкрылись два холма и береги лѣсисшы.

Межъ ними кораблямъ въ заливъ ошверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ ошъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крушася печальна Уна,
Медлишельно печешъ въ объашія Непшуна,
Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣспна и мала,
Но Предковъ рокомъ злымъ ПЕТРОВЫХЪ про-
смыла,

Когда коварнаго свирѣпспвомъ Годунова
Кипѣла пролипа невинныхъ кровь багрова,
Какъ праощевъ его онъ въ Сѣверъ зашочилъ,
Во влажномъ мѣспѣ семь, о злоба! уморилъ.
Сопель на берегъ ПЕТРЪ, и ободрилъ спшопами
Мѣспш обмоченны Романовыхъ слезами.
Подвиглись береги, зря въ славѣ оныхъ Родъ.
Межъ шѣмъ способной вънрѣ въ свой пушъ сэм-
ваешъ флошъ.

Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ послѣпшаешъ
И мелкихъ волнь вокругъ себя не ошущаешъ.
Тогда пловущимъ ПЕТРЪ на полночь указалъ,
Въ спокойномъ плаванѣ сш слова въшчалъ :
„Какая похвала Россійскому народу
„Судьбой дана пройши покрышу льдами воду.
„Хощя шамъ кажешся посшавленъ плышъ пре-
дѣлъ ;
„Но бодростъ подающъ примѣры славныхъ дѣлъ.

„Полденный свѣша край обшелъ опважный Гама,
„И солнцева досшигъ , чшо мнила древность ,
храма.

„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
„Коль много обрѣли безвѣспныхъ прежде спранъ;
„Подвигнушы хвалою, исполнены надежды,
„Кошеровъ лишены пугливыя невѣжды,
„Презрѣли робость ихъ, ропшанье и упоръ,
„Чшо въ нихъ произвели болѣзни, голодь, морь.
„Иное небо шамъ и новья свѣшила,
„Тамъ полдень въ Сѣверѣ, гна въ магнитѣ сила.
„Бездонный Океанъ справса какъ лугъ покрышь,
„Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ споронъ
грозиль.

„Опасень вихрей бѣгъ, но шишина спрашнѣ;
„Чшо поршишь въ жилахъ кровь свирѣпыхъ
ядовъ злѣе.

„Лишаешъ долгой зной здоровья и ума;
„А спужа въ Рѣверѣ ничпожишъ вредъ сама.
„Самъ ледъ, чшо кажешся шоль грозень и ужа-
сень,

„Опъ оныхъ люшыхъ бѣдъ даспъ ходъ намъ без-
опасень.

„Колумбы Росскіе презрѣвъ утрюмый рокъ,
„Межъ льдами новый пушъ опворяпъ на Возшокъ,
„И наша досягнешъ въ Америку держава;
„Но имнѣ наспоишъ въ войнахъ иная слава.,
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
И бодрый духъ къ шрудамъ на всемъ лицѣ сила.

Доспигло дневное до полночи свѣсило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И проспирало блескъ багровой изъ за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи зланныхъ зыбей пловцамъ сверкають въ
Очи.

Опшъ Сѣвера спада морскихъ приходяшъ чудъ
И воду вихрями крупяшъ и къ верьху бьюшъ,
Предшеспвуя Царю пространныя пучины,
Чшо двинулся къ ПЕТРУ ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царшпвуешъ на днѣ.
Въ недосигаемой опъ смершныхъ споронѣ
Между высокими камниспыми горами,
Чшо мы по зрѣнью обкли зващъ мѣлями,
Покрышый золошымъ пескомъ просперся долъ;
На шомъ сего царя палашы и прешноль.
Сшолпы округъ его огромные кришпаллы,
По доимъ обвилисъ прекрасные кораллы:
Главы ихъ сложены изъ раковинъ вишыхъ,
Превосходящихъ цвѣшъ дуги межъ шучъ гусшыхъ,
Чшо кажешъ укрошясь намъ громовая буря;
Помосшъ изъ аспида и чиспаго лазуря.
Палашы изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внушрени покровъ черепокожныхъ;
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ шронъ жемчугами усыпанный яшпаръ;
На немъ сидяшъ волнамъ сѣдымъ подобенъ Царь.

Въ заливы, въ Океанъ десницу просшираешъ,
Сапфирнымъ скипешромъ водамъ повелѣваешъ.
Одежда царская порфира и виссонъ,
Что сильныя моря несутъ ему предъ проны.
Ни мразы, ни Борей шуда не достигаютьъ,
Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникаютьъ.
Ошь хлябей сихъ и безднѣ владѣшель водъ воз-
никъ;
Воздвигли радостной морскія пшпцы кликъ.
Онъ въ слѣдъ къ плывущему Герою обратился,
И новосица судовъ ПЕТРОВЫХЪ удивился:

„Твои, сказала, моря, надъ нами царшвуй
вѣкъ;

„Тебѣ печеніе просширанныхъ шѣсно рѣкъ :
„Посширой великой флотъ, посшавъ въ пучинѣ
спшны.“

Скончали пшніемъ сей гласъ его, Сирены.
То было, либо шакъ бышь надобнобъ сему,
Что долженъ Океанъ Монарху своему.

Уже на Западѣ восшочными лучами
Ошкрылся освѣщенъ съ высокими верьхами
Пречудныхъ спшнѣ округъ, изъ дикихъ камней
градъ,
Гдѣ вольны плѣнники спшасаяся сшдять.
Ошь міра ошдѣлясь и моремъ и свшшпней,
Примѣрь ошеческихъ ошь древнихъ лѣшъ ну-
спшпней,
Лишь шолько лишены пршшншшшнихъ плодоеъ

Опъ дръвъ, что подають и пищу и покровъ :
Не можешь произвешь корошкое ихъ льшо;
Снѣгами въ прошчи дни лице земли одѣшо.
Сквозь мракъ и сквозь шуманъ , сквозь буйныхъ
вѣтровъ шумъ

Возводишь къ небесамъ поющихъ гласъ и умъ.
Къ симъ спрогимъ берегамъ великій ПЕТРЪ при-
ходишь,

Внимательный свой взоръ на зданія возводишь.
Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнуша спѣна,
Водами оно всѣхъ споронъ окружена,
Его и воиновъ съ веселиемъ приемлешь ;
Спрѣльбѣ и пѣнью пуспыня купно вземлешь.
На вспрѣчу съ ликомъ Фирсъ , усердсвуя, спѣ-
шинъ,

И гостя осѣнивъ, въ возпоргъ говоришь :
„Благословенъ швой путь Всевышняго рукою :
„Могущество его предходишь предъ шбою.
„Онъ къ сей съ высотъ своихъ обишела смошря,
„О имени своемъ возвеселишь Царя.
„Живящія его въ семь мѣсцѣ благедаши
„Причасны новыя швой да будутъ раши !,
Монархъ опъ промысла избранный человекъ
Вмѣнилъ , что передъ нимъ спшощъ Мельхисе-
декъ,

Побѣды прежнія его благословляешь ,
И къ новымъ поржешвамъ духовно ободряешь.

Монархъ почтивъ шруды и знаки чудныхъ
дѣлъ,

Спросеніе вокругъ и мѣсно осмошрѣль,
Спросилъ Насшавника: „кто сими вась горами
„Толь крѣпко оградилъ, посшавя ихъ руками?
„Великій Іоаннь, швой сродникъ и примѣрь,
„Что Россовъ превознесъ и злыхъ Агарянь сперь.
„Онъ жершву принося за помощь въ браняхъ Богу,
„Межь прочими и здѣсь далъ милосшныю многу:
„Няшъ сошъ измѣнниковъ поиманныхъ Ташаръ,
„Имъ въ казнъ, обшчели прислалъ до смерши въ
даръ.
„Рабошою ихъ рукъ сіи воздвигались спѣны,
„И праощевъ швоихъ усердіемъ снабдѣны,
„Въ холодной сей спранѣ ошъ буръ покровъ
даюшъ,
„Безмолвно бдѣніе и безнавѣшенъ шрудъ.,,
Сіе въ ошвѣшъ далъ Фирсъ, и указавъ на слѣдм,
Гдѣ церковь надъ врагомъ седмъ лѣшъ ждала по-
бѣды,
Сказаль: „здѣсь каменны передъ спѣной валы
„Насыпаны прошивъ раскола и хулы.
„Желая ереси изпоргнушъ швой Родишель,
„Исправивъ церькви чинъ послалъ въ сію оби-
шель:
„Но грубыхъ шѣхъ невѣждъ въ надѣжныхъ шоль
спѣзнахъ
„Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни
спрахъ.
„Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
„Не двигнулись своихъ дровавыми спруями,
„Пока упрямшво ихъ унишилъ Божій судъ:
„Уже въ церьковной всѣ послушности живутъ.,,

Монархъ вспомянулъ , коль много оупъ ра-
скола

Просперлось наглоспей и къ высотѣ преспола.
Вдохнувъ , повѣспивоваль ужасную напасшь ,
И власполюбную Софіи хишрой спрасшь.

Ахъ, Музы , какъ мнѣ пѣшь? я итѣхъ липу
покою ,

Которыхъ сродники развращены мечшою
Не щцились за ПЕТРОМЪ въ благословенной
пушь,
Но щцешно мысляли прошивъ его дерзнушь.
Предсавивъ злобу ихъ, гнушаюсь и жалью,
Что родъ ихъ огорчу невинноспью своею!

Какой бодришь меня и лучъ и жаръ и шумъ,
И гонишь въ скороспи смущенныхъ шучу думъ?
Съ прекрасной высоты великаго Парнасса
Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа:
Минерва, Аполлонъ и девашъ сеспръ зовушь ,
И нудяшь совершишь священный спѣшно шрудъ.
„Ты хочешъ въ землю скрышь врученно смысла
злапо :

„Мы пѣшь шебѣ велимъ, и что велимъ шо свяшо.,,
Уже съ горы глашу богинь великихъ власшь.
Въ спокойспивѣ чштите вы предписанную часшь.
Когда похвальныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду,
Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду,
Когда прошивна вамъ неправда, злоба , лесшь,
И въ сердцѣ царшвуешъ правдивоспшь, совѣспшь,
чесшь ;

Премѣна зла въ добро явишся дѣло чудно,
И за попрекъ хвалу вамъ заслужишь неспрудно.
А вы, что хвалишесь заслугами опцевъ,
Ошнюдь опеческихъ доспоинспивъ не имѣвъ,
Не мнише о себѣ, когда ихъ похваляю:
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злоспи не спрашусь, ни шребую добра:
Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Пящъ крапъ прошивъ меня, онъ сказываль,
возспала,

И царшвовашъ сеспра чрезъ кровь мою искала.
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу свящоспи пришворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣшны,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣшны.
Передъ кончиною мой спаршій брашъ признавъ,
Что средній въ силахъ слабъ и внушпренне не-
здравъ.

Способносшь предпочель еспешивенному праву,
И мнѣ препоручиль Россійскую державу.

Сеспра подъ образомъ, чтообъ брашъ былъ за-
щищень,

И купно на пресполь со мною посаждень,
Въ немъ слабосшь, а во мнѣ дни дѣшски прези-
рала,

И руку хищную къ державѣ просширала.
Но прежде пришворясь, сосшавила совѣшь,
Къ кошпорому боярь и всѣ чины зовешъ,
И церкви швердаго сполца Іоакима;

Душа его была ошь ней непобѣдима.

Коварную начавъ съ пришворной скорбью рѣчь,
Свои принудила и прочихъ слезы щечь.

„Когда любезнаго Феодора лишились,

„Въ какой печали мы, о небо, погрузились!

„Но сверхъ шой вопіашъ ешесшвенный законъ,

„Чшо братья у сшарнаго меншой ошьемлешъ
пронъ.

„Сшрѣльцы и весь народъ себя вооружающъ,

„И общей пагубой Россіи угрожающъ.

„Всѣ ропщущъ: для чего обойденъ Іоаннь:

„Возложашъ на него убійствомъ Царской санъ!,,

Познавъ шакую злосшь, ошьвѣшшвовалъ свящш-
шель :

„Ошь жизни ошхода и братья швой и родишель,

„Избраніе Пешра препоручили намъ :

„Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ,,

Несклоннаго сего ошьвѣша ради гнѣвна,

„Съ народомъ выбирашъ, сказала имъ Царевна,

„Съ народомъ выбирашъ, не запершисъ въ чер-
шогъ,

„;Повелѣваешъ вамъ и общешшо и Богъ.,,

Толшшой къ Софінну и Милославской слову,

По особливому сошедшесш зову,

Согласно, дерзосшно поборшшвовали ей,

Чшо нѣшъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.

Іоакимъ со всемъ предспавилъ купно ликомъ :

„Мы избрали ПЕТРА и сердцемъ и языкомъ.

„Ему здѣсь вручена державы вышней часшь:

„Съ прешшшла низвешшши уже не наша власшь.,,

Часть II.

Софія видя ихъ прошивъ себя упорство,
Склонила замысловъ къ иной спезѣ проворство.
Въ надеждѣ достигнуть своихъ желаній злыхъ,
Совѣшь дала вѣнчанъ на царство обоихъ.
Однако Пашриархъ опнюдь не колебался,
И сими опъ шого словами опказался:
„Опасно въ обществѣ многоначальству бышь,
„И Богъ мнѣ не велѣлъ шого благословишь.,,
И, пакъ восплавъ опъ ней съ священительми оп-
ходишь.

Софію спрасъ владѣшь въ безчусшвенность
приводишь.

Дляшь на скопищахъ Москву буншовцики,
Гошовясь шокъ пролишь кровавыя рѣки.
Предходишь бѣшенство и наглость и буянство,
И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство,
Обѣли улицы, шорги и вороша,
На разхищеніе разписаны мѣсна.
Безъ сна былъ злобной скопъ, не зашворя ока,
Лишь спишь нездобіе, не зная близко рока.

Опкрылся шайный ковъ, когда исчезла шѣнь;
Багровая заря кровавый вводишь день.
Наружъ выходишь, чшо умыслила Софія,
И чшо совѣшники ея велѣли злыя.
Уже измѣнники шпрѣльцы сбѣжались въ спрой,
И Милославскаго орудіе Толстой,
Толстой въ буншующихъ шеренгахъ разѣзжаешъ,
И дерскихъ ложными словами поощряешъ.
Кричишь, чшо Іоаннь младый Царь удушенъ,

Нарышкиными, ахъ! шоль горько умерщвленъ.
Тогда свирѣпсшвуя жеспокіе ширанны,
Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
Свѣшшло вешнихъ дней оспавя высошу,
Девяшаго часа скрывало красошу.
Внезапно въ ужасъ Москва зришь изумленна
Оружіе на Кремль свѣшпаще и знамена.
Колѣса шяжкія подѣ пушками скрипяшь,
Глаза опчаянныхъ кровавые горяшь.
Лишь дому царскаго, чшо должны чшишь, до-
сшигли,
Какъ звѣри дикіе рыканіе воздвигли:
„На месшь свѣшшише намъ Нарышкиныхъ опдашь,
„Или мы спанемъ всѣхъ бишь, грабишь и шерзашь,“
Бояре спаршіе Машивевъ, Долгорукой,
Предсшавъ, давали въ шомъ спрѣльцамъ себя по-
рукой,
Чшо всѣ волнуюшся напрасно обуавъ;
Чшо Іоаннь съ Пешромъ безъ поврежденья
здравъ,
И шолько лишь о семъ смущеніи печалень.
Симъ словомъ дерскій бунтъ былъ нѣсколько
умалень;
Всѣ ждали, чшобы имъ младыхъ Царей узрѣшь,
И въ дома возвращаясь, спокійспвіе имѣшь.
Увидѣвъ изъ своихъ чершоговъ шо Софія,
Чшо пресѣкаюшся ея коварспва злыя,
Подгнешу буйноспи велѣла дашь вина;
Чшобъ снова возпылавъ, горѣла внушрѣ война.

Тутъ вскорѣ разъярясь спирѣльцы, какъ звѣри
дики,

Возобновили шумъ убійственной музыки,
Подобно какъ бы всю Москву снѣдалъ пожаръ.

Царица машь моя прошеніемъ бояръ

Для ушоленія всеобщія напасши

Презрѣвъ шоль близкой рокъ, презрѣвъ горящи
спрасши,

Выводишь насъ съ собой на красное крыльцо.

Опасность, слезы, гнѣвъ покрывъ ея лицо;

И брапа и меня злодѣямъ показала,

И чщобъ спокоились, со власщью увѣщала.

Толпами наглые на верьхъ взбѣгали къ намъ,

И мыль шо? кликали обѣхъ по именамъ.

Обличены въ конецъ и правдой и присущствомъ,

Хощящъ оспавишь злосщъ неправедну съ без-
сшудствомъ,

И часщъ буншующихъ въ обратной бьющъ по-
ходъ.

Царевна усмотрѣвъ, чшо шихнешъ злобный родъ,

Коварство новое въ погибель соспавляешъ,

И искры яркія въ сердца спирѣльцамъ всыпаешъ,

Сказавъ имъ собщвенну опасность и боязнъ,

Чшо завщре люшая самихъ посшигнешъ казнъ,

И шѣ имъ опомсшящъ, чшо нынѣ въ оныхъ волѣ:

Пропущенны часы не вѣзвращающа болѣ.

Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ ушущентъ,

Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ,

Сухой шросшникъ, шправу въ дни лѣшши под-
даешъ,

И пламень слабыя препяшсхва превышаетъ ;
Подобно шакъ спрѣльцы спрахъ съ люшосшью
смѣшавъ,

И поощреніемъ злодѣйскимъ возпылавъ ,
Въ черпоги Царскіе насильно успремились,
Убійсшвомъ, наглосшью неисшво вломились.
Царица машъ моя среди шакаго зла,
Среди опчаянья едва спасшисъ могла,
Гдѣ праощевъ прешоло въ палашу грановишу,
Ко свяшосши его и къ Вышнему въ защисшу.
Въ черпогахъ жалкой спонъ, перзанье и грабежъ
И раздаешся крикъ: коли, руби и рѣжъ.

Одни Софіяны покои лишь свободны
И двери варварамъ буншующимъ невходны.
Для убіенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ :
На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ.
Внезапно большій шумъ сердца въ насъ ушѣ-
сняешъ:

Въ злодѣйшвенныхъ рукахъ Нарышкинъ возры-
даешъ.

Не могъ его закрытьъ и жершвенникъ свящій.
Лешипъ на копія повержень съ вышины.
Текущу видя кровь, рыкающъ: любо, любо!
Пронзеннаго подявъ, сіе гласящъ сугубо,
Сего невинный духъ предшеча къ небесамъ
Оспавиль шѣвну часш неисшвонымъ врагамъ.
Немедленно мечи сверкающъ обнажены ,
И раздробляющя шрепещущіе члены!
Царией посланныхъ къ спрѣльцамъ увѣщевашъ,
Чшобъ кровь сію проливъ, прешпали буншоващъ,

Подобной люшосшью злодѣи похищаютъ ,
На копя съ крыльца низвергнувъ, прободають.
Спарѣйшихъ спольниковъ и знашѣйшихъ бояръ
Подобный умершвилъ судьбины злой ударъ.
Тамъ Ромодановской, о горькая кончина !
Въ послѣдней разъ взглянулъ на спраждающаго
сына.

Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
Межъ членами другихъ окровавленъ лежишь,
И краснорѣчьемъ несчастливой Машвѣвъ,
Кошораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣвъ ,
Убишь; но въ смерти живъ, что блѣдная глаза
Движеньемъ кажешь успъ нескончанны слова.
Коль много послѣ нихъ невинно поспрадали !
Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,
На беззаконную влекли безчестно казнь.
Скончался люшый день, оспалася боязнь.

О скорбный люшый день и варварствомъ
ужасный,

День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный !
Не помрачился онъ, какъ дерзоспный Борисъ ,
Сей смершоносной змѣй Димитрія угрызъ ,
Когда убица злой вершѣлъ въ горшани жало ,
И сердце машерне опчаясь обмирало.
Мнѣ чувшва изосприлъ мой собспвенной при-
мѣрь ,
Лишь вспомню, вижу я, какъ злился изувѣрь.
Въ младенческомъ умѣ взоръ люшый вкоренился,
И нынѣ вспомянувъ, я духомъ возмушился!

Волнуешься во мнѣ о шомъ со гнѣвомъ спрахъ,
Какъ рождающая меня держа въ своихъ рукахъ,
Мой верхъ и грудь свою слезами обмывала,
Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
Когда безчувственной въ продрозоспи злодѣй
Горшани копѣемъ касаясь моей,
Ревѣль: скажи, гдѣ брашь, или себя и сына
Поспигнешь въ мигъ одинъ послѣдняя година.
О промысль! въ оной часъ ты чудо совершилъ;
Злодѣйску руку прочь злодѣйской ошврашилъ,
Изъ жаждущихъ моей погибели сыскался,
Кшобъ о моемъ шогдажъ спасеніи спарался.

Въ шо время съ Федоромъ и Маршемьяномъ
Левъ

По селамъ спранспвуя, скрывались межъ деревъ.
Вообразивъ своихъ невинну спрасшь, рыдали,
И обспвенную смерть всечасно предспавляли.
Тогда почтенный мужъ при спароспи Кириль
Послѣдній дѣдъ мой дни въ зашворахъ шѣсныхъ
крыль,
Другихъ, не своего шерзанія боялся,
Чшобъ крови шокъ сыновъ предъ нимъ не про-
ливался.

Въ опчаянши, въ шоскъ, въ спенаніи, безъ
сна,

Подобна смерти ночь шогда проведена.
Сшрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣд-
носшь

Изображали в другъ насиліе и бѣдность,
Злодѣйской вольношью пльненна Москва
Казалась въ пропасши погребена жива.
Какъ неусыпной червь шоска всѣмъ грызла груди,
Но съ свѣшомъ больше скорбь почувствовали
люди.

Вездѣ шревогу бьюшь. Мяшежнической крикъ
Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ доспигъ.
Рыканья звѣрскія нецшпово возносяшь,
Нарышкина на смершь, ярься, Ивана просяшь.
Грозяшь, что скоро всѣхъ доспигнешь спрогій
рокъ,

Прольнешся по Москвѣ и слезъ и крови шокъ,
Но не дошла еще нецшасшнаго година,
Еще на день его шоску оспавила судьбина.
По граду изъ Кремля разсыпался мяшежъ :
Въ рѣдахъ, въ домахъ, въ церквахъ насильшво
и грабежъ.

Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась,
И къ расхищенію богатшсва успремилась.
Презрѣніе свяшныъ, позоръ почшенныхъ лицъ,
Укоры знашныхъ женъ, ругашельсшва дѣвицъ
Лишеніе всего богатшсва превышали :
Въ сердцахъ правдивыхъ спшдъ превсходишь
всѣ печали.

Коль вечера сего благословень былъ мракъ,
Что буйшво прекрашиль и скрмль злодѣвъ
зракъ!
Уже опягошась весь день пшпьемъ излишнимъ,

И изъ нещасливыхъ домовъ богашствомъ хищ-
нымъ,
Шапаяшся, спѣшашъ своихъ доспигнушь норъ.
Градски враша блюдешь ихъ спража и запоръ.

Царевна усмопрѣвъ, чшо время прошекаешъ,
А умысель ея конца не доспигаешъ,
Спрѣльцамъ назавпрѣ вельфа присшупашъ,
И наглосшь съ ковомъ злымъ начавъ соединяшъ,
Къ Царицѣ плешъ большихъ бояръ для уговору,
Чшобъ браша и опца спрѣльцамъ дала безъ спору.

Уже чиняшъ присшупъ ко красному крыльцу:
„Безъ выдачи не бышь смяпенія концу.
Для уваженія въ совѣщѣ словъ боярскихъ
Предспавила особъ опасносшь Государскихъ.
Нарочно яко бы для ушоленья зла
Сама родившя меня въ черпогъ пришла.
„Для собшвенной швоей и для дѣшей избавы
„Свирѣпы укроши спрѣльцовъ, сказала, нравы,
„Спаси себя и ихъ, опасносшь опшложи,
„И браца и опца для миру покажи.
„Здѣсь домъ Спасишелевъ, защита ешъ велика:
„Кшо смѣешъ ихъ опняшъ опъ Божескаго лика?
Послѣдуя судьбѣ и лѣшвивымъ шоль словамъ,
Изъ пошпаенныхъ мѣсшъ Нарыцкинъ входяшъ въ
храмъ.
Въ слезахъ свяшый алшаръ цѣлуешъ и объемлешъ,
И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внемлешъ,
Гошовишся приняшъ спрадальческій конецъ.

„Невинность, говоришь, разсудишь самъ Творецъ.
Тутъ руки машь моя Царевнины лобзая,
Для брашней пагубы всечасно обмирая,
Рыданіемъ свою перерывала рѣчь :
Изсякнувъ не могли ужъ слезы больше печь.
„Для ошческой къ шебъ, супружной миъ любви
„Не проливай еще моей невинной крови.
„Предсхавъ, что сей по миъ и Алексію брашь,
„И дядя и ошець его оспавшихъ чадъ.,,
Софія слѣдовашъ велѣла за собою
Нарышкину къ спрѣльцамъ, поднявъ его рукою
Съ прищворной жалосшью. Царица ошъ поски
Держалася другой Ивановой руки.
Какъ волки хищные на агнца наскочили,
Спрѣльцы невиннаго внезапно ухватили,
Презрѣвъ Царицыныхъ и власшъ и свяшосшъ рукъ,
Безчесшно за власы влекушъ на горесшъ мукъ.
Межъ шѣмъ сеспра себя предъ чернью извиняла;
Что брашьевъ кровью сей ошъ смерти избавляла.
Царица внѣ себя не зная, что ошець
Въ ошсущспшіе ея неволей спалъ чернецъ,
Полуумершимъ въ слѣдъ на брата смошришъ
взоромъ,
Терпящаго шоль зло мученіе съ позоромъ.
Нещасшнаго на шоргъ злодѣи привлекли,
И ложны клеветы, оспавя спшдъ, взвели,
Что будшо по своей онъ безразсудной спшрасши
Монаршеской искалъ продерзосшю власши.
Безъ доказашелей по шомъ его шерзавъ,

На конья подняли, и кинули спремглавъ,
Опсѣкли варварски и руки и главу.
По злосли слышашъ всѣ въ народѣ ужъ молву.
Тамъ вѣрные рабы пресшупникамъ грозили:
„Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
„Васъ мсшительный пожрешъ неукосненно мечъ,
„И крови какъ водѣ доспойно вашей плечъ.
„Начала шолько ждемъ: велика вся Россія,
„Испоргнешь корень вашъ за возмущенья змя.,,
Спрѣльды хошя рабамъ сулили дашь свободу,
И крѣпоспи подравъ, сказали шо народу:
Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
Уже уразумѣвъ, что шрудно вспашъ на всѣхъ,
Свирѣпосшь праздникомъ всеобщимъ окончали:
На царшво браца вдругъ со мною увѣнчали.
Софія воздала пресшупнымъ мзду и чесшъ,
И граматы Москвой на злыхъ главахъ пронесшъ
Велѣла въ шоржесшѣ, чшобъ скрышь свои запѣи:
Безвинные звались по смерши ихъ злодѣи.
Побишныхъ имена чшшались на шполпахъ
И вѣрнымъ опчесшву въ сердца вливали спрахъ,

Едва сей бурный вихрь несчастьемъ укро-
шилсѣ

И я въ спокойшвіи къ наукамъ обратился,
Искаль, гдѣ знанія сіяешъ ясною лучъ,
Другая мнѣ гроза и мракъ сгущенныхъ шучъ
Опшъ суевѣрія и грубоспи возходипшъ,
И видомъ свяшосши сугубой спрахъ наводипшъ,

Ты вѣдаешь расколь, чшо началъ Аввакумъ
И пуспосвящъ злодѣй его сообщники думъ.
Невѣжешво почешъ за свяпосшь спарой вѣры,
Приспалн ко спрѣльцамъ ханжи и лицемѣры :
Хованской съ сыновми и мой и церквы врагъ
Не успыдился бышь въ совѣщѣ побродягъ.
Здѣсь камни сношены къ спѣнамъ на Капишоновъ,
Тамъ камни бросаны прошивъ свяпныхъ законовъ.
О церковь ! о свяпныхъ исполненный олшаръ !
О какъ дерзнула къ вамъ коснушься злобна шваръ!
Не можно ихъ почешъ въ сообщешвѣ словесныхъ,
Чшо смыслъ и совѣщъ ихъ и чешъ въ предѣ-
лахъ шѣсныхъ.

Приносишь службы долгъ мужъ свяпъ
Иоакимъ ,

Мяпешники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
Къ лицу свяпшелея для вреднаго раздора ,
Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
Когда ошъ дерзоспи ихъ крошко ошвращалъ,
И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщаль ,
Ты волкъ , пы хищникъ злой , безспыдно съ
шумомъ лаюшь,
И каменемъ въ него и въ клиръ его бросаюшь.
Ошъ наглыхъ Пашриархъ шогда ерешиковъ
Къ монархамъ принуждень склонивъся былъ въ
покровъ.

П Ъ С Н Ъ В Т О Р А Я .

С О К Р А Щ Е Н І Е .

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПЕТРЪ Великій къ Шлиссельбургу чрезъ Олоонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлишьныхъ водъ, намѣреваетъ основать заводы, чшобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Неспрройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предприемлемому строенію новаго и великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невою въпредъ великимъ каналомъ. Между шѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осаду окружена новыми его войсками, и огнеспрѣльными орудіями приведена въ крайнее упѣсненіе. Присылаютъ изъ города просить о выпускѣ женскаго пола; на что отказано: Россійское де войско не за шѣмъ городъ обступило, чшобы женъ разлучить съ мужьями. Между шѣмъ по учиненному приговору данъ знакъ къ приступу. Мужесшвенному и силь-

ному нападенію непріятель пропившися весьма упорно. Государь увидѣвъ, что у приспущающихъ къ городу лѣспвицы коропки, и Шведы обороняясь храбро, причиняють немалой вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ опспущитъ назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣспвицами наступленіе учинитъ благополучнѣе. Посланному главной предводителю на приступъ Князь Голицынъ опвѣстивовалъ, что уже большая трудность преодолѣна, и еспли снова приступъ начинаеть; шо больше людей попереть должно. Послѣ того вскорѣ чиненымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ съ приступной лѣспвицы, упалъ замершво на землю. Между шѣмъ почти безъ предводителеспва Россіане на городъ спали всходиеть, и Шведы спасенія опчаясь, подають знакъ къ сдачѣ. По вспущеніи оныхъ выпущены изъ города по договору шремя учиненными во время приступа проломами.

О войско славное, пошомки шѣхъ Героевъ,
Что слѣдуя ПЕТРУ по жашѣ многихъ боевъ,
Торжеспвенные въ вѣкъ приобрѣли вѣнды,
Ошечеспво въ земни прославили концы !
Я ващимъ мужеспвомъ въ шрудѣ семъ ободряюсь,

И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
Воюйте щасливо, сравните честь свою
Со предковъ похвалою, копорую пою.
Военны подвиги ПЕТРОВЫ начинаю,
Въ опцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю.
Неуспрашимость ихъ изобразишь мой гласъ,
Что чувствовали вы наследственную въ васъ.
Слушая мужески въ похвальные ихъ слѣды,
Монархинѣ своей приносили побѣды,
Гдѣ вашъ оружный звукъ возходитъ до небесъ,
И по пущамъ вездѣ расцветъ лавровой лѣсъ.
Тамъ Нѣмень съ Преглою, тамъ Висла, Одра,
Шпрея,

Живое вашихъ дѣлъ мечтаніе имѣя,
Текутъ съ почтеніемъ, какъ прѣ ПЕТРЪ шекли,
Гдѣ съ шрешомъ его встрѣчали Короли.
И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славы двери
Отверзли, чувствуя его въ великой Дщери.
Противныя спраны геройствомъ и шрудомъ
Вы въ собшвенной себѣ преобразили домъ.
И солнце къ намъ спѣша въ обратной колѣсницѣ,
Готова въ новой блескъ Россійской багряницѣ:
Чтобъ нашей радостью украсилъ новый годъ,
Вшорично угостишь успѣхами походъ.
Дыханья нѣжныя рожденныя весною
Повѣютъ, бодрому споспѣшесшвуя спроку;
Прохладная роса ошъ благовонныхъ шравъ
Къ ошрадѣ вамъ прольешъ обиліе забавъ.
Богатше плоды въ дни лѣшніе пожнише,

Монархинѣ своей споричны принесите.

Зависшикамъ своимъ не оспавляйте зернѣ ;

Оспавьте плевы имѣ, сухой прослинникъ и шернѣ :

Чшобѣ чувшвуя въ груди явленіе ихъ злоба

Несносиѣ почла зашворовъ мрачныхъ гроба ;

Чшобѣ гордоспью своей наказанный Берлинъ

Для безпокойства царспвѣ не умышлялъ причинѣ,

И помнилъ бы, что ПЕТРЪ ему былъ оборона ,

Его десницею удержана корона ,

Чѣмъ нынѣ красится среди земныхъ Владыкъ :

Великимъ онѣ ПЕТРОМЪ на свѣспѣ спалъ великъ.

Всѣхъ нынѣ дѣлъ его имѣетъ Дщеръ наслѣдспво.

Пусъ Карловыхъ онѣ дней себѣ предспавишѣ
бѣдспво.

О коль бы, въ жизни я благополученъ былъ,

Когда бы дѣйсспвіе усердныхъ вашихъ силъ

Изобразивъ въ водахъ прокладной Ипокрены,

Воспѣлъ съ подвижники Пешровыми сравненны,

Елисаветинимъ пѣвцемъ бы спалъ побѣдъ :

Но нынѣ шрудъ Пешровъ къ себѣ мой духъ
влечетъ.

Гдѣ Ладога въ Неѣу вливаетъ быспры воды,

Спѣною огражденъ шумъ оспровъ въ древни годы.

Россійска сей оплотъ посспавила рука ,

Съ негодованіемъ шумѣла вокругъ рѣка ,

Чшо проливалася въ чужую власпѣ насильно ;

Спасенна нынѣ къ намъ несепъ дары обильно.

Во влагѣ начершалъ Пешрова града видѣ ,

Чшо красипъ Дщеръ его, покоипъ и живипъ.

Блаженныя спруи брегъ шукомъ напаляють,
Прохладной влагой всю окрестность ободряють,
Защитникамъ своимъ похвальной внемляють
сшихъ,
Всю пыгосшь позабывъ опроверженныхъ веригъ.

Въ несчастшь нѣкогда Россія упомянена
Вечернихъ сихъ береговъ крушилася лишенная,
Какъ Гошескіе полки для помощи пришедъ,
Въ прошивносшь нанесли спранамъ Россійскимъ
вредъ,
Какъ пыгосшь силъ своихъ Москву повергла къ
низу,
Дряхляя, сѣшуд, одѣлась въ мрачну ризу,
Лишенная красоты Монаршаго вѣнца,
Злощасшью своему не видѣла конца.
Измѣна, зависшь, злосшь, раздоръ, брашоуби-
сшво,
Преобрашили все въ погибель, въ кровопивсшво,
Ичезло испинныхъ раченіе похвалъ,
Вездѣ свирѣпый рокъ опечесшво шерзаль ;
Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревносшь,
Смошря на праощевъ, на славу Россовъ древ-
носшь,
Пресѣкла наконецъ побѣдою напасшь,
И общесшвомъ дана Пешрову дѣду власшь.
Младый Монархъ во градъ поверженный прихо-
дишь,
И на развалины плачевный взоръ возводишь.
Оспрада Россовъ всѣхъ по скорби Михайль,
Часть II.

О какъ крушился пы, рыдалъ и слезы лиль!
Что мыслилъ пы, сплупивъ на высопу преспола
Спящаго среди плачевнаго всѣмъ дода?
Тамъ храмовъ Божіихъ спаринный шрудъ верхи
По спогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
Еще возходишь дымъ ошь хищнаго пожара,
И воздухъ огуспѣлъ ошь побіенныхъ пара.
На шоржищахъ пусныхъ порось колючей шернь,
Печальной Кремль споишь окровавленъ и чернь.
Чершогги Царскіе, церковныя свяшши
Подобно съпуюшь, какъ скучныя пусшныи.
О гореспь! но швоя великая душа
Въ геройской младосши упѣшишь насъ спѣша,
Присушшвомъ и шрудомъ печальныхъ обод-
ряеспь,
Ошечешшво изъ безднъ глубокихъ воздвигаеспь.
Къ приумноженію благословенныхъ дней,
Наслѣдовалъ шибъ подобный Алексѣй.
Онъ Россамъ возвращиль спаринное наслѣдшво,
Злодѣевъ изшребиль и усмирилъ сосѣдшво.
Обрашно приобрѣшш вечернія спраны,
Петру Великому судьбой поручены.

Уже Орѣховець спѣсняешся въ осадѣ,
И въ каменной крѣпцѣ шрошвишся громадѣ,
Россійскимъ воиншшвомъ ошвшюду окружень:
Но Гошеской гордосшью въ надеждѣ вознесенъ,
На бреги, на валы, на множешшво взираешш,
И видя новыѣ полки, пренебрегаешш.

Къ пособству привыканъ спараеши съ границъ,
Поспавивъ знамена на высопѣ спръльницъ.
Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла,
Къ осаднымъ на судахъ пришиши не укоснѣла.
Прибывшимъ воинствомъ прошившикъ подкрѣп-
ленъ,
И пицей и ружьемъ избыточно снабдѣнъ,
Всѣ мысли успремилъ къ жестокому опшору,
Надѣясь получиши ошъ Карла помощь скору.

Монархъ нашъ преходя Оиѣжскихъ кру-
шоспъ горъ,

Свой пронцащельной кругомъ возводишь взоръ,
И видя, что изъ нихъ изшедше попоки
Несушь изъ крупизны мешаллически соки,
Богашства, здравія, являюпся ключи,
Блеспяшь изъ мрачныхъ мѣстъ сокровицей лучи,
Сказалъ,, шм можешъ мнѣ проиавесши, Россія,
„Цѣлебны влажноспи и жилы золошныя.
„Но нынѣ для швоей безмершной похвалы
„Спѣшу прошивъ враговъ чрезъ горы и валы.
„Желѣзо мнѣ пролей, разженной шокъ мѣди:
„Пушь мочъ швою и жаръ почувшвуюшъ сосѣди,
„И вспомяншь, сколько намъ произвели обидъ.,,
Надеждой, ревностью блиспаль Геройской видъ.

Принесши плодъ земля, лишилась лѣшней
нѣги,

Разносяшь блѣдной лиспъ бурливыхъ вѣшровъ
бѣги,

Лепишь съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей,
Дожди и снѣгъ и градъ спрясешь съ сѣдыхъ кудрей,
Наводишь на воду глубокія морщины,
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
Смутившихся шягосшью его замерзлыхъ крыль,
Крупишься и кипишь съ водой на берегъ иль.
Волнами свержены вспрѣчающъ гору волны
И скачущъ вкругъ нея печальныхъ знаковъ полны.
Между запасами колеблеша шамъ дубъ,
Между снарядами пловцевъ Россійскихъ шпрущъ,
Тамъ кормы, дна судовъ разсыпаны, разбишы.
Монархъ узрѣвъ въ пуши, коль злобенъ рокъ
несыпный,
Вздохнулъ изъ глубины, и бурѣ запрещаль,
И въ сердцѣ положилъ великій шрудъ Каналь,
Дабы Россійскою могущею рукою
Пошоки Волхова соединишь съ Невоею.

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны!
Ликуйше шщаніемъ Пешровымъ сопряженны!
Шпруями по шомужъ играючи песку,
Забудьше древнюю другъ о другъ шоску;
Вливайше вы себѣ взаимную шраду,
Благодаря, плоды къ его несипше граду.

На свой, шы Волховъ, рокъ негодовалъ въ пуши,
Чшо не въ Неву шебъ, но въ Ладогу ишши
Судьбой посшавлено, и бурями шерзашься,
И силы поперивъ, едва въ нее вливашься.
Коль часшо шы вздыхаль, чшобъ вкупъ завивашь

Спруж и въ морѣ вдругъ печеніе скончашъ.
Ты выще береговъ, смущаясь, поднимался,
То подъ землей смскашь ходъ шайной покушался.
Вездѣ прошивъ любви посшавлень былъ оплошъ:
Не могъ ши одолѣшь ни хлябей, ни высошъ,
Пока Великій Пешрѣ презрѣвъ упругосшь рока,
Тебѣ даль пушъ, и намъ довольсштво опъ возшока.

Онъ окомъ и умомъ въ округъ мѣсна обшедь,
Избранные полки къ Орѣховцу ведешъ.
Живошворящему его прихода слуху
Опъ Ладоги въ Неву флосъ сѣдуешъ по суху.
Могущихъ Росскихъ рукъ не восшашаешъ лѣсъ:
Примѣръ изобраень шупъ Ольговыхъ чудесъ.
Предъ Цареградскими высшми спѣнами
Онъ по полю въ ладьяхъ спремился парусами.
Здѣсь вмѣшо вѣпра былъ усердный нашихъ духъ
И вмѣшо парусовъ спряженны силы вдругъ.
Уже суда ходя по собсшвенной спшхш,
На Шведской брегъ везушъ зацшщниковъ Россш:
Тамъ шшяща мужей преправяшъ чрезъ Неву,
Надежду подаюшъ къ побѣдамъ, къ шоржесшву.
На ровъ, на валъ бѣгушъ врагами укрѣпленны.
Даюшся Шведы въ бѣгъ опъ Россовъ усшрашенны,
И Шеремешевъ спавъ на ономъ берегу,
Опшсюду заперъ пушъ къ спасенію врагу.
Уже къ начальнику подъ крѣпосшь посылаешъ,
Сшбодной выхоть всѣмъ безъ бою обѣцаешъ;

Что имъ прошивъ Пешра не можно будешъ
спашь,

Напрасно кровь хопишь опивсюду проливаещъ,

И сдача города не будешъ имъ зазорна.

Но Гошемъ, помощи надѣяся опъ Горна,

Сказали, опъ него приказа къ сдачѣ ждушъ.

На лживой ихъ опвѣсть громады вдругъ ревушь,

Пылаюшь всѣхъ сердца присушспвиемъ разженны

Опъ силъ ихъ попрысались упорсшва полны спшны,

Обширность воздуха куренію шсна,

И влажная огнемъ покрыша бысприна.

Горшани мѣдныя рыгаюшь жаръ свирѣпый,

Пылая зеле, желѣзны рвешъ заклепы.

Предспавъ себѣ въ примѣръ спихій ужасный споръ,

Какъ внушрренность кипишь возпламененныхъ

горъ,

Дымъ, пепель и смола полднелну ясность кроюшь,

И выше облаковъ разженны холмы воюшь,

Трещашъ разсѣдшиися во облачной водѣ,

Сугубишь громъ и спрахъ сражаясь въ вышнѣ,

Грознѣ какъ въ земномъ ярилисъ прежде чревѣ.

Въ шакомъ шрясеніи, во пламени и ревѣ

Споишь, опчаявшисъ прошиву Росса Шведъ,

Въ ничто вмѣняешъ кровь и презираешъ вредъ.

Однако въ пагубѣ, въ смяшеніи великомъ,

Подвигнушь женскимъ былъ рыданіемъ и крикомъ,

Разшрепанны власы и мершвосшь блѣдныхъ лицъ,

И со младенцами повергшіися ницъ

Музей къ смягченію Россіанъ преклоняюшь.

Уже изъ крѣпости съ мольбою присылають :
„Избавше ошь спрасшей, ошь бѣдсхва слабыхъ
женъ,
„И духъ вашъ на мушцинь пусшь будешъ изошреть,
„Изъ нужной шѣсношы дозвольше имъ свободу,
„Являйше мужеспиво крѣпчайшему ихъ роду.„
Ошь предводипеля осады данъ опвѣшь,
Что пошь свирѣпаго у Россовъ нраву нѣшь,
Между супругами не учинашь разлуки;
Вы вмѣшшь вышпунивъ изъ спѣнь, избавшесь муки.
Съ опказомъ зашумѣль изъ жаркихъ шучей градъ,
Перуцы Росскіе и блещушь и разяшь.
Напрасно изъ дали прошивны подѣзжають
Осадныхъ выручашъ: ни въ чемъ не успѣвають.
Гоповишся вездѣ кровопролитной бой,
И ошпровъ близъ враговъ подѣ нашей спалъ
пяшой.

Пріемлеть лѣспшвицы охошная дружина :
Передъ очами ихъ побѣда и кончина.
Инымъ лепучей мосшь къ шеченію гоповъ ,
Иные знака ждушъ межъ Ладожскихъ валовъ.
Дивяшся изъ дали въ спѣнахъ градскихъ пожару,
Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ шуча грозная вися надѣ головой,
Надуша пламенемъ сокрывшимся водой,
Напрягшюся внутрь едва сѣдержишь силу,
Ошьемлеть, почернѣвъ, пущъ дневному свѣшпилу,
Внезапно разродясь, спшсняешъ громомъ слухъ,

И воздухъ двигаясь въ груди спѣсняешь духъ ;
Сугубяшь долы звукъ и пропасши глубоки ,
И дождь и градъ шумишь , и съ горь ревушь
ношоки.

Земля, вода, лѣса поколебались шакъ ,
Когда изъ многихъ вдругъ жерль мѣдныхъ по-
данъ знакъ ,

И Ладога на днѣ во глубинахъ завыла.
Споящая на ней самоизвольна сила
Удара и часа урочнаго дождавъ ,
Сдѣвшишь на подвигъ свой , на положенье главъ ;
Имъ къ разнымъ пушь смершнямъ шеченіе пре-
красно.

Предспавъ себѣ, мой духъ, позорище ужасно !
Ошь весель шумъ и скрышь , свисшь ядрь и
махинъ ревъ

Гласящъ Пешровъ и Божій гнѣвъ.
Они упрямышвомъ злымъ еще ожеспочены
Покрывъ смершельными орудіями спѣны ,
Судьбину слялся на время опшрашишь
И смершью Росскою свою смерць облегчишь.
Какъ вирхи сильныя спѣсненныя грозою
Полки Російскіе сперлися предъ спѣною.
Къ присшупу Карповъ вождь Преображенскихъ
силъ

Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смершь
вкусиль.

Свинцомъ лежишь пронзень сквозь чрево и сквозь
руку.

Бьючись далъ знашь съ душей и съ храбросшью
разлуку.

Сквозь дымъ , кровавыхъ сквозь сверканіе
мечей.

Вперяепъ бодрыхъ Пешрѣ вниманіе очей,
И лѣсвиць крашкоспѣ зришь поставленныхъ
къ возходу
Въ прислугѣ своему губишельну народу:
Не могушь храбрые спѣнь верху досягнушь ,
И щещно вѣрную прошивнымъ спавяшь грудь,
Спремяся опврашишь раженіе ихъ вспрѣчно.
О коль велико въ немъ движеніе сердечно!
Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жаль
И дѣя погибели удалыхъ главъ печаль!
Зря въ воинспѣвѣ своемъ упадокъ безполезный,
Къ споящимъ близъ себя возвелъ зѣницы слезны:
„Чшо все добрыхъ нѣ, сказалъ, сыновъ губишь ?
„Голицыну спѣша, велише опшшупишь.
Примѣромъ показалъ Монархъ нашъ, чщо Герои
Не радоспїю чшущъ кровопролитны бои;
И славныхъ надъ врагомъ прибышочныхъ побѣдъ
Покрыпный шрупами всегда прискорбень слѣдъ.

Межъ шѣмъ подвижники другъ друга поощ-
рячѣпъ,

И лѣсвиць мужеспвомъ корошкоспѣ допол-
няющъ.

Голицынь пламенемъ опвсюду окружень,
Сказаль: „ мы скоро шрудъ увидимъ совершенъ ;
„Чрезъ опшшупленіе опъ крѣпосши обрашно
„Въ другой еще прислупъ погибнешъ войскъ
двукрашно..

„И ешлыи Государь желаешъ городъ взяшь ;
„Позволилъ бы намъ бой начашый окончашъ.,,
Съ опивѣшомъ на спѣну предъ всѣми доспѣшаешъ,
Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваешъ :

„Безчестенъ въ свѣшѣ вамъ и смершенъ здѣсь
возврашъ ;

„Преславно шоржешво , конецъ вашъ будешъ
святъ :

„Дерзайше мужешшвомъ ошечешво прославишь,

„Монарха своего побѣдою поздравишь.,,

На копыя, на мечи, на яроспѣ сопосшашъ ,

На очевидну смершъ Россіяне лешашъ.

Противники огнемъ разашъ и влажнымъ варомъ,

Желѣзомъ, камнями, всѣхъ шягосшей ударомъ.

На предводишеля поверженно бревно

Свирѣпымъ зеліемъ упало разжено.

Онь сринупшъ поблѣднѣлъ межъ шрупами без-
душныхъ,

И шомнымъ окомъ зришъ оружниковъ послуш-
ныхъ ;

Еще спараешся дашь къ швердосши приказъ,

Еще пресѣченной болѣзнью нудишъ гласъ.

Ревнишели его и слову и примѣру,

Держа въ умѣ Царя, ошечешво и вѣру,

Какъ волны на крушой шѣсншяся дружно брегъ,

Вспященнй крушизной возобновдяюшъ бѣгъ,

До прежней вышины опъ низу вшпашъ яряшся ,

И скачушшихъ верхи кудрявые крушшяся ,

Сшаринныхъ корни дровъ и шяжки камни рвушъ.

Съ обѣихъ спашъ споронъ сомнѣнный рока судъ.

Межъ шѣмъ ревнишельны сердца къ звѣздамъ
возходящъ,
Святаго съ горнихъ мѣспъ Героя въ мысль
приводящъ.

Поборникъ Александръ издревлѣ сихъ бреговъ
Зришь грозно ополченъ надъ ними на враговъ.
Уже высокій всходъ съ землей бытъ мнишся
равень,

И Ярославъ сынъ среди зарей преславень,
Являя сродный зракъ Великаго Пепра,
Оружіемъ звучишь чистѣйшимъ серебра,
Свяшою силою прошивныхъ успрашаешь,
Россіянъ важностью десницы укрѣпляешь.
Защипу древнюю опъ сильнаго плеча,
Броней, копыя, щипа и шлема и меча
Возпомянувъ, мѣспа веселый плескъ воздвигли,
Чшо избавленія желаннаго доспигли,
Доспигли наконецъ желанныхъ шѣхъ времянь,
Чшо паки Александръ для нихъ вооружень.

Въ священной дерзоспи почредспавляешъ
воинъ,

По мыслиамъ, по дѣламъ безсмертія доспоинъ,
Высокъ усердіемъ, надѣждою лежокъ,
Чрезъ мершвыя шѣла на свой спупаешъ рокъ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ
И по волненіяхъ прошивныхъ и способныхъ
Взвиваешся на спѣнь кровавкъ висошу,
Наводишь на враговъ боязнь и шѣсношу.

Наполнился весь градъ рыданія ж плача.

Уже не Нарвская, о Готены, вамъ удача:
Не мѣспничесиво здѣсь и неоплошной Крой,
Не старой брани видѣ, не безъ порядка спройд;
Великій правитѣ Пешпръ рожденное имъ войско,
и Шеремешева раченіе Геройско
Опмщенемъ дышущихъ бодритѣ напоръ сер-
дець.

Увидѣвъ крѣпосши въ сраженіи конецъ,
Вы неизбѣжну смерщъ покорсшвомъ предваряли,
И бѣлой къ сдачѣ знакъ по вѣспру разпустили.

Умолкнулъ грозный звукъ со обоихъ спо-
ронъ;
Лишь слышенъ раненыхъ плачевный вой и спонъ.
Вандамъ выпуску съ военной чѣсщью просящъ,
И городскихъ ворошъ ключи Пешпру прино-
сятъ,
На побѣдишеля въ возшоргѣ взводящъ взоръ,
И укрѣпляющъ свой о сдачѣ договоръ.
Коль радосшная шамъ, коль красная премѣна!
Ужъ вѣюшъ на спѣнахъ Россійскія знамена,
Изображающъ, Нева, въ швоихъ спруяхъ.
Тимпановъ мирный шумъ при радосшныхъ спру-
бахъ
Забышъ велишъ сердцамаъ минувшихъ шучей
громы;
И Шведаы щцащся въ пушъ, въ свои досспиг-
нушъ домаы.

Обычай войны изъ древнихъ лѣтъ хранящъ,
Чтобъ храбрыхъ почиташъ по сдачѣ сопоспашъ:
Признаки мужества въ рукахъ ихъ оспавляющъ,
И славу шѣмъ своей побѣды уважающъ.
Побѣдоносецъ нашъ жаръ сердца опложилъ,
И первый крошосью успѣхъ свой посвятилъ:
Снабдилъ прошивниковъ къ опшесшвию судами.
Оспавивъ спѣну, зрящъ прискорбными очами.
Распуценны на вѣспрь знамена, шрубный шумъ
Печальной радосью шѣсняшъ ихъ вольной умъ.
На волю имъ пуши прискорбны, спѣнь проломы,
Что опвориди имъ изъ рукъ Россійскихъ грома.
По грознымъ шоль спрасшямъ и по шакомъ
шрудѣ
Начало чувшвуютъ предбудущей бѣдѣ.

Въ Опечесшвѣ сказащъ сей случай поспѣ-
шайше,
И побѣжденны быщъ опъ Россовъ привыкайше.
Скажише ващъ домой почшипельный возврашъ,
Что выпуцены вы проспранспвомъ новыхъ
врашъ,
И Карлу вашему побѣду возвѣсшише,
Что Пепрь опечесшву и къ славѣ и къ за-
щипшѣ
Надъ вами получивъ, наслѣдство возврашилъ,
И ближе къ Швеци просперъ шумъ орлякъ
крылъ.
Пускай въ Германіи Герой ващъ успѣваешъ,
Опшверзши города свободно прошекаешъ,

Въ рожденной щасшіемъ кичливосши своей
Низводишь съ высошы и взводишь Королей,
Пусть дерзосшно спѣшишь какъ буйный въпрѣ
къ возпоку,

И приближаешься къ предписанному року.
Не найдешь Дарія, чшобъ Александромъ спашь;
Не споришь межъ собой разврашна прежде
рашь;

Пешрову новому ученію послушны
Россіяне спюяшь въ полкахъ единодушны.
Движеніемъ своихъ величеспвенныхъ силъ
Народу новый духъ и мужеспво вложишь.
Возпокъ и Океанъ его послушенъ слову:
Карль пышноспью своей возвысишь чеспъ Пеш-
рову.

Разливы Невскіе на успіяхъ шумяшь
И печь Россіянамъ во срѣшенъе хопяшь.
Тамъ Нимфы по брегамъ въ веселіи ликуюшь,
И въ осень Зефиры между древами дуошь,
Вмѣняя, чшо лице земное разцвѣло.

Тогда возвелъ Монархъ веселое чело,
Къ начальникамъ своихъ побѣдоносныхъ раш-
ныхъ,
Чшо видишь въ цѣлосши друговъ своихъ обраш-
ныхъ.
Ошрада всѣхъ живишь спокрашно выше
бѣдспивъ.
Опвсюду слышанъ гласъ желаній и привѣнсшвъ:

„Уже намъ, Государь, пѣвоими въ западъ перспы
„Врагъ для подвиговъ шоржеспивенныхъ опшвер-
зшы,

„И промысль дадь тебѣ земли и моря ключъ :
„По ихъ обширности разпростирай свой лучъ.
„Намъ сносны всѣ шруды и неужасны смерши,
„Лишь шолько бы пѣвоихъ враговъ гордяню
шперши,

„Ошечешву подашь довольштво, чешшь, покой,
„И просвѣишишь народъ, какъ духъ жешашшь
швой,

Усерднымъ шодъ рѣчамъ Пешрь радосшно вни-
маешъ;

Но къ городскимъ шпѣнамъ приближась, возди-
хаешъ ,

Шошря на разныя пошверженія шѣль,
Кому какъ умерешъ предписанъ былъ предѣль ;
Прощаешся у нихъ печальными ушпами:

„О други вѣрныя, я вашими кровями
„И общихъ и своихъ преодолѣль враговъ :
„Небесныхъ, радуишесь, сподобившися вѣнцовъ.
„Примѣромъ съ вышины другимъ по васъ сияише
„И мужештво въ сердца полкамъ моимъ вли-
вайше.,,

Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,
И маниемъ дадь знакъ къ сокрышю кошпей.

Чрезъ шпѣны проходя ошъ древности на-
слѣдны,
Чшо были долго намъ ошъ межъшубштва вредны,
Онъ окомъ облешѣль преодолѣнный градъ,

Разсмаприваетъ самъ все множесиво громадь.
Между различными едина изваянна
Великимъ именовъ являетъ Иоанна.
Сей бодрый Государь въ Россію первый звелъ
На браняхъ новый спрахъ земныхъ громовыхъ
спрѣлъ.

Неслыханны предъ шѣмъ и сильныи удары
Почувспвовавъ опъ насъ пропивъ себя Ташары,
Во вѣкъ опчаялись надъ Россами побѣдъ.
Скончался съ гордоспью Ордынскою Ахмешъ.
Сіе спаринное орудіе военно
Въ смущенны времена оспалоса плѣненно.
На выгоды свои, на знаки нашихъ бѣдъ
Смошря съ веселіемъ, шогда гордился Шведъ.
Теперь прошивъ него обрашно пусшъ пылающъ,
И вмѣсно радосши во брани успрашающъ.
Коль многи шягосши оружій роковыхъ,
Чшо въ приспуленіи вредили насъ и ихъ,
Ложашъ пд улицамъ и бомбъ и ядеръ кучи,
Намепаннны шамъ изъ грозной Россовъ шучи,
Межъ цѣлыми число разсѣдшихся громадь,
Чшо выше силъ своихъ на насъ пускали градъ!
Тамъ пошрясенный домъ на домъ другой скло-
нился,

Иной на улицу повержень разрушился.
По входамъ, по спѣнамъ, по кровлямъ угли,
прахъ
Показываютъ видъ, каковъ былъ самой спрахъ.

О смертные, на что вы смертию спѣ-
шите?

Что прежде времени другъ друга вы губите?

Или ко гробу нѣтъ кромѣ войны пушей?

Вездѣ насъ шьнешъ рокъ насильствомъ злыхъ
когшей!

Коль многи вышедши изъ махерней пещицы,

Ошходящъ въ ночь же часъ въ мракъ черныя
гробницы!

Иной усмѣшкою ошца повеселятъ,

И очи вдругъ предъ нимъ во вѣки зашворилъ.

Гошовому вспунишь во брачныя черпоги

Пронзаешь сердце смерть и подсѣкаешь ноги.

Въ срединѣ лучшихъ лѣтъ иной успроивъ домъ,

Спокойнымъ говоришь, льсяся здравъ пребышь
умомъ,

Опнынъ поживу, и наслажусь шрудами;

Но часъ послѣдней былъ, скончался со словами.

Коль многи обстоящъ болѣзни и бѣды,

Копорымъ, человекъ, всегда подвержень ты!

Кромѣ, что немощи, печали внутрь шерзающъ,

Извнѣ коль многія напасши окружающъ:

Пошопы, бури, моръ, ошправы, вредный гадъ,

Трясеніе земли, свирѣпы звѣри, гладъ,

Паденіе домовъ и жрущіе пожары,

И градъ, и молніи гремящіе удары!

Болоша, ледъ, пески, земля, вода и льсъ

Войну съ шобой ведушь и вышота небесь.

Еще ли ты войной, ещель не упомился,

И самъ прошивъ себя на вѣкъ вооружился?

Но оправдалъ себя военнымъ дѣломъ ПЕТРЪ.
Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
Припомъ и мечъ просперъ и на морѣ и въ полѣ.
Сомнишельно, чѣмъ онъ, войной иль миромъ болѣ.
Другіе чесши въ храмъ рвались чрезъ шу вступъ
пишь:

Но ею онъ желалъ Россію просвѣщипшь.
Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
Не можешь свѣшь спомъшь безъ сильныхъ воору-
женій.

На успіяхъ Невы его военный звукъ
Сооружалъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
И зданій красота, что нынѣ возраспаешъ,
Въ оружіи свое начало признаваешъ.

Посмотримъ мысленно на прежни времена:
Народамъ первенство даешъ вездѣ война.
Науки съ вольностью ошь звѣрства защищаешъ
И храбрыхъ мышцею расшипъ и украшаешъ.
Оружіе дано природою звѣрямъ;
Гоповишь хищностью судьба велѣла намъ.
Народы дикіе не знаючи науки,
Воюють пращами и напрягають луки.

Открой мнѣ бышія, о древность, времена;
Ты разношью вещей и мудныхъ дѣлъ полна.
Тебѣ ихъ бышіе извѣстно все единой.
Что приращенію оружія причиной?
Съ натурой сродна шы, а мнѣ натура машъ:
Въ шебѣ я знанія и въ оной шщусь искашь.
Уже далече зрю въ куреніи и мракѣ

Нагова шѣла видѣ неяснѣнный въ призракъ,
Просперлась въ облака великая глава
И ударяють въ слухъ прерывныя слова:
Такъ должно древности проспой бышь и неясной
Народовъ съ нагшой, съ нещпаніемъ согласной!

Велишь „ши зрѣніе по свѣшу обведи,
„И по различію мѣспъ вѣки разсуди,
„И мыслями обратишь на новыя народы.
„(Просперла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ
воды)

„Тамъ вмѣсто знанія военныхъ всѣхъ наукъ,
„Довольна мниши бышь едина швердоспъ рукъ;
„Тамъ знають напрячиси колъномъ и бедрою,
„Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ еспъ къ бою;
„Иные камни взявъ съ земли, другъ друга бѣють,
„Сломивъ уразину, нагіе члены рвутъ;
„Дреколія концы огнемъ шамъ прижигаютъ,
„И заоспривни ихъ, прошивниковъ пронзають.
„Тамъ шучи спрашныя на воздуха предѣль
„Терновыхъ, косяныхъ, желѣзныхъ воють
спрѣль.

„При накрахъ движуть духъ свирѣли, барабаны,
„И новоспъ спѣнь шрясутъ пороки и шараны.
„Но индѣ съ ужасомъ шрудолюбивой умъ
„Услышала для войны огня приличнош шумъ.,,
Европа шѣмъ гремишь, сама въ себѣ пылая:
Коль часшо фурія свирѣшпвуецъ въ ней злая!
Кроровая война опъ вѣка штакъ плечешъ,
Такъ хишроспъ бранная опъ первыхъ дней рас-
щешъ.

•

Рокъ кровью присудилъ лице земли багровишь;
Монархамъ надлежитъ оружіе гошовишь.
Вашъ Пепръ за широту предѣловъ мечъ про-
сперь;
Блаженству Росскому зависшующихъ сперь.
И нынѣ дщерь шоржесшвъ безсмертносшь
ушверждаешъ,
Огней раженіе искусствомъ умножаешъ.
Елисаветины военныя дѣла
Какъ мирныя во вѣкъ вѣнчаешъ похвала.

Уже Россіане мѣсць дряхлосшь очищаюшь,
И рухлосшь спѣвъ, спрѣльницъ, прилѣжно
укрѣпляютъ,
Дабы лежащій вспаль и пошчасъ былъ гошовъ
Оружіе подняшь и опшрашишь враговъ.
Преславный въ пущь всшупилъ Вандаловъ побѣ-
дишель
Во градъ, гдѣ праощцы, и храбрый гдѣ Родишель
Оспавили своиъ заслугъ великихъ знакъ.
Коль радощень памъ былъ Москвы священный
зракъ!

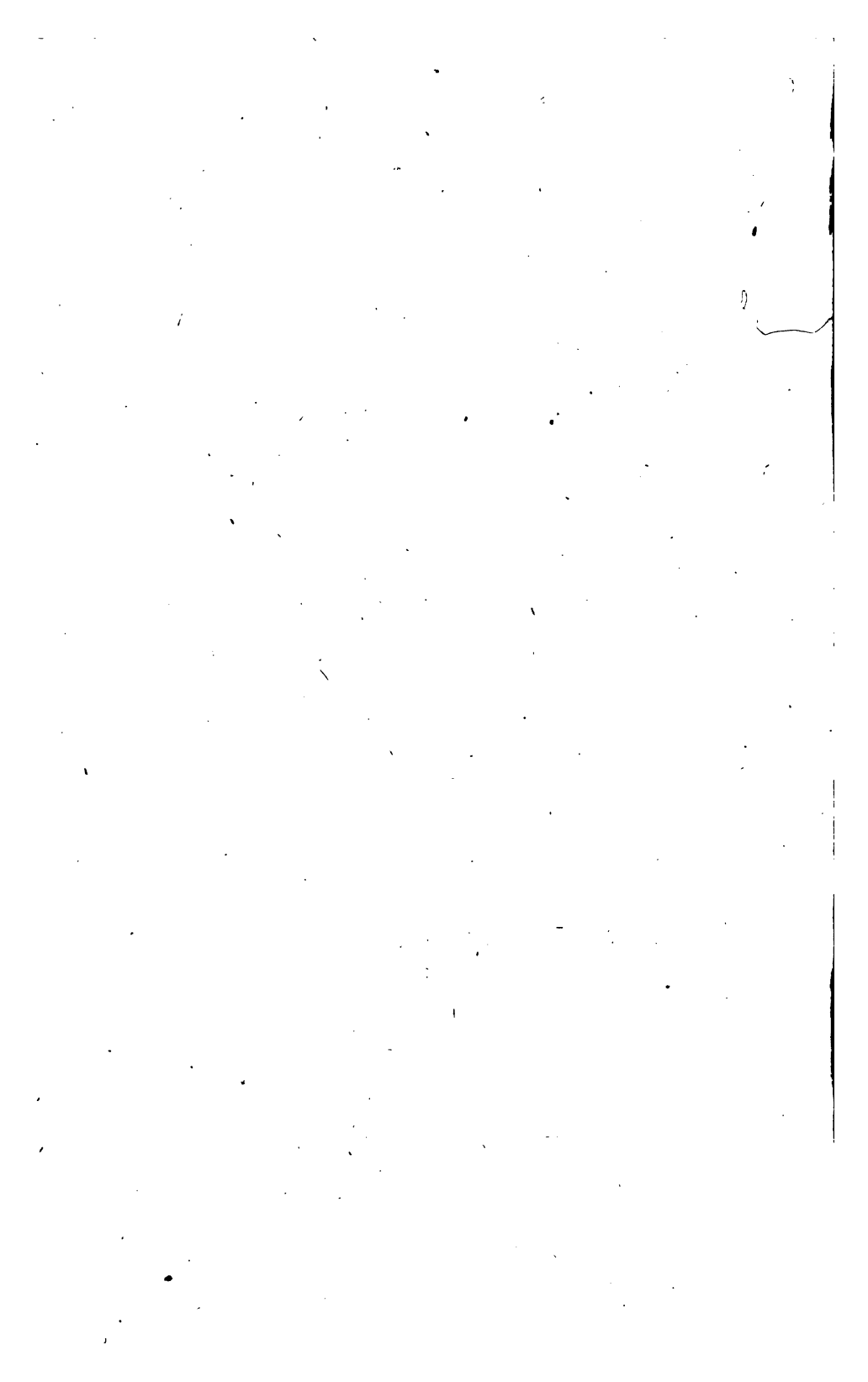
Но Муза помолчи, помедли до профеевъ,
Чшо взяшы опъ враговъ и внушреннихъ зло-
дѣвъ:
Безмѣрно большій прудъ напредки нашоишь;
Тогда предшавъ сея Богини свѣшлый видъ.

П И С Ъ М А

Къ егѣ Високонпревосходительству

Ивану Ивановичу Шувалову.

Хошя письма сіи не заключаютъ въ себѣ много, касающагося до наукъ, и не обращаютъ содержаніемъ своимъ любопытства каждаго читателя; но поелику все, что произошло изъ пера г. Ломоносова, не можетъ бытъ недрагоцѣнно: по сей причины ради онѣ въ собраніи семъ и напечатаны, шѣмъ наипаче, что онѣ открываютъ публикѣ нѣкоторыя обстоятельствова жизни сего великаго писателя.

ПИСЬМА

къ Ивану Ивановичу Шувалову.

I.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ благополучнымъ выѣздомъ въ шѣ прекрасныя мѣста, въ кошорыхъ холодноваше Россійскіе зефиры не могуль препяшшвовашь напуры и искусства силѣ въ произведеніи красощь, обыкновенныхъ въ благоразворенномъ шеплошою климашѣ. Дай, Боже, чшобы прешespoкая минувшая зимы спужа и шяжелый продолжшшельныя весны холодъ награжденъ вамъ былъ прекраснаго лѣпа пріашною шеплошою. А чшобъ въ оныхъ дняхъ ясношь и шшхосшь еще показались вамъ пріашнше, шо должно вамъ предспавляшь въ умѣ прошивное время. Но какъ лѣшо и зима вдругъ бышь не могуль, чшобы вы слшчшвъ одно съ другимъ, при спрогосши и скучномъ видѣ одного, могли яснше видѣшь и выше почешь другаго красощу, нѣжношь и пріашнощъ; для шого имѣю чешь пршслашь вамъ зиму спшхошвор-

ную въ эклогѣ, сочиненной спуденшомъ Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни единого слова, но какову онъ прошедшей зимы даль, шакъ къ вамъ и вручить чесшь имѣю, съ должнымъ почпеніемъ непремѣнно пребывая,

С: Пешевбургъ, Вашего Высокородія
Маія 8 дня всепокорный слуга
1751 года. Михайло Ломоносовъ.

II.

Милосшивый государь Иванъ Ивановичъ!

Поздравляю васъ съ приѣздомъ въ прекрасное Сарское село, въ кошорое я опсюда, какъ въ рай, мыслію взираю, и завидую Тамирѣ, чшо она счаспливѣе своего сочинишеля; за шѣмъ чшо предспанешъ безъ него предъ очи великія Монархини въ помъ пріятнѣйшемъ мѣстѣ, кошорое опъ него усерднѣйшими похвалами возвышено. Я чаю, чшо когда Тамира въ концѣ прешьяго дѣйствія опъ опща своего бѣжашъ намѣришя; по Заисаномъ будешъ поймана не въ самомъ бѣгшвѣ, но когда засмопришя на красошу великолѣпнаго зданія, и въ изумленіи ошановишя, забывъ о Селимѣ; и Мамай опъ Нарсима шогда будешъ проколошъ, когда онъ въ полѣ на позла-

ценные верьхи оглянешся. О помь я думаю шакъ, а въ прочемъ, чшобъ она безъ меня шакъ же поступила, какъ недавно у меня въ домъ, шого равно шакъ сильно желаю, какъ съ искреннимъ почтпаніемъ пребываю,

вашего Високородія
всепокорный слуга
Михайло Ломоносовъ.

III.

Милосшивый государь Иванъ Ивановичъ!

Его Сіяшельство Графъ Михайла Ларіоновичъ Воронцовъ по своей высокой ко мнѣ милосши изволилъ взять опъ меня пробы мозаичныхъ сосшавовъ для показанія Ея Величешству, при которомъ случаѣ, ежели вашему Превосходишельству непрошивно, всепокорно прошу посшарашься о моемъ нижайшемъ прошеніи, чшобы мнѣ, имѣя случай и способъ, удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои въ наукахъ предпріяшя. Ибо хощя голова моя и много зачинаешъ, да рѣки однѣ, и хощя во многихъ случаяхъ можнобъ упошребить чужія, да приказашъ не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгашъ и подѣчимъ кланяшья, чего я

право весьма спыжуся, а особливо имѣя пакихъ, какъ вы, папроновъ. Нѣпть ни одинаго дня, въ кошорой бы я не упоми-наль о вашей ко мнѣ милоспи, и ею бы не радовался. Однако нѣпть ни одинаго моего въ Академію приѣзда, въ кошорой бы я не удивлялся, чшо она имѣя въ себѣ сына опечеспва, кошораго вы любите и жалуеша, не можешъ шого дожипть, чшобъ онъ опвращиль опъ неа всѣ чрезъ 25 лѣпть бывшіа всѣмъ успѣхамъ и должнымъ быпть пользамъ препяпспвіа. Заключая сіе послѣднее мое о семъ прошеніе, съ великою надеждою ожидаю желаемаго, и съ искреннимъ почшеніемъ пребываю до смерши,

Вашего Превосходительспва

С: пешербургъ. всепокорный слуга
Августа 15 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

IV.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Не могу преминушь, чшобы вашему Превосходительспву не сообщипть сочи-ненныхъ мною послѣ спуска корабля за обѣдомъ крапкихъ сппховъ, вѣдая вашу къ наукамъ, а особливо къ словеснымъ охошу.

Сойди къ намъ, Злапоустъ, оставивъ
небеса;

Достойна своего здѣсь зрѣнія краса.
Пепрова дщерь тебѣ корабль сей
посвящаетъ,

И именемъ своимъ и море наполняетъ.
Какъ будешь ты ходишь на немъ
промежъ валовъ,

Греми прошивъ ея зависливыхъ
враговъ.

Злашими прежде ты гремѣлъ въ
церквахъ успами;

Но пламенными нынѣ звучи въ водахъ
словами.

При семъ доношу, что я нынѣ Демо-
фонша dokonчишь стараюся; и при томъ
дѣлаю планъ Россійской исторіи, копо-
рой по возвращеніи вашей въ Санкт-
пешербургъ показашъ честь имѣшь буду,
и неизмѣнно съ глубокимъ почтеніемъ
пробываю,

Вашего Превосходительства
Въ С: пешербургѣ. всепокорный слуга
Сентября 10 дня Михайло Ломоносовъ.
1751 года.

V.

Милосливый государь Иванъ Ивановичъ!

Неоднократное вашего Превосходи-
тельства къ сочиненію Россійской исто-

ри ободреніе хопя я всегда принималъ за испинный знакъ вашего обо мнѣ милоспиваго мнѣнія ; однако вашего Превосходительсва полученнымъ опъ 28 числа Декабря ко мнѣ письмомъ, преисполненнымъ природнаго вашего снисхожденія и склонности къ наукамъ, сполько я объ ономъ удосповѣрился , что въ крайней моей къ вамъ благодарности погружень , почитая ваше справедливое желаніе, которое соединено съ пользою и славою опечесства. Я бы опъ всего сердца желалъ имѣть шакія силы, чпобъ оно великое дѣло соверщеніемъ своимъ скоро могло охопу всѣхъ удовольствовашъ ; однако оно само собою шакаго еспъ свойства , что пребуешъ времени. Коль великимъ счастиемъ я себѣ почешъ могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ Гбсударей свѣшу опкроюшся , по весьма чувствую. И чипая опъ вашего Превосходительсва ко мнѣ писанныя похвалы , которыя мое достоинство далече превосходяшъ , благодарю опъ всего сердца ; и радуясь , по предприятому моему моему намѣренію совсякою ревностію въ собраніи нужныхъ извѣстій спараюсь , безъ которыхъ оп-

нюдь ничего въ исторіи предпріять не можно. Могу васъ милоспиваго Государя увѣришь въ/помь заподлинно, что первой помь въ нынѣшнемъ году съ божіею помощію совершишь уповаю. Что же до другихъ моихъ въ Физикѣ и въ Химіи упражненій касается, чшобы все покинуть, по нѣшь въ помь ни нужды, ниже возможности. Всякъ человекъ пребуешъ ошь шрудовъ себѣ упокоенія: для шого оставивъ насшоящее дѣло, ищешъ себѣ съ госпями или съ домашними препровожденія времени, каршями, шашками и другими забавами, а иные и шабачнымъ дымомъ; ошь чего я уже давно опказался, за шѣмъ что не нашель въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И шакъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе ошь шрудовъ, кошорые я на собраніе и сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будешъ въ день нѣсколько часовъ времени, что бы ихъ вмѣсто бильярда употребить на Физическіе и Химическіе опышы, кошорые мнѣ не шокмо опмѣною маперіи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкаршва служишь имѣюшь; и сверхъ сего пользу и честь опечешву конечно принесши могушь

едва ли менше первой. Когда ваше Превосходительство меня удословитъ изволише, что мои сочиненія въ прозѣ не прошивны, по можете имѣть въ помѣ новый опытъ, ежели мнѣ въ будущей 1754 годъ повелѣно будетъ говорить похвальное слово Пепру Великому въ публичномъ Академическомъ собраніи, на что я готовъ положить всѣ свои силы. Чпозъ до окончанія моего всепокорнѣйшаго прошенія надлежитъ о фабрикѣ, по не думайте, милоспивоу Государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать; ибо шѣмъ окончающа всѣ мои великіе химическіе пруды, въ копорыхъ я при года упражнялся, и копорые безплодно поперяшъ мнѣ будетъ несносное мученіе, и много большее препятствіе, нежели ошъ самихъ оныхъ опасаться должно. И шакъ уповая чрезъ милоспивое ваше предспательство прошенію моему скорого рѣшенія достигнуть, съ глубокимъ высокопочитаніемъ пребываю,

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и усерднѣйшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

въ С: пепербургѣ
Генваря 4 дня
1753 года.

VI.

Милоспивый Государь Иванъ Ивановичъ!

Милоспивое вашего Превосходительсва меня письмомъ напоминовеніе увѣряешъ къ великой моей радости о непремѣнномъ вашемъ ко мнѣ снисходительствѣ, кошорое я чрезъ много лѣтъ за великое между моими благополучіями почишаю. Высочайшая щедрота несравненныя Монархини нашея, кошорую я вашимъ опеческимъ предстательствомъ имѣю, можешъ ли меня опшвести опъ любленія и опъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, кошорую я для наукъ шерпѣль добровольно, опшрапишь не умѣла. Не примите, ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, чшо я въ свое защищеніе предспавишь смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣль я со всѣхъ споронъ опшращающія опъ наукъ пресильныя спремленія, кошорыя въ погдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной спороны опецъ никогда дѣшей, кромѣ меня, не имѣя, говорилъ, чшо я будучи одинъ, его оставиль, оставиль все довольство (по шамошнему сосполяню), кошорое онъ для меня кровавымъ пошомъ нажилъ, и кошорое послѣ смерти чужіе

разхипяпъ. Съ другой спороны несканная бѣдность: имѣя одинъ алпынъ въ день жалованья, не лъзя было имѣпъ на пропшаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пяпъ лѣпъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной спороны пишупъ, что зналъ опца моего доспапки, хорошіе памошніе люди дочерей своихъ за меня выдадупъ, копорые и въ мою шамъ быпность предлагали; съ другой спороны школьники малые ребяша кричашъ и персшами указывающъ: смопри де какой болванъ лѣпъ въ двадцашъ пришоль лашыни учипся! Послѣ того вскорѣ взяпъ я въ С: пепербургъ, и посланъ за море, и жалованья получалъ прошивъ прежняго въ сорокъ разъ. Оно меня опъ наукъ не опврашило; но по пропорціи своей умножило охопу, хопя силы мои предѣлъ имѣющъ. Я всепокорнѣйше прошу ваше Превосходительство въ помъ быпъ обнадѣжену, что я всѣ свои силы упопреблю, чтобы пѣ, копорые мнѣ опъ усердія велашъ быпъ предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а пѣ, копорые изъ недоброхопной зависпи полкуюпъ, посрамлены бы въ своемъ

неправомъ мнѣніи были, и знашь бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣряшь не должны; и помни-либъ, что Музы не такія дѣвки, ко-рыхъ всегда изнасильничать можно. Онѣ кого хощашь, того и любяшь. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученой чело-вѣкъ долженъ бышь бѣденъ, по-му я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діогена, ко-порою жилъ съ собаками въ бочкѣ, и своимъ землякамъ оспавилъ нѣ-сколько оспроумныхъ шутокъ для умно-женія ихъ гордости; а съ другой спороны Невтона, богашаго Лорда Боила, ко-порою всю свою славу въ наукахъ полу-чилъ упошребленіемъ великой сум-мы; Вольфа, ко-порою лекціями и подарками нажилъ больше пѣши со-тъ тысячъ, и сверхъ того Бароншво; Слоана въ Ан-глии, ко-порою послѣ себя шакую библио-шеку оспавилъ, что никшо привашной не былъ въ соспоянніи купишь, и для того Пар-ламеншь далъ за нее двадцашь тысячъ фун-шовъ шперлинговъ. По приказанію ва-шему все исполнишь не премину, съ глубокимъ высокопочишаніемъ пребывая,
вашего Превосходишельства

Маія 10 дня всепокорнѣйшій слуга
1753 года. Михайло Ломоносовъ.

VII.

Милосливый Государь Иванъ Ивановичь!

Полученное вчерашняго числа ошъ 24 Маія письмо вашего Превосходительства, въ которомъ я чувствую непремѣнной знакъ особливои вашей ко мнѣ милоспи, премного меня обрадовало, особливо шѣмъ, что вы изволили объявить свое удосповѣреніе о шомъ, что я наукъ никогда не оспавлю. Въ разсужденіи другихъ не имѣю я никакого особливоаго удивленія, за шѣмъ что они имѣюшъ примѣры въ нѣкоторыхъ людяхъ, которые шолько лишь себѣ. пущь къ счастью ученіемъ ошворили, въ шощь часъ къ дальнѣйшему происхожденію другія дороги приняли, и способы изыскали, а науки почши со всѣмъ оспавили, имѣя у себя папроновъ, которые у нихъ мало или ничего не спрашиваюшъ, и не какъ ваше Превосходительство въ разсужденіи меня дѣль пребуеше, довольствуюшся шолько однимъ ихъ именемъ. Въ помянушыхъ оспавившихъ въ своемъ счастиіи ученіе людяхъ весьма ясно видѣшъ можно, что они шокмо одно почши знаюшъ, чему въ малолѣшпствѣ изъ подлозы выучились, а будучи въ своей вла-

спи почти никакова знанія больше не присовокупѣли. Я напрошивъ того (повольше, милоспивый государь, не ради щеславія, но ради моего оправданія объявишь истинну), имѣючи опца хоща по напурѣ добраго челоуѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспипаннаго, и злую и зависпливую мачиху, кошорая всячески спаралась произвеспи гнѣвъ въ опцѣ моемъ, предспавляя, что я всегда сижу по пуспому за книгами. Для того многокраспно я принужденъ былъ чишашъ и учишья, чему возможно было, въ уединенныхъ и пуспыхъ мѣспяхъ, и шерпѣшь спужу и голодъ, пока я не ушолъ въ Спаскія школы. Нынѣ имѣя къ тому по Высочайшей ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милоспи совершенное довольство вашимъ опеческимъ предспавельспвомъ, и спрудовъ моихъ одобреніе ваше и другихъ знателей и любипелей наукъ, и почти общее въ нихъ удовольспвіе, и на конецъ уже недѣшское несовершеннаго возрасша разсужденіе, могу ли я нынѣ въ моемъ мужеспвѣ дашь себя посрамить предъ моимъ дѣшспвомъ. Однако нересшаю сими предспавленіями ушпруждашь вашу шерпѣливосль, вѣдая ваши справедливыя мнѣнія. И ради того

доношу вашему Превосходительству о томъ, что похвальная ваша къ наукамъ охота пребудетъ. Во первыхъ, что до электрической силы надлежитъ, по изысканымъ здѣсь два особливые опыта весьма недавно, одинъ г. Рихманомъ чрезъ машину, а другой мною въ шучь; первой, что Мушенброкковъ опытъ съ сильнымъ ударомъ можно переносить съ мѣста на мѣсто, отдѣляя отъ машины въ значное разстояніе около цѣлой вершмы; чему описаніе и рисунокъ при семъ сообщаю. Вспорое примѣшилъ я у своей громовой машины 25 числа сего Апрѣля, что безъ грома и молніи, чтобы слышать или видѣть можно было, нитка отъ желѣзнаго прута опходила и за рукою гонялась; а въ 28 число тогоже мѣсяца при прохожденіи дождеваго облака безъ всякаго чувствительнаго грома и молніи происходили отъ громовой машины сильные удары съ ясными искрами и съ прескомъ издалика слышнымъ, что еще нигдѣ не примѣчено, и съ моею давнею теоріею о теплотѣ и съ нынѣшнею объ электрической силѣ весьма согласна, и мнѣ къ будущему публичному акту весьма прилично. Оной актъ буду я отправлять съ г. Профессоромъ Рихма-

номъ ; онъ будетъ предлагашъ опыты свои , а я теорію и пользу оныхъ оной производящую , къ чему уже я приугошьялюся . Чшо же надлежитъ до впорой часни руководства къ краснорѣчію , шо она уже нарочито далече , и въ концѣ Октябрю мѣсяца , уповаю , изъ печати выдешъ , о ускореніи кошорой всячески проситъ и спарашься буду , а письменнаго не присылаю , за тѣмъ чшо ваше Превосходительство шребувашъ изволише по листу печатныхъ . О первомъ шомѣ Россійской исторіи по обѣщанію моему спараніе прилагаю , чшобы онъ къ новому году письменной изгошвился . Ежели кто по своей профессіи читаешъ лекціи , дѣлаешъ опыты новые , говоритъ публично рѣчи и диссершации , и внѣ оной сочиняешъ разные списки и проекши къ шоржешвеннымъ изъясненіямъ радости , составляешъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего опечешства , и долженъ еще на срокъ посшавитъ ; оныхъ шого я ничего , больше шребувашъ не имѣю , и гошовъ бы съ охотшо имѣшъ шершѣніе , когда бы шолько чшо пушное родилось . Въ прочемъ удоешовѣрять многократшо , коль охотшо слушаешъ , ваше Превосходительство ,

разговоры о наукахъ , весьма жадно ожидаю радостнаго и приятнаго съ вами свиданія , чшобы вы новыми моими спараніями удовольствіе имѣли , копорыхъ всѣхъ въ опдаленіи сообщить не можно. Въ домѣ вашего Превосходительства обѣщанныхъ оппическихъ вещей еще долго успроишь не уповаю , за шѣмъ чшо еще нѣтъ ни половъ , ни пополоковъ , ни лѣспницъ , и недавно я ходилъ въ нихъ съ немалою опасностію. Элептрическіе шарики по вашему желанію пришлю не умедливъ , какъ возможно. Я могу увѣришь ваше Превосходительство, чшо въ масперовыхъ людяхъ здѣсь великая скудоспъ, шакъ чшо для дѣланія себѣ элептрической машины не шокмо гдѣ индѣ , но и съ вашего двора споляра за деньги не могъ досташъ. И для шого по сіе время вмѣсто земной машины служатъ мнѣ иногда облака , къ копорымъ я съ кровли шестъ высшавилъ. Какіе вашему Превосходительству инспрументы цошребны, о шомъ прошу дашь мнѣ позволеніе представилъ въ Канцелярію Академическую именемъ вашимъ для приказапія масперамъ , за шѣмъ чшо они по шабашамъ долго прощянушь дѣло. Заклю-

чяя сіе, съ глубокимъ высокопочитаніемъ
пребываю,

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга
изъ С: петербурга

Маія 31 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

VIII.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Что я нынѣ къ вашему Превосходи-
тельству пишу, за чудо почишайте;
для того что мершвы не пишушь. Я
не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ
сомнѣваюсь, живъ ли я, или мершвъ. Я
вижу, что г. Профессора Рихмана гро-
момъ убило въ пѣхъ же почно общоя-
пельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то
же самое время. Сего Іюля въ 26 число
въ первомъ часу по полудни поднялась
громовая туча ошъ норда. Громъ былъ
нарочито силенъ, дожда ни капли. Вы-
спавленную громовую машину посмо-
трѣвъ, не видалъ я нималаго признака
элекпрической силы. Однако, пока ку-
шанье на споль спавили, дождался я
нарочитыхъ элекприческихъ изъ прово-
локи искръ, и къ тому пришла моя
жена и другіе, и какъ я, шакъ и онъ без-
прещанно до проволоки и до привѣшен-

наго пруща дошыкались; за шѣмъ что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣ-
шовъ огня, прошивъ кошорыхъ покойной
Профессоръ со мною спорилъ. Внезапно
громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то
время, какъ я руку держалъ у желѣза,
и искры шрещали. Всѣ ошъ меня прочь
побѣжали, и жена просила, чтобы я
прочь шолъ. Любопытство удержало
меня еще двѣ или три минушы, пока
мнѣ сказали, что щи проспынушь, а при
шомъ и электрическая сила почти пере-
сипала. Только я за споломъ посидѣлъ
нѣсколько минушь, внезапно дверь ошво-
рилъ человекъ покойнаго Рихмана, весь
въ слезахъ, въ спрахъ и запыхавшись. Я
думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ
побилъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ;
онъ чупъ выговорилъ: Профессора
громомъ зашивло. Въ самой возмож-
ной скороспи, какъ силъ было много,
приѣхавъ я, увидѣлъ, что онъ лежишь без-
дыханень. Бѣдная вдова и ея машь ша-
ковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и ми-
нувшая въ близоспи моя смершь, и его
блѣдное шло, и бывшее съ нимъ наше
согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣ-
шей и дому споль были чувствительны,
что я великому множеству сошедшагося

народа не могъ ни на что дать слова или опвѣща, смотря на лице того, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ конференціи, и рассуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первой ударъ опъ привѣшенной линіи съ ниткою пришоль ему въ голову, гдѣ красновишневою пятно видно на лбу; а вышла изъ него громовая электрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини, и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы спарались движеніе крови въ немъ возобновишь; за шѣмъ что онъ еще былъ шепль; однако голова его повреждена; и больше нѣтъ надѣжды. И шакъ онъ плачевнымъ опышомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу опврашишь можно; однако на шепль съ желѣзомъ, копорой долженъ спояшь на пущомъ мѣспѣ, въ копорое бы громъ билъ, сколько хочепъ. Между шѣмъ умеръ г. Рихманъ прекрасною смерцію, исполняя по своей профессіи должность. Памяшь его никогда не умолкнешь: но бѣдная его вдова, шепца, сынъ пяши лѣпъ, копорый добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣпъ, а другая около полугоду, какъ объ немъ, шакъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачущъ.

Того ради, ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милосливый помощникъ, чшобы бѣдная вдова лучшаго Профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чшобы онъ такою же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублей. Милосливый государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣшамъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ васъ наградишь, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между шѣмъ, чшобы сей случай не былъ проколкованъ прошиву приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ
С: петербургъ Михайла Ломоносова.
26 Юля 1753 года.

IX.

Милосливой государь Иванъ Ивановичъ!

Получивъ отъ студента Поповскаго переводъ перваго письма Попова опыта о чловѣкѣ, не могу преминуть, чшобы не сообщить вашему Превосходи-

пельству. Въ немъ нѣтъ ни единого
спиха, копорой бы мною былъ попра-
вленъ. Я весьма опасуюсь, чшобы его
въ законѣннн не оспавили. Онъ давно
уже достоинъ произведенія. Нынѣ естъ
мѣсто Рекпорское въ Гимназиі послѣ
Ректора Рапгаккера, копорое онъ весьма
способно управлять можеть, зная Ла-
шинской языкъ совершенно, и при помѣ
изрядно разумѣеть Греческой, Француз-
ской и Нѣмецкой; а объ искусствѣ въ
Россійскомъ сей примѣръ о немъ сви-
дѣтельствуетъ. Для того и Профессоръ
Фишеръ, копорой самъ былъ долго Рек-
поромъ, весьма его къ сей должности
ободряеть. Ш хошя кажеть видѣ,
что шоже хочеть дѣлать, однако опі-
нюдь вѣришь не лзя, и больше, чаю,
прошивное сдѣлать намѣрень. Публич-
ное дѣйствіе послѣ Рихмановой смерши
обѣщаль неоднократно произвешн въ
дѣло, и часпо ко мнѣ присылаль о поспѣ-
щеніи; а какъ я нынѣ чншалъ, шо онъ
сказаль, что изъ Москвы не имѣеть из-
вѣспія, будетъ ли акшусь. Между тѣмъ
слыщаль я ошъ Профессора Г копо-
рому онъ сказаль, что акшусь будетъ
опложенъ. Академическое собраніе по-
слѣ смерши Рихмановой и послѣ ошѣзда

Краценштейнова весьма мало оспалось, состоя въ чепырехъ Профессорахъ, изъ копорыхъ я съ неизмѣннымъ глубокопочишаніемъ пребываю до смерти,

Вашего Превосходительства
изъ С: пепербурга всепокорнѣйшій слуга
Августа 23 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

Х.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Переписанную рѣчь мою къ вашему Превосходительству переслать принимаемая смѣлоснѣ, еще васъ милоспиваго государя прошу, чшобы о произведеніи оной къ 25 Ноября посшарашся: ибо мнѣ даюшъ навѣшки, чшобъ ее въ комменшаріяхъ напечаташъ; однако я шѣмъ опшнюдь не могу бышъ доволенъ, и за прямой опказъ почешъ долженъ. Она шакимъ образомъ сочинена, чшобы говоршъ въ собраніи и послѣ особливаго случая. Въ другихъ обстоятельстввахъ долженъ я буду много перемѣншъ и выкинушъ, чшо мнѣ много шруда спощшъ. Сверхъ шого съ комменшаріями выдешъ она весьма поздно. При семъ ваше Превосходительство всепокорнѣйше прошу не

забышь вашего милоспиваго обѣщанія ,
чтобы меня удоспоишь вшпоримъ шомъ
Ташищева испорія , за шѣмъ что онъ
въ первомъ много на вшпорой ссылаешся.
Ожидая милоспиваго въ семь неоспавле-
нїя , съ усерднымъ высокопочишанїемъ
всегда пребываю ,

вашего Превосходишельсшва
изъ С: пепербурга всепокорнѣйшій слуга
Окшября 7 дня Михайло Ломоносовъ.
1753 года.

XI.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичь!

По приказу вашего Превосходишельсшва
спарался я доспашь примѣчанія на
вѣдомости , но получишь ихъ не могъ.
Уже многіе и за нѣсколько лѣтъ ихъ
спрашиваюшъ; однако сыскашь не могли;
за шѣмъ что помалу было печатано и
не по мѣрѣ Россійскаго Государсшва ; а
особливо нынѣ узнавъ нашъ народъ пользу
наукъ , больше шакїя книги хранишь для
ихъ рѣдкости. Г. Совѣшникъ Наршовъ
сказаль , что у него ешть ; шолько не
переплешенныя , и обѣщаль собрашь для
вашего Превосходишельсшва ; однако не
могу знашь , сдѣлаешь ли. Я уповаю , не

лучше ли поискать у привапныхъ охопниковъ въ Москвѣ на время, пока для вашего Превосходительства собспенно здѣсь прищупся. Весьма бы полезно и славно было нашему опечеству, когдабъ въ Академіи начались подобныя періодическія сочиненія, шолько не на шакихъ бумажкахъ по одному листу; но повсямѣсячно или по всякую чепвершь или шрепъ года, дабы одна или двѣ и шри маперіи содержались въ книжкѣ, и въ меншемъ формашѣ, чему много имѣемъ примѣровъ въ Европѣ, изъ кошорыхъ лучшимъ бы послѣдовать, или бы свои примѣняясь выбрать можно. Исполни Господь Богъ намѣренія и желаніе любителей наукъ, чего я всегда, а особливо въ начашіи новаго года, прошу, поздравляя съ шѣмъ ваше Превосходительство опъ истиннаго усердія, и желая благополучнаго печенія и радостнаго окончанія, съ глубокимъ высокопочишаніемъ завсегда пребываю,

вашего Превосходительства
изъ Успъ рудиць всепокорнѣшій слуга
съ бисерныхъ Михайло Ломоносовъ.
заводовъ

Генваря 3 дня

1754 года.

ХП.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичь!

Получивъ опъ вашего Превосходительства милоспивой свыше моихъ заслугъ въ прочемъ на мое письмо опвѣпъ, полько • помъ сожалѣю , чпо оно почпено ласкашельнымъ, въ чемъ мнѣ природа сама совсѣмъ почши опказала, и ежели гдѣ нѣкошорое подобіе покажешся, по конечно не мои вымыслы; но полько какихъ нибудь обстояшельствъ внезапная буря принуждаетъ. Всепокорнѣйшее мое прошеніе къ вашему Превосходительству полько шу силу имѣешъ и намѣреніе, чпобъ я вашими милоспивыми благодѣніемъ предосперезень былъ въ разсужденіи пѣхъ должностей, кошоры наблюдать должно въ разсужденіи поль великой особы, къ кошорой мое сочиненіе проспиралешся; шпиля моего и другихъ хоща никпо больше и лучше судья васъ бышъ не можешъ, чпо я собспвеннымъ искуспвомъ всегда могу засвидѣшельспвовашъ; однако все мое къ вашему Превосходительству прошеніе соспоишъ въ разсужденіи перваго. Господинъ Поповской свой переводъ всѣхъ спиховъ Поцѣвыхъ , нѣсколько еще исправлен-

ныхъ , сего дня чрезъ меня въ Канцеля-
рію для посылки къ его Сіяшельству
опдалъ. При семъ вашему Превосходи-
шельству принимаю смѣлость донести ,
что , , , , , , , , , , , , , , , ,
, , , , , , , , , , , , , , , ,

(Здѣсь въ подлинникъ нѣсколько
строкъ оподрано)

Однако мы господа въ Коммисіи ,
иной боишься опрѣшишь чтобы не
раздражишь какова нибудь знашнаго го-
сподина; иной говоришь , что онъ бѣ-
денъ; однако прошу меня извинишь; не
могу всѣхъ приспирасій и всѣхъ обспоя-
шельствъ изобразить. Словомъ съ одного
конца Академію хощаешь починивать , а
съ другаго порпяешь. Все сносно, поль-
ко того нѣшь шяжелѣе
.
.

Окончаніе сего дѣла ясно покажешь; и я
никогда по чисшой моей совѣспи не оспа-
нусь лживымъ человѣкомъ. Мое испин-
ное желаніе въ помъ соспоишь , чтобы
миѣ Богъ судилъ съ вашимъ Превосходи-
шельствомъ во всякомъ благополучіи
видѣшься, и засвидѣшельствовашь , что

я съ глубокимъ почпеніемъ безпрестанно
пребываю,

вашего Превосходительства

С: пепербургъ всепокорнѣйшій слуга
28 Марта Михайло Ломоносовъ.
1754 года.

XIII.

Милоспивый государь Иванъ Ивановичъ!

Изъ вчерашняго вашего Превосходи-
тельства милоспиваго разговора примѣ-
нилъ я, что злоба преодолевается благо-
спии, подкрадываясь подъ свяпость Высо-
чайшихъ повелѣній; и такъ ежели не
возможно, чтобы я по моему всепокор-
нѣйшему прошенію былъ произведенъ въ
Академіи для пресѣченія коварныхъ пред-
пріяній; по всеуниженно ваше Превос-
ходительство прошу, чтобы вашимъ
отеческимъ предспашельствомъ переве-
денъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше
всего въ Иностранную Коллегію, гдѣ не
менѣ могу принести пользы и чеспи
отечесству, а особливо имѣя случай упо-
треблять вспоможеніе архивы къ продол-
женію Россійской исторіи. Я прошу
всевышняго Господа Бога, дабы онъ
воздвигъ и ободрилъ выше великодушное
сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ бы

Часть II.

сочворилъ со мною знаменіе во благо , да видяшъ ненавидящїи мя и поспыдяшся: яко Господь помогъ ми и упѣшилъ мя еспь изъ двухъ единымъ , дабы или всѣ сказали: камень, его же не брегоша зиждущїи, сей быспь во главу угла, опь Господа сей быспь ; или бы въ мое опбышіе изъ Академіи ясно оказалось , что она лишилась , поперявъ шакаго челоуѣка , чопорый чрезъ шоль много лѣшъ украшала оную , и всегда съ гоншелями наукъ боролся , не смопря на свои опасноти. Ожидая шого или другаго, въ швердомъ на милоспшвѣшее ваше ходашайспво упованїи съ усерднымъ глубокопочипанїемъ пребываю ,

вашего Превосходшельспва
всепокорнѣшїй и нїжайшїй слуга
Декабря 30 дня Михайло Ломоносовъ.
1754 года.

XIV.

Милоспшвїй государь Иванъ Ивановичь!

Сокращенное описанїе сомозванцевъ и спрѣлецкихъ буншовъ еще переписавъ, имѣю честь подашъ чрезъ сіе письмо вашему Превосходшельспву. Сами можете опмѣшпшъ, что вамъ не разсудшся за благо перевести на Французской

языкъ. Сокращеніе о житіи Государей Царей Михаила, Алексія и Θεодора стараюсь привести къ окончанію подобнымъ образомъ. Всепокорнѣйше прошу не причесть мнѣ въ предосужденіе, что о своихъ свидѣтельстввахъ и прудахъ при семъ прилагаю. Не ради своего самохвальства по сдѣлашь осмѣлился; но чшобъ себя оборонить отъ моихъ презрительней и поносительней съ верху Парнасскихъ горъ долой. Домашнія мои заботы въ разсужденіи спроенія фабрики и прочаго приходящъ къ окончанію, и я уповаю доказать великими доводами въ самомъ дѣлѣ, что оныя слова самая пустошь. Въ ожиданіи обѣщаннаго поршреша хошя и въ нешерцѣливости, однако какъ всегда съ глубокимъ высокопочишаніемъ пребываю,

вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и нижайшій слуга
Михайло Ломоносовъ.

Октября 10 дня
1757 года.

XV.

Милосшивый государь Иванъ Ивановичъ!

Во исполненіе приказанія, отъ вашего Превосходительства въ нынѣшнемъ

письмъ присланнаго , не могу никоимъ образомъ опказатьсь , по вашему убѣжденію , почитая вашу неоднократно объявленную мнѣ волю. И шакъ , хотя учинишь оппоръ моимъ ненавистникамъ , не знаю и весьма сомнѣваюсь , не больше ли я имъ благодарить и ихъ хвалишь , нежели мспить и уничтожать должень ; благодарить за шо во первыхъ , что они меня своей хулой хвалять , и къ большому приращенію малой моей славы не пожалѣли себя опредѣлишь въ Зоилы , что я не заменшую услугу себѣ почитаю ; вшорое за шо , что они подали причину вашему Превосходительству къ составленію нынѣшняго вашего ко мнѣ письма съ разными разсужденіями , до словесныхъ наукъ касающимися , кошорое бывшихъ , наспоющихъ и будущихъ Зоиловъ злобу въ ничшо обрацаешь , и въ кошоромъ я несполько заслуги , сколько свою должность вижу. Они спихи мой осуждають и находяшь въ нихъ надупныя изображенія ; для шого они самыхъ великихъ древнихъ и новыхъ спихошворцевъ высокопарныя мысли , похваленныя во всѣ вѣки и опъ всѣхъ народовъ почитаемыя , унизишь хошяшь. Для доказапельства предлагаю вашему Превосходи-

пельству примѣры, которыми основательное оправданіе моего ихъ возможнаго подражанія показано бытъ можешь.

Изъ Гомеровоѣ Иллады п. 5.

Внезапно вспаль Непшунъ съ высокія
горы,
Пошелъ, и шѣмъ потрясъ и лѣсы и
бугры;
Трикрашы онъ спунилъ, чешверный
шагъ достигнулъ
До мѣспа, въ кое гнѣвъ и духъ его
подвигнулъ.

Изъ Виргил: Энеиды кн: 3.

Едва онъ рѣчь скончалъ, великая гро-
мада
Съ горы къ водамъ идешь среди овечья
спада.
Ужасной Полифемъ, прескверный
изувѣръ,
Исполненъ ярости и злобы выше
мѣръ:
Лишася зрѣнія, онъ дубъ несетъ
рукою
какъ просшь, и ищешь шѣмъ дороги
предъ собою.
Зубами заскрипѣлъ и моремъ побѣ-
жалъ,
Едва во глубинѣ до бедръ касался валь.

Какъ сему Камоенсъ подражаешь,
можно видѣшь въ моей Рипорикѣ
параграфъ: 158. Кромѣ сихъ Героиче-
скаго духа спихотворцевъ и нѣжный
Овидій исполненъ высокопарными мы-
слями.

Изъ превращенъ: кн: 1.

Три крашы спрашныя власы вспрях-
нуль Зевесъ,
Подвигнуль горы шѣмъ, моря, поля
и лѣсъ.

Изъ книгъ: 15.

Я шпайнства хочу невѣдомыя пѣшь,
На облакѣ хочу я выше звѣздъ взле-
пѣшь,
Оставивъ низъ, пойду небесною го-
рою,
Апланшу наспуплю на плеча я ногою.

XVI.

Милосщивый государь Иванъ Ивановичъ!

По приказанію твоему Вашего Высокопревос-
ходительства сыскалъ я шакова чело-
вѣка, кошорой въ состояніи васъ удо-
вольствоватъ историческими переводами
и экспракшами съ Россійскаго языка на

Французской. Г. Модрахъ Профессоръ исторіи, надѣюсь, вамъ извѣстенъ, которой по Французски искусень, и Россійской языкъ основательно знаетъ, весьма желаетъ услужить симъ трудомъ вашему Высокопревосходительству, и уже началъ дѣлать экстрактъ изъ Камчатской исторіи; въ чемъ могу ему спомоществовать моимъ совѣтомъ, и для переписки на бѣло употребить Спуденцовъ. Мои манускрипты могутъ нынѣ больше служить, нежели я самъ, не имѣя оныхъ моихъ недоброжелателей покоя. Сверхъ сего. не продолжая времени, долженъ я при первомъ случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя мои изобрѣненія ради славы опечеснѣва, дабы не воспослѣдовало съ ними того же, что съ нечезрительною трубою случилось. Сей ущербъ чести оныхъ моихъ трудовъ спалъ мнѣ вдвое гореснѣнъ; для того что тѣ, которыя сіе дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ жестоко съ досадительными словами спорятъ, пакъ что видя, не видятъ, и слыша не слышатъ. Не взирая на то, спараюсь произвеснѣ въ дѣйствіе еще новой оппической инструменшъ, когорымъ бы много глубже видѣть можно было дно въ рѣ-

какъ и въ морѣ, нежели какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни человѣческой полезно, всякъ удобно разсудить можетъ. При семъ не могу преминуть, чпобы не показашъ явнаго безсовѣстія моихъ недоброхошовъ. Въ прудолубивой шакъ называемой пчелѣ напечапано о мозаикѣ весьма презришельно. Сочинитель шого Тр совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злоспю, чпобы моему раченію сдѣлашъ помѣшательство; здѣсь видѣшь можно цѣлой комплошъ. Тр сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ пчелу. Т далъ напечапашъ безъ моего увѣдомленія въ шой командѣ, гдѣ я присушпвую. По симъ общояпельствамъ ясно видѣшь можете, ваше Высокопревосходительство, сколько сіи люди даюшъ мнѣ покоя, не преспая повреждашъ мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ! Умилосердитесь надо мною, Милоспивый Государь, свободите меня ошъ шакихъ нападковъ, кошорые меня огорчая, не даюшъ мнѣ проспираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ опечеству упражненіяхъ. Никакаго не желаю мщенія, но шокмо всеуниженно прошу оправданъ бышъ предъ свѣпомъ Высочайшею конфирмаціею до-

клада ошь Правительствующаго Сената
о украшеніи Пешропавловской церкви,
чего цѣлой годъ ожидая, прешерпѣваю
сверхъ моего раззоренія посмѣяніе и
ругашельство.. Ваше сильное ходатай-
ство можешъ меня ошь всего скоро изба-
вишь и увѣришь меня о непермѣнной
милосши, которую за особливое счастье
и честьъ въ жизни моей почишаю,

вашего Высокопревосходительства
всенижайшій и усердный слуга
Михайло Ломоносовъ.

изъ С: пепербурга
8 Юля 1759 года.

ДВА РАЗГОВОРА

переведенные изъ Эразма и Лукіана.

РАЗГОВОРЪ I.

У Т Р О.

Нефалій. Сего дня хопѣлъ я шебя, Филипнѣ, посѣпшипѣ; однако шебя дома не сказали. Филипнѣ. Не совсѣмѣ шебѣ солгали: для шебя я подлинно дома не былѣ, а для себя весьма былѣ дома. Неф. Какую мнѣ загадку говоришь? фил. Ты знаешь спарую пословицу: не всякому по Якову; шакже извѣспна шебѣ и Назикина шупка, какъ нѣкогда онѣ, хопя посѣпшипѣ пріяшеля своего Еннія, спрашиваль: дома ли онѣ, и какѣ служанка опказала; шогда Назика хопя и догадался, что онѣ дома, однако домоѣ возвратился. Послѣ шого когда Енній вшедши въ домоѣ Назикинѣ, спрашиваль у слуги, у себя ли онѣ находился; шогда Назика изъ каморки вскричаль: нѣпѣ меня дома; и какѣ Енній его по голосу узналъ, беспыдной! сказалѣ, я ли шебя по голосу не слышу? На сіе Назика ему опвѣпспивоваль: шы меня еще беспыднѣ, что самому въ шомѣ не вѣришь, въ чѣмѣ я и служанкѣ швоеѣ повѣрилѣ. Неф. Такѣ можешѣ быпѣ шебѣ недосугѣ было. фил. Нѣпѣ; я былѣ въ сладкомѣ покоѣ. Неф. Опяпѣ загадкой мучишь. фил. Ну, шакѣ скажу прямо шочѣ

впочь. Неф. Скажи. Фил. Спаль безъ пробуду. Неф. Чшо ты говоришь? Тогда ужь былъ девяшой часъ, а въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ въ чешвершомъ часу солнце всходитъ. Фил. Пожалуй, для меня пускай оно всходитъ хопя въ полночь, лишь бы мнѣ шолько выпасъся довольно. Неф. Однако шолько ли нынѣ шебѣ шоль долго спась случилось? Или ты къ шому привыкъ? Фил. Привыкъ. Неф. Весьма худо привыкашь къ худому дѣлу. Фил. Нѣшъ! сонъ послѣ восхожденія солнечнаго весьма пріяшенъ. Неф. Въ копоромъ ты часу съ постелей разспасешся? Фил. Между чешвершымъ и девяшымъ. Неф. Довольно времени; и Королевы чупь ли шоль долго убираются, однако какъ ты къ шому привыкъ? Фил. Для шого, чшо обыкновенно пируемъ, играемъ и веселимся за полночь, кошорой уронъ ушренимъ сномъ награждаемъ. Неф. Едва видалъ я кого, кшо бы жиль шебя мошоваше. Фил. Мнѣ кажеться сіе бережливосшь, а не мошовсшво, для шого когда я сплю, шо свѣчи не горяшь, и плашье не носитья. Неф. Никуда негодная бережливосшь, ежели для шого спекла беречь, чшобы потерять алмазы. Инако разсуждалъ оный философъ, кошорой, когда у

него спросили, что всего дороже? оп-
вѣчалъ, время. Припомъ извѣсно, что
упряго всего дня лучше, и шакъ что въ
дражайшей вещи всего дороже, шы оно
съ радосшю перяешъ. Фил. Развѣ по
перяешся, что опдаемъ нашей плоши?
Неф. Нѣшъ, мы опнимаемъ опъ плоши,
копорая шогда ушлаждаешся и весьма
ободряешся, когда благовременнымъ и
умѣреннымъ сномъ возобновлена бываешъ
и укрьляешся упреннимъ бдѣниемъ. Фил.
Однако сонъ сладокъ. Неф. Чшо можешъ
бышь сладко шому, кшо ничего не чув-
спвуешъ. Фил. И шо самое сладко, когда
никогда безпокойшва не имѣемъ. Неф.
Такъ пошому шѣ еще шасшлывѣе, копо-
рые спяшъ въ могилѣ, ибо во снѣ иногда
привидѣннн безпокояшъ. Фил. Говоряшъ,
чшо шѣлу шакой сонъ пшпапелень. Неф.
Сн шща крошамъ прилична, а не лю-
дямъ. Дѣльно опкармливаюшъ скошину
на убой; а чшловѣку для какой прибыли
спарашся о шомъ, чшобы разшолсшъшъ;
развѣ для шого шолько, чшобы завжди
ходишь съ увѣсисшою ношею? Скажи мнѣ,
ежелибы шы слугу имѣлъ, хопѣлъ ли бы
шы, чшобы онъ былъ шолсшъ, или чшо-
бы онъ былъ шворень и ко всѣмъ дѣ-
ламъ способень? Фил. Однако я не слуга.

Неф. Мнѣ и того довольно, что ты лучше имѣшь хочешь способнаго къ услуженію, нежели какъ быка опкормленнаго. Фил. Подлинно такъ. Неф. Платонъ сказалъ, что духъ человѣку господинъ, а шло ничто иное, какъ его жилище или орудіе. А ты, какъ думаю, признаешь, что духъ есть главная часть въ человѣкѣ, а шло его слуга. Фил. Инъ пусть по швоему будетъ. Неф. Ты не хочешь имѣть слуги съ тяжелымъ брюхомъ, но проворнаго и поворошливаго; по для чего духу свсему готовишь дѣбѣлаго слугу и унылаго. Фил. Убѣждаешь ты меня правдою. Неф. Послушай, что ты еще сверхъ того прашишь. Какъ духъ много превосходитъ шла, такъ и богатство душевное много превосходитъ шлесные доспашки. Фил. Вѣроятно. Неф. Между богатствомъ душевнымъ выше всего премудрость. Фил. Подлинно такъ. Неф. Къ приобрѣшенію оныя ни едина часть дня шоль не способна, какъ упру, когда солнце снова восходитъ, бодрость и укрѣпленіе всѣмъ приносишь, и разбиваешь шуманъ, кошорой обыкновенно вспаешь изъ желудка, и жилище ума помрачаешь. Фил. Не спорю. Неф. Нынѣ сочши мнѣ, сколько бы ты могъ

научишься въ шѣ чепыре часа , которые на безвременной сонѣ шеряешь. Фил. Правда, что много. Неф. Я узналъ самымъ дѣломъ, что въ одинъ часъ по упру больше можно научишься, нежели въ при часа послѣ обѣда ; и сверхъ того шѣлу никакой убыли не дѣлается. Фил. Слышу. Неф. Припомъ подумай , ежели вмѣстѣ сложишь , что ты на каждой день шеряешь , какое будешь множество. Фил. Правда, что велико. Неф. Кто дорогіе камни и серебро напрасно распочаешь , того мопомъ называюшь , и опдаюшь подѣ опеку. А кто сіе много онаго дражайшее богатство шеряешь , не потъ ли больше мопомъ названъ бышь долженъ. Фил. Видно , что пакъ , ежели о томъ разсудишь прямо. Неф. Также и о томъ подумай , что говоришь Плашонъ : ничего нѣтъ прекраснѣе , ничего любезнѣе премудрости , которую ежели бы шѣлесными очами видѣшь можно было ; то бы она непоняшную любовь къ себѣ возбудила. Фил. Однако видѣшь ее не можно. Неф. Правда , что шѣлесными очами не увидишь ; но зрѣніе души оную постигаешь , которая естъ лучшая часть чловѣка. И гдѣ любовь безмѣрно пріятна , шупъ и самое высочайшее услаждение бышь дол-

жно, когда духъ съ такою любовницею совокупляется. Фил. Самую испинну сказываешь. Неф. Для того помѣняйся на сіе услаждение сномъ, смерти образомъ, ежели угодно. Фил. Хорошо, однако долженъ буду покинуть играть по ночамъ. Неф. Та потеря прибыточна, ежели за худое хорошее, за бесчестное преславное, за презрѣнное дражайшее что получить можно. Хорошо тому терять свинець, кто изъ него золото дѣлаеть. Напура ночь для сна опредѣлила. Восходящее солнце, когда всѣхъ живошныхъ, тогда больше всѣхъ челоуѣка къ прудамъ, въ жизни пошребнымъ, возбуждаешь. Кошорые спяшь, говоришь Плавшь, тѣ спяшь ночью, и пьяные ночью пьяны. Чте скареднѣе бышь можешь, когда всѣ живошныя вспаюшь съ солнцемъ, нѣкошорыя и прежде восхожденія пѣніемъ оное поздравляюшь, и слонъ восходящему солнцу поклоняешь, а челоуѣкъ долго послѣ его восхода храпашъ на пошпелѣ? Кошь часто злешый оный ушпеннѣй свѣшь освѣщаешь швою спальню, или шы не можешь догадашь, что онъ себя спящаго укоряешь? Безумной челоуѣкъ, или шобѣ хорошо кажешся, что шы наилучшую часть жизни своей напрасно

шеряешь? Не для шого я сію , чшобы шы спаль закрывшись ; но чшобы шы бодрспвуя , въ чеспныхъ дѣлахъ упражнялся. Никшо свѣчи не зажигаешь , чшобъ при ней спашь ; а шы хранишь при семь прекраснѣйшемъ свѣшпильникѣ. Фил. Изрядно шы проповѣдуешь! Неф. Хопя не изрядно , однако справедливо. Я не сомнѣваюсь , чшо шы не рѣдко слыхалъ оную Исїодову пословицу: бережливоспъ на днѣ имѣшь уже поздно. Фил. Весьма часпо , для шого чшо въ серединѣ бочки самое лучшее вино бываетъ. Неф. Однако въ жизни человѣческой первая часпъ шо еспъ , юношеспво всѣхъ лучше. Фил. Истинно шакъ. Неф. И ушро шже во дни , чшо юношеспво въ жизни. И шакъ не безумно ли шѣ дѣлаюшь , которые юношеспво на бездѣльные поспупки , а упреннее время на спанье прапашь? Фил. Видно , чшо шакъ. Неф. Еспшли шакое имѣніе , которе съ человѣческою жизнью еравнишь можно? Фил. Ни всего Персидскаго сокровища. Неф. Не возненавидѣль ли бы шы весьма человекъ , кошорой бы могъ или хопѣль коварными ухищреніями убавишь нѣсколькo лѣтъ швоей жизни? Фил. Я бы лучше у самаго его жизнь опниль. Неф. Но шѣ еще злѣе ж вреди-

пеленѣ, кошорые съ охошою свою жизнь дѣлають короче. Фил. Правда, ежели естѣ пакіе. Неф. Естѣ пакіе? Всѣ шебѣ подобныя шѣ дѣлають. Фил. Хорошо ты гаворышь! Неф. Весьма хорошо! Ты разсуди, не справедливо ли говоритѣ Плиній, что жизнь человѣческая состоитѣ въ бдѣніи, и шѣмъ долѣе человекѣ живеть, чѣмъ больше времени на ученіе упошребляеть. Ибо сонѣ естѣ нѣкошорая смерть: для шого и спихошворцы вымыслили, якобы онѣ изѣ ада выходишь, и Гомерѣ называеть его брапомѣ смерти. И пакѣ, кошорые спяшь, шѣ ни между живыми ни между мершвыми считающа; однако больше между мершвыми. Фил. Видно, что подлинно пакѣ. Неф. Нынѣ сочи миѣ, коликую часѣ жизни у себя опнимають, кошорые при или чепыре часа на сонѣ працяшь. Фил. Вижу, что безмѣрно велика. Неф. Не почель ли бы шы за Бога шакаго Алхимиста, кошорой быдесять лѣшь къ жизни швоей прибавиль, и въ спаросши бы даль юношескую бодрость? Фил. Какѣ не почеть? Неф. Сіе божешвенное благодѣаніе можешь шы самѣ себѣ сдѣлать. Фил. А какѣ? Неф. Для шого, что ушро естѣ юношесшво дня: предѣ молуднемѣ еще кипишь

младость, въ полдень слѣдуетъ мужескій возрастъ, а пошомъ вмѣсто спаросши вечеръ, за вечеромъ захожденіе солнечное, какъ смерть всего дня. Великую прибыль бережливостъ приносишь; однако нигдѣ больше, какъ здѣсь. И шакъ не великую ли себѣ прибыль принесъ, кшо великую и самую лучшую часть жизни прашишь переспаль? Фил. Праведно швое ученіе. Неф. Пришомъ видѣшь можно, что весьма безспыдна шѣхъ людей жалоба, копорые напуру обвиняють, что челошеческой жизни шоль шѣсныя предѣлы положила, когда они сами ошъ шого, что имъ дано, великую часть перяють. Всякаго челошѣка жизнь довольно долга, ежели оную бережно упошребляшь будешъ, и не малой успѣхъ въ шомъ сосшошь, ежели кшо всякое дѣло въ свое время дѣлаешъ: послѣ обѣда едва шшоемъ мы получелошѣка, когда шѣло обремененное пищею умъ ошягощашъ, и при шомъ не безопасно жизненные дүхи, копорые въ шое время для варенія пищи дѣйшсвують, выводшъ въ голову. Послѣ ужины умъ еще менѣ дѣйшсвуеншъ: а по ушпру челошѣкъ, совсѣмъ челошѣкъ, когда шѣло ко всѣмъ дѣйшсвшдшмъ способно, когда дүхъ

бодръ и поворопливъ , когда всѣ органы ума тихи и чисты , когда она божественнаго дыханія часъ дышешь , уподобляешься своему началу , и къ часнымъ дѣламъ стремишься . Фил. Изрядную ты мнѣ проповѣдь сказываешь . Неф. У Гомера говорящъ Агамемнону , что полководцу не должно спать цѣлую ночь ; то кольми паче не прилично толикую часъ дня на спанье прарапить . Фил. Правда , что не должно полководцу ; однако я еще не Генераль . Неф. Ежели ты что другое любишь больше , нежели себя , то не смотри на слова Гомеровы . Однако ремесленные люди для бѣдной прибыли вспають прежде свѣту , что насъ ли любовь къ премудрости возбудишь не можешь , чтобы мы хоща солнца послушались , когда оное къ неощенному приобращенію насъ возбуждаетъ ? Медики дають свои лѣкарства всегда почти по ушру ; а мы оныхъ не знаемъ , когда цѣлимъ и обогащаемъ душу . Но ежели тебѣ сіи слова не важны кажутся , то послушай , чему учишь у Соломона небесная премудрость : ушрениющіи ко мнѣ обрящуть мя . Въ псалмахъ шайнственныхъ коликъ есть похвала ушрениаго времени . За ушра превозносишь Про-

*

рокъ милосердіе Господне, за ушра услышанъ бываешь гласъ его, за ушра приходишь ко Господу молишва его; и у Луки свѣтлаго Евангелиста народъ исцѣленія и ученія опъ Господа пребующій рано по ушру къ нему приходишь. Чшо ты вздыхаешь, Филиппъ? Фил. Чшю могу опъ слезъ удержаться, когда на умъ приходишь, сколько я потерялъ своей жизни. Неф. Чшо ужé напрасно о томъ себя сокрушаешь, чего не лязя возвраишь? Однако оное предбудущимъ спараніемъ наградишь можно. И шакъ лучше къ шому приложишь раченіе, нежели въ пустомъ съшованіи о прошедшемъ шеряшь будущее время. Фил. Хорошь швой совѣшь; однако мною овладѣла привычка. Неф. Плюнушь: клинь клиномъ выбиваюшь, а привычка привычкою побѣждена бываешь. Фил. Весьма шрудно опъ шого опшавать, къ чему кто привыкъ чрезъ долгое время. Неф. Правда, чшо съ начала шрудно, однако первую скуку опмѣнное обхождение сперва ушояешь, а послѣ шого перемѣняешь въ превеликое услаждение, шакъ чшо о первой скукъ шребъ досадовать не должно. Фил. Боюсь, чшо не удастся. Неф. Ежели бы ты былъ седмидесаши лѣтъ,

по бы я шебя ошь того отвлекать не хопьль, къ чему ты привыкъ; а ты, какъ я думаю, чуюшь вступилъ въ семнадцатой годъ. Въ такія дѣла чего преодолѣшь не можно, полько лишь бы была ожоша? Фил. Истинно, я начну и постараюсь, чшобы мнѣ изъ Филиппна сдѣлашься филологомъ. Неф. Ежели ты такъ сдѣлаешь, по подлинно знаю, что въ краткомъ времени себя въ правду поздравляшь, а мнѣ за наставленіе благодарить будешь.

Разговоръ II.

Между Александромъ и Аннибаломъ.

Александръ. Постой, ты Карфагонецъ, мнѣ напередъ итши должно. Ганнибалъ. Я шебѣ не уступлю. Алекс. Хочешь ты со мной судиться предъ Миноемъ? Ганнив. Хочу. Миной. Чшо вы за люди? Алекс. Александръ и Ганнибалъ. Миной. Оба великіе люди; однако о чемъ вы спорите? Алекс. Кому должно напередъ итши. Ой Африканецъ шаковъ-наглъ, чшо первенство опняшь у меня хочешъ, не смощра на то, чшо я былъ Монархъ всей Азіи, и превеликій воинъ на свѣшъ. Миной. Должно выслушашъ его доказательсва: чшо ты прошивъ его скажешь, Ганнибалъ?

Ганн. Колю щасливъ я, что буду говорить предъ судьей, которой не будешь судить пристрастно, но взирать на правду больше, нежели на пустой видъ! И такъ я говорю, что того, которой, равно какъ я, возвысилъ себя своею собственною силою, и щастіемъ своимъ только одному самому себѣ долженъ, надлежитъ предпочесть тому, кто имѣетъ свою славу отъ предковъ. Ибо перешедъ изъ Африки въ Испанію, такъ сказать, съ одной горстью людей, прославилъ я себя своею собственною храбростію. И послѣ смерти моего зятя принявъ все войско въ мое повелительство, усмиривъ я Целпиберовъ и Галловъ, которые лежатъ къ западу. По томъ прешедъ Альпійскія горы, одержавъ я побѣду на шрехъ великихъ сраженіяхъ, и убилъ въ одинъ день столько непріятелей, что мѣрять я четверикомъ золотые першши, которые носили конные Римскіе дворяне, и перешедъ чрезъ мостъ изъ убитыхъ полковъ соспоявшей, завоевавъ я всю Испанію до самаго Рима. Все сіе учинилъ я, не назвавшись Зевесовымъ сыномъ, и не восхопѣвъ себѣ Богу должнаго почтенія. Знаете всего есть то, что я войну имѣлъ не съ Армянами, ни

съ Мидянами, которые прежде сраженія въ бѣгство обращаются, и побѣду оспариваютъ. Потому, кто осмѣлился оной дождаться; но воевалъ съ самыми храбрыми народами и съ Генералами преизкусными во всемъ свѣтѣ. Припомъ все оныя побѣды получилъ я не такимъ войскомъ, которое бы дружно бились издавна приучено было, ниже солдатами, набранными изъ моего отечества, но наемными и оповсюду сборными людьми. Я не былъ припомъ наслѣдникъ скиптра, но проспой гражданинъ Кареагенской. Александръ напрошивъ шого принявъ опца своего купно съ короною войско, которое было непобѣдимо, пребывалъ еще къ шому щастія, чшобы побѣдишь роскошнаго владѣтеля и ослабѣвшихъ опъ сласполюбія народовъ. По томъ ослѣпившись своею побѣдою, опмѣнилиъ обычаи своихъ предковъ, убивалъ собственною своею рукою самыхъ лучшихъ своихъ друговъ, а иныхъ опдавалъ на казнь, и велѣлъ себя почитать какъ Бога. Я посредь своихъ побѣдъ и поржесшвъ будучи позванъ въ Африку обратно, чшобы спашъ прошиву Сципіона, послушалъ повелѣнія какъ самой меншій гражданинъ. И когда меня шамъ неправедно

осудили, по сносишь я великодушно свое изгнаніе. Я позабылъ было еще нѣкопоруую часпъ своей славы, что я всѣ оныя дѣла учинилъ, не имѣвъ никакой помощи опъ наукъ, и не учившись у Аристопела. И ежели Александръ пребуешъ преимуществва для своей короны, по сіе изрядно въ разсужденіи Персовъ и Македонянъ; а до меня оное ничего не надлежитъ: для того что я не родился его подданнымъ, и былъ прославленъ храбрымъ и премудрымъ Генераломъ, копорого мужеству полько щастіе не всегда споспѣшествовало. Миной. Хотя и груба рѣчь, однако не варварская! Чпо ты, Александръ, на по опвѣчаешъ? Алек. Слава бы моя была довольна дашь мнѣ преимущество, ежели бы я не хотѣлъ оное получитьъ силою разума равно какъ оружіемъ, и поржесствованъ по моимъ словамъ, какъ по военнымъ дѣйствіямъ. Ибо получивъ наследное владѣніе послѣ своего опца, колеблющееся и возмущенное его смертію, умѣлъ я оное укрѣпить казнію его убиць, и попрясь Греціею, опровергнувъ Фивы. Попомъ будучи выбранъ главнымъ предводителемъ прошивъ варваровъ, просперь я свою надежду и оружіе далѣе, нежели

другіе, которые прежде меня были. Переправившись чрезъ Еллеспонть, побѣдилъ я Даріевыхъ Генераловъ отккрытымъ боемъ, завладѣлъ всѣми провинціями до Киликіи, побѣдилъ самаго Царя Персидскаго, и въ одинъ день столько Лавровъ собралъ, что Хароновой барки не доставало на перевозъ мертвыхъ; столько множество ихъ было! Наконецъ, не говоря ни о Тирѣ, ни о Арбеллахъ, покорилъ я всю Азію до Индіи, и самую Индію и Океанъ поставилъ предѣломъ моей Имперіи. И не довольствуясь такими дѣлами, перешелъ я чрезъ Донъ, побѣдилъ Скивоовъ, шоржествовалъ надъ всѣми непріятелями Греческаго народа, и короны раздѣлялъ по моимъ Генераламъ. И хотя по учиненіи такихъ дѣлъ челоувѣческую силу превосходящихъ люди богомъ меня почитали; однако сіе имъ простишительно, также и мнѣ, что я на то для утвержденія новой Имперіи соизволилъ. Однимъ словомъ ты видишь предъ собою побѣдителя половины свѣта, у котораго преимущество опята хочешь ссыльной, которой умеръ рабомъ некопорого беззнашнаго Царя въ Визиніи. Къ сему присовокупить должно, что я всѣ оныя завоеванія учинилъ, какъ левъ,

открытою силою. Напротивъ того Ганнибалъ дѣйствовалъ однимъ коварствомъ, и послѣ побѣдъ собственнымъ своимъ оружіемъ. Онъ безчеловѣченъ былъ къ побѣжденнымъ; а я напротивъ того милосердивъ. Однако онъ имѣетъ позволеніе попрекать мнѣ роскошнымъ моимъ житіемъ, препроводивъ самъ въ Капуѣ долгое время въ счастіи, чрезъ что потерялъ онъ плоды великихъ побѣдъ? Мои увеселенія не помрачили славы моего оружія; я ожидалъ триумфовъ, когда и непріятелей не было. Я могъ бы еще и больше сказашъ въ свое защищеніе; однако мнѣ спышно больше словъ шерьшъ на шоль справедливое мое шребованіе. Только оспается, чшобы нашъ споръ развестъ приговоромъ. Сципіонъ. Подожди, Минной. Я имѣю вѣчто предсавишь. Мин. Кто шы шаковъ? Сцип. Я Сципіонъ, которой побѣдилъ Ганнибала и покорилъ Карфагенъ. Мин. Чегожь шы шребовашъ хочешъ? Сцип. Я преимущество хочу ошдашь Александру, а Ганнивалу не усшупаю. Мин. Правдиво швое шребованіе: шы поди предъ Ганниваломъ, а предъ обѣими Александръ. Больше ничего мнѣ не говорите.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
ГОСУДАРЫНЪ
ИМПЕРАТРИЦЪ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ,

говоренное Ноября 26 дня 1749 года.

Естьли бы въ сей пресвѣпльмъ праздникъ, слушатели! въ кошорой подъ благословенною державою всемилосивѣйшя Государыни нашея покоящяся многочисленныя народы поржеспвуютъ, и веселяшяся о преславномъ Ея на Всероссійскій пресполь возшестви, возможно было намъ радостию восхищеннымъ вознестися до высопы полякой, съ кошорой бы могли мы обозрѣль обширность проспраннаго Ея Владычества, и слышатъ оупъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно проспирающяся восклицаня и воздухъ наполняющя именованемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣнное, коль радостное позорище намъ бы оупъ

крылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себя чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели спѣвными огражденных, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ опъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ пропекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обипашели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разные племена разными языками едину превозносяшь, о единой веселящя, единою Всемилоспивѣйшею своею Самодержицею хвалящя! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя алшарю Господню чинъ священнѣй, съ куреніемъ благоуханій возвышаешъ молишвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей церковь его въ шпшинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія доспигающъ до облаковъ шоржественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ.

Тамъ сошедшись на праздничное пирушество градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминають труды Петровы совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Ея Дщери; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ ликуя, скачуть земельцы, и просимъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровишельницу свою величаютъ. Тамъ плаватели покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминають, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ по проспраннымъ полямъ Асійскимъ развѣзая спелые обипашели, хитрымъ искусствомъ спрѣлы свои весело пускають и показують, коль они гошovy успремишь ихъ на враговъ своея Повелишельницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до поликаго возвышенія достигнуть и поликимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крылами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, копорыя наипаче къ древнему царствующему граду вождѣннымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному проспираются.

Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные поржествъ образы, благословенное ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и разсѣяныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находишь. На немъ истинное благочестіе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ кропкое правосудіе, примѣръ судящимъ и опраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на опдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ опсушствіи видимъ, и равно какъ въ присушствіи благоговѣнно почишаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ лѣнѣ оный видишь, какъ сіе для разпространенія Наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ установленное Общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣсы закрытъ не могутъ божественнаго Ея зрака начерпаннаго въ душахъ нашихъ. Обращающа предъ нами живо Ея «сладчайшія усна повелѣвающія насъ возспавишь, и очи челоуколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука подписующая благополучіе наше. Ободришь начинающіяся науки, не щадя своихъ изживеній; ушвердишь ихъ

благосостояніе, предписавъ полезныя законы; оградить своею милостию, принявъ въ собственное свое покровительство; отворишь имъ къ себѣ свободной доспуть, поручивъ ихъ доброхошному предшпателью изъ своихъ ближайшихъ; есть шоль великое благодѣяніе, кошорое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудеть, и за кошорое мы, по всей возможности и силѣ нашей спараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую благодѣшельницу похва-лами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносимъ должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей шоржешвенный день пресвѣплымъ Ея на опеческій престоль возшешвіемъ осіанный, въ кошорый съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можешь неописанная радость наша въ шѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливаешся. Напрягающся крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе времени нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предприемлю, когда при поль знашномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества за несказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносишь начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣшаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскашь краснорѣчія, гдѣ обширнѣе разпространишь разумъ, гдѣ быспрѣе устремись искрення ревность можешь, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ поль великія Монархини? Когда языкъ мой щедропами Ея ободренный удобнѣе обращаешь, когда голосъ мой великодушіемъ Ея укрѣпленный громче возвысись можешь, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распросиранія увеличено, не вишневашимъ сложеніемъ замысловъ, или песпрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое просиранство и величество ошь несравненныхъ свойствъ Монархини нашей, всю свою красоту ошь прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе ошь устремленія къ ней искрення

ревности приимешь. Ибо. приносишся благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуюшь созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносишся благодареніе Государынѣ мужеспвенной: свидѣтельствуюшь надѣ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносишся благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуюшь прощенныя преспушенія внутреннихъ и продержаспи внѣшнихъ непріятелей и крожкое наказаніе Ея злодѣвъ. Приносишся благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуюшь прозорливо предприемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокійство утверждающія. Приносишся благодареніе Государынѣ челоѡколюбивой: свидѣтельствуюешь матернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ крошоспѣ. Приносишся благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуюешь безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти и данный Ей отъ Бога мечъ на казнѣ повинныхъ кровію еще нербагранный. Приносишся благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуюешь преизобильное

Часть II.

20

снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, вспоможеніе добродѣтельной скудоси и возстановленіе нещаспїемъ разоренныхъ. Въ прїяшномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращаешся, и опъ одной цвѣтущей добродѣтели опвлекаешся красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны! Изъ всѣхъ явспвущеш, коль благодарень есть корень, опъ копораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произраспиши процвѣшаеш. Изъ всѣхъ доспїинспвѣ Монархини нашея показуешся, коль велики были Ея предки, копорыми оживленная, возспавленная, укрьпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царспвами главу свою возносишь, копорыхъ славныя дѣла и заслуги къ опечеспву неменше надлежащъ къ похвалѣ **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА**, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для спенанія и слезъ пращдвовъ нашихъ прїемлющаго съ вѣнцемъ Царскимъ пѣжкое бремя поверженныя Россїи, обновляющаго разсыпанныя спѣны, сооружающаго разоренныя храмы, собирающаго разсоченныхъ гражданъ, напол-

няющаго расхищеннаго государспвеннаго сокровища, изпоргающаго корень Богоопсупныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву опъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужеспвеннаго АЛЕКСІЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, ушверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, церковь испреблѣніемъ ереси, проспирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревлѣ принадлежація великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; предспавилъ бы я ПЕТРА именемъ ВЕЛИКАГО, дѣлами бѣльшаго, вліянною себѣ опъ Бога премудросію просвѣщающаго Россію и мужеспвомъ вселенную успрашающаго, единою рукою мечъ и Скипетръ обращающаго, къ художеспвамъ проспирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, шрудями рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжеспво и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флопомъ покрывающаго, военные свои законы собспвеннымъ при-

*

мѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою опечесства до небесъ возносящаго; начерпалъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрыя совѣты дающую, вѣнчаему пошомъ Его рукою, и пресѣченныя смертію предпріяшья дѣла многотрудившагося Россійскаго Геркулеса на рамена свои пріемлющую: но слово мое къ собсшвеннымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ испощишь всю свою силу, не изчисляя подробно, но шокмо значнѣйшія предспавляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпыши лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановишаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной, ни успѣ щедрому испочающихъ, ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ челоуѣколюбивая Государыня взоръ свой обращаетъ. Всякъ видишь, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что шакъ ВЕЛИКІЙ ПЕТРЪ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россію;

шакъ произносишь свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ ; шакъ простираешь свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая соорудить полки ко брани и выходишь флоту въ море ; шакъ возносишь главу, възвѣщая въ побѣжденные грады, и побирая поверженное непріятельское оружіе ; шоль бодро шествовала, осматривая свои начинающіяся сѣни, спроящіяся корабли, исправляющіяся суда, и среди моря со дна восплающія пристани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Монархини нашей достоинствъ, но внутрення душевныя шокмо изобразить пошущу Ея дарованія, копорыхъ лику предходишь любезное Богу, любезное человѣкамъ благочестіе, крѣпкое ушверженіе государствъ, красота бѣлицъ Царскихъ, непосшдная надежда во брани, не разрывное соединеніе человѣческаго обществя. Коль великія неспроенія, брани и человѣкоубійства въ народахъ единой крови и одинаго языка опъ раздѣленія вѣры происходяшь ; шоль напрошивъ шого крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаешь ихъ единство вѣры, копорая хощя много ученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляешь. Благо-

получна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуешь, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема великій въ Ней примѣръ къ утверженію въ православіи видишь. Видишь повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія церкви; съ удивленіемъ зриаешь, что шоль многихъ Государствъ Повелительница, кошорой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часпо швердосію вѣры укрѣпляема спрогимъ пощеніемъ и сухояденіемъ шѣло свое изнуряетъ; кошорой нешрко великолѣпныя колесницы и избранныя кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію головы, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляющся сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себя ожидаемъ, когда купно съ нами предспоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужешвенно держаютъ прошивъ сопоспашовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брані, Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе вы-

ходишь! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея Богоугоднымъ присущспвіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ, аки невѣста въ день брачный, поржешсвующая Россійская церковь, блистая порфиною и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышаешся окруженна славою, къ пресвѣтлому жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе, вѣщаешъ: шакъ украшаешъ меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА; украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею доброшою славы: возносишь рогъ мой въ поднебесной; вознеси Ее надъ всѣми обладашелями земными: посѣдаешъ меня посѣщеніемъ усерднымъ; посѣши Ее благодатию швоею неопшсупно: ушверждаешъ столпы мои въ Россіи; ушверди здравіе Ея непоколебимо: спосѣшсешсвуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; спосѣшсешсвуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и зависшливыхъ сопосшашовъ, и благословеніемъ швоимъ и силою швоею свыше осѣни Ея воинштво. Сему священному церкви свяшныя гласу согласуешся всѣхъ подданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочешпивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣ-

лахъ Августѣйшій Единодержица наша естъ предводителъ и защитникъ, и высокою десницею своею управляетъ Ея мужествомъ, копорому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ни опивъ наступающіе неприятели не могли спастъ прошиву. Сіи побѣждены въ едино лѣпо, а оны въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою спражею вѣнецъ опеческій и Скипетръ сильною рукою держимый и великою власію объающую Россію взявъ въ свое повелительство естъ дѣло и мужескому сердцу спрашное и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ опечесства представляетъ всѣ препятства, безъ пролишя крови поржествуетъ, и къ общей нашей радости приемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходишь со креспомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины! Она опеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу возпаляется, они ревностію къ ней пылаютъ; Она исполнишь желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе поя совершивъ поспѣшаютъ; Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролишней побѣды не же-

лаешъ, они всему свѣпу спашъ прошиву за оную усердспвуююшъ. Но что сему послѣдуешъ? Омершвѣли спрегутіе, видя пришеспіе Петровой Дщери, и безчувспвенное оружіе предъ законною своею Государынею изъ препещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣшилса Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіалъ пресполь вступленіемъ, и веселящимся Россіянамъ казалось, что и спѣны Пепровы двигались радоспію оживленны. Ужаснулись шогда вѣроломные Балпійскіе бреги; приспупающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопосшашы оцѣпенѣли, и зависпливый взоръ свой вспашъ обрацая, больше о бѣгспвѣ, нежели о сраженіи помышляли. • Изображалса въ успрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ въ мужеспвенной своей Дщери живущій; предспавлялись имъ опцы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полшавскихъ, и многія пысячи ихъ народа ведомаго въ плѣнъ на опдѣленные половиною свѣша спешп; мечшались имъ горящіе ихъ грады и весп, пригошовленные Россійскія галеры ходпшъ по суху, какъ по морю: россійскія галеры и выѣзжающіе пропшвъ ихъ изъ волнъ морскихъ всадники.

Правда, что побѣждены уже были непріатели при сѣнахъ Вильманспрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопрошвление, и побѣда куплена немалымъ пролипіемъ крови. Но когда Опеческій скипетръ и мечъ приняла мужеспвенная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкопорымъ бурнымъ дыханіемъ возмешаемы непріатели съ шрепешомъ въ бѣгство обрашились; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ сѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ и при рѣкахъ быспрѣми водами спремящихся не шокмо прошивипись не дерзнули, но и оглянупсь на нихъ едва смѣли, видя, что ни шоккія болоша, ни мшиспыя озера, ни спреминны крушыя не могушь преписшвовашь праведному Елисаветину гнѣву и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ шакъ ушѣснены опшвсюду, шакъ окружены были моремъ и землею опш Россійской силы, что ешлы бы не шоль великодушную побѣдипельницу имѣли, шо никшо бы изъ нихъ спасень не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ опечешвѣ ихъ возвѣсипшь было нѣкому, кромѣ звучныя славы ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Сія побѣда шѣмъ паче прочихъ была

предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая крошкѣ Государни нашея нраву, ненавидѣлъ пролипія челоуѣчскія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но покмо продерзкихъ вѣроломцевъ за неисповствѣ наказала. За сродное Государни нашея свойствѣ вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно. Сего не покмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на Опеческій пресполь вспуленія великій примѣръ надъ внушренними сопоспашами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней смущенная Россія, и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣчала: пріими меня въ мапернія Твои обѣщія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ тебѣ бодрымъ опеческимъ духомъ презирай всѣ препяшства. Надѣйся на Бога: онъ праведному Твоему предпріятію предводителъ будетъ. Надѣйся на себя: ты едина истинная Наслѣдница; ты Дщерь моего Просвѣщителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ швоему защищенію, и чрезъ главы и шрупы швоихъ непріятелей опворю путь къ прешполу. Но великодушная Государня

паче изволила наслѣдной своей короны до времени лишаться, нежели оной до-ступашь пролишiemъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдствiя Опечестиву, нежели себѣ величества желая, склонилась къ правленiю, или вѣцше къ со-храненiю государствва. Возшедь на вы-сопу шолкiя власпи, оплучившимъ Ея опъ законнаго наслѣдствва, согрубив-шимъ неисповою гордостiю и безсовѣ-спнымъ упѣсненiемъ огорчившимъ кое мценiе наносишь? По закону Божию, по государстввеннымъ правамъ и по желанiю Россiйскаго народа на люпую смершь и на расперзанiе осужденныхъ шокмо опдаленiемъ опъ пресвѣплаго лица сво-его наказуешъ; недоспойныхъ жизни шокмо самовольныя жизни лишаешъ, и великое возшестствiя своего геройское дѣ-ло украшаешъ крайнимъ своимъ велико-душiемъ, кошорымъ шакъ обильно ода-рена Монархиня наша, что оное въ про-спранной Россiи не вмѣщаешся, но изпе-каешъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швециѣ Ея великодушiемъ; спрашишся Ея непобѣдимыя силы, но больше чудишся великому и благородному духу. Ибо прио-брѣвши шоль великiя преимущества не-побѣдимая Государыня, съ побѣжденными

въ конецъ миръ заключаешь; но справедливѣе оказать, пресупившимъ вину прощаешь. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣешь, и всю свою волю надъ нимъ исполнишь можешь, однако опдаешь все обратно, и уже поверженнаго и пропивившся немогущаго воспламеняешь, шось не больше ли прощаешь, нежели примиряешь? Но даѣе проспираешь прехвальная сія Монархини наша добродѣшель; большій примѣръ великодушія показуешь Россійская Героиня. Ибо не шокмо опспушивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и шисину и земли покоренныя возвращаешь, но и оружіе свое проспираешь къ ихъ защитѣ; опшвращаетъ съ другой спраны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ прешпола купно съ вольностію опшверждаетъ. Сіе разсуждая и взирая на цѣвшущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе пространнаго нашего Опшечества и на умѣренность, съ копорою Государыня наша шоликое множество поклоняющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслишь вамъ, сосѣды наши, чшобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилось? Имѣющая шоликое пространство полей плодо-

носныхъ, болошь ли непроходимыхъ пожелаешь? Проспирающая Скипетръ свой на пропекающія въ Ея послушаніи избилыя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польспишся? Господспвующая въ земли медъ и млеко почашей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирашь будешь? Что, храброе Россійское воинство ко брани успроено, что флотъ готовъ къ покрывію водъ Балсійскихъ, что всѣ военныя приуготовленія успѣваютъ, сіе все не войну оупъ Россіи наносимую предвозвѣщаетъ, но показуешь мремудрость прозорливья наша Героини. Искусный мореплаватель, не шокмо въ спрашное волненіе и бурю, но и во время кропчайшія пишины бодрспвуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смопришь на воспашающія пучи, изчисляешь разспояніе оупъ береговъ, мѣришь глубину моря, и оупъ пошашенныхъ водою камней блюдеши. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА хопя радуясь, взираешь на своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ оупъ ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печешся; ограждаетъ

разпроспертымъ по земли и по морю оружіемъ, и шѣхъ, которые мечемъ не могушь, но мыслями воююшь, пронипапельнымъ окомъ назираешъ; открываешъ попаенныя пихими спруями леспи неприяшельскія коварства; разсуждаешъ о прошедшемъ, разсмаприваешъ насюдящее, будущее предвидишь. Того ради ешъли кпо изъ зависпниковъ благополучія нашего дерзнешъ неисповымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнушь, шо познаешъ о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хоши онъ проспранными морями, великими рѣками, или превысокими горами опъ насъ покрывъ и огражденъ будешъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслишь, что изсякло море, прекрапили печеніе рѣки, и горы опуспившись, въ равныя поля прешворились: помыслишь, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его приспала. Покойся въ радости, возлюбленное опечество, и безмяшежнымъ въкомъ подъ кровомъ премудрыя швоея повелишельницы наслаждайся! Коль безопасно швое благополучіе! Коль несравненно съ прочими швое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины раззоренныхъ опъ

неприятели градовъ своихъ со слезами
взирають; но ты на возходящія къ обла-
камъ новыя великолѣпныя зданія радо-
стный взоръ возводишь. Другіе день и
ночь спрахомъ объявы препенуть, видя
съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ
за другомъ гражданъ и однородную
кровь по спогнамъ проливающихъ; но
ты единокровныхъ сыновъ единыя общія
всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ
украшаешь. Иные опъ пресѣченія ку-
печества, опъ разрушенія художества,
опъ поправа земледѣлства наготу и
алчбу прешерпявають; но въ тебѣ купе-
честву пупи опкрыты, опворены при-
спаны, наполнены богатствомъ поржи-
ща, возраспають науки и художества,
и жишницы твои преизобилують. Иные
хотя опъ военного шума и спраха сво-
бодились, однако видяшь плачевныя слѣ-
ды своихъ сопоспаповъ, и суровой оныхъ
видъ ясно еще изображаешь въ ихъ мы-
сляхъ; но тебѣ въ непрерывной пи-
шинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ
привидѣнійхъ военные спрахи возму-
щаютъ. Сіе твое дражайшее и святое
спокойство опъ единого премудраго по-
печенія прозорливыя твоя Государыни
происходишь. Ея провидѣніе и про-

мысль довольствуешь себя изобиліемъ , увеселяешь общимъ согласіемъ , обогащаешь купечесвомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ , украшаешь возлюбленнымъ миромъ , и громкою своею славою вселенную наполняешь . Сіе совершенное наше удовольствіе , общее увеселеніе , обильное обогащеніе , пріятное украшеніе , сію всемірную нашу славу умножаетъ несравненная Монархія божественнымъ своимъ челоуѣколюбіемъ , когда возвышенная до полюкой высоты власпи и величества , кошорой уже челоуѣческое могущество превзойти не можетъ , крайнимъ къ подданнымъ своимъ снисходительствомъ превышаетъ смертныхъ жребія возходить . Чшо пріятнѣе челоуѣческому сердцу , и чшо чрезвычайнѣе на свѣтѣ бытъ можетъ , какъ Государыню , Повелительницу величайшей части свѣта , оу всѣхъ племенъ и Владыкъ земныхъ почишаемую , ласковымъ взоромъ , кропкою бесѣдоу и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удоспоевающую видѣшь ? Но мы шаковымъ пріятнымъ зрѣніемъ наслаждаемся по вся дни . Опличаешься челоуѣколюбивая Государыня наша оу великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ возрѣніемъ , не

уничтожительнымъ гласомъ , не спрашнымъ повелѣниемъ , но прекраснымъ величествомъ , тихою властью , благороднымъ снисходительствомъ и нѣкопорою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при врагахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужась и препеть , но крошкое челолюбіе , привлекающая сердца всѣхъ милость и надѣжный спрѣжъ Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно , спѣнь самихъ ужасаясь , ниже препещущія споны сомнительно проспирають ; но предворяющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая , въ священные Ея чертоги свѣтлымъ лицомъ шеспвуютъ. Нѣпъ нужды испытавъ сокровенныя ихъ мысли : являешся у каждаго на очахъ красота общаго удовольствія , и на распроспершихъ челахъ радостныхъ сердець знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца взирающихъ на толь снисходительное Величество ! И кое прохладеніе впекаетъ въ кровь оцѣпенѣвающихъ повинныхъ , когда о милосердіи своего Государыни помышляютъ , къ изображенію колпораго челолюбческое слово едва довольно бытъ можеть ! Ничшо естъ толь по-

хвално, какъ крошость, ни единой добродѣтели благоупробія нѣтъ любезнѣ, ничѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощениемъ повинныхъ и освобожденіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣ милость на судѣ хвалятся, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощение тѣснѣ сопрягаются, гдѣ осужденіе и освобожденіе союзнѣ другъ друга лобзаются, какъ предъ Высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА пресполомъ? Пускай другіе, лишая жизни, обагрятъ мечъ свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая предъ народомъ разперзанные человѣческіе члены, успрашатъ злыхъ и пороки изстребятъ щадятъ; но премилосердая Монархія наша больше благоупробіемъ и щедростью успѣваетъ. Пускай другіе ужасными, но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строгою и нерѣдко безчеловѣчною казнію хощатъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Естли кпо, имѣя великій садъ, шолько объ одномъ изстребленіи пернія печется, забывъ плодоносныя древа и прекрасныя цвѣты напаятъ по-

пробною влагою, пошъ не въ долгомъ времени увидишь дрова свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе опъ зноя; напрошивъ шого кпо дрова плодоносныя и процвѣшающія шравы въ приспойное время орошаешь, презирая плевы и шокмо прохожденіемъ попирая, пошъ насладишься изобиліемъ дровъ плодоносныхъ и красною цвѣшовъ возвеселишься, копорые усилившись, изсушають шучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекрапишься шѣхъ ращеніе и корень изплѣешь. Подобнымъ образомъ хошя и полезно ешь шстрогое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели шщепно, и больше приводишь въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляешь: напрошивъ шого награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ при крошккомъ наказаніи пороковъ едино сильно, едино къ исправленію народовъ человѣческихъ довольно: ибо чувшвуя себя презрѣнныхъ и пошранныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистию угрызаемы изшають, или обрившись, ревностнымъ подражаніемъ шого же доспойными себя учинишь шпараться будущъ. Таковымъ благоразумнымъ

милосердіемъ щедрая Государыня въ рас-
проспиряющейся широко Россіи распло-
диль добродѣшель и пороки искоренишь
пщися! Наказуешь маперски, Монар-
шески снабдѣваетъ, исправляетъ безъ
спрогоспи, съ избыткомъ награждаетъ,
воскрешаетъ избавленіемъ пресупив-
шихъ, заслужившихъ благодѣніемъ обо-
дряешь. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА осо-
бливую добродѣшель хоша всякъ вѣрный
подданный, хоша все Россійское Государ-
ство чувствуетъ, хоша повсюду щедрая
Ея рука обильные дары изливаетъ, шакъ
что скорѣе голосъ мой ослабѣешь, языкъ
пришунися и слово оскудѣешь, нежели
подробну Ея благодѣнія изчислишь;
однако учрежденное ошъ дражайшихъ Ея
Родителей сіе собраніе великодушнымъ
щедролубивыя Государыни прирѣніемъ
шакъ удовольствовано и шакъ снабдно,
что крайнѣйшею благодарностію усерд-
ствуя, ни вяцшаго себѣ благополучія
предшавишь, ниже къ засвидѣтельство-
ванію своего удовольствія и рабской ис-
кренности удобныхъ способовъ изобре-
спи можешь. Сіе благодѣніе шѣмъ боль-
ше, шѣмъ преславнѣе и Петровой
Дщери досшойнѣе, что не шокмо до
насъ единыхъ, не шокмо до учащагося

здѣсь юношесства, но до всякаго чина и званія, до всего Россійскаго Государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо непокомо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедропами, иные въ опкровеніи еспешственныхъ шаинъ и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствіи услаждаемся; иные преподавая наставленіе учащимся, съ радостию чувствуемъ являющіеся плоды прудовъ нашихъ; не шокмо учащіеся пишаемы обильною Ея рукою безъ попеченія о своихъ пошребноспяхъ, шолько о наученіи спарашься могушь, но общее благополучіе предлагаешься. Нѣшь ни единаго мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣшь ни единаго человѣка, копорой бы не могъ себѣ ожидашь опъ нихъ пользы. Чшо свящѣе и чшо спасительнѣе бышь можешь, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы его прешоль взирашь мысленно, и проповѣдывашь его величешво, премудрость и силу? Къ сему опшворяешь Аспрономія прешпанное рукъ его зданіе: весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ его многообразную хипрось Физика показуешь, подавая обильную и богашую

матерію къ познанію и прославленію Творца ошь швари. Чшо полезнѣе есть человѣческому роду ко взаимному сообщенію своихъ избытковъ, чшо безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, чшо путешествующимъ по разнымъ Государствамъ нужнѣе, какъ знашь положеніе мѣстъ, печеніе рѣкъ, распояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуесть Географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ: Чѣмъ военныя сердца вяще къ мужественному прошивъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію опечесства побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводить на память Испорія и Спихошворство, кошорѣ прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляесть: обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древноѣсти испоргаются. Чшо превосходнѣе себѣ представить можно, какъ шакое средство, кошорое управляетъ разумъ, показуесть непрелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія спрасши, и естественныя и гражданскіе законы, ушверждаетъ? Сіе исполняетъ

Философія. Чшо естѣ челоувѣку жизни своей дороже и чшо любезнѣе здравія? Обои сіи Медициною сохраняюшся и продолжаюшся. Чшо въ челоувѣческомъ обществѣ нужнѣе естѣ употребленія разныхъ машинъ и знанія внушренняго вещей сложенія? Сіе опкрываетъ Химія; Механика оныя соспавляетъ. Всѣ сіи почною и оспорожною Машемашикою управляюшся. Всѣ къ приращенію блаженства челоувѣческаго хопя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролубивыя Государины нашаа благодѣяніе въ Россіи умножашся, процвѣтушъ, и принесушъ обильные плоды въ свое время. Произраспешъ здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милоспію и напоенное щедрошою достойныа шолікаго Родителеа ДЩЕРИ прекрасное премудрости древо; воспешъ и въшвы свои распроспешъ по всей вселенной. Опверзша богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ копорой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распроспираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу приобряцушъ, и въ новомъ великолѣпії на нечаянной

высопѣ, на самомъ верьху своего совершенства поспавленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оспавлююся ночь варварства изъ самыхъ опдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершишься можетъ звѣздочепная и землемѣрная наука, какъ въ обширной **ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА** державѣ, надъ копорою солнце цѣлую половину своего печенія совершаептъ, и въ копорой каждое свѣсило восходящее и заходящее въ единое мгновение видѣшь можно? Многообразные виды еспешивенныхъ вещей и явлений гдѣ способнѣе изслѣдовашь, какъ въ поляхъ великое свое проспранство различнымъ множествомъ цвѣтновъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ опъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ прошекающихъ, и на многихъ проспранныхъ моряхъ полныхъ дивными Божиими чудесами, подѣ **ЕЛИСАВЕТИНОЮ** державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣспи могутъ, какъ въ проспранной и безмятежной Россіи, прозорливоспію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимой

Ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе ошъ сего Монархини нашей щедролубія во весь свѣщъ распроспра-нишся! О коль вождельнно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые поли-кою милостію щедрья Государыни пи-паемы, въ радоспныхъ шрудахъ упраж-няешесь! Предспавьте себѣ будущее ваше соспояніе, къ кошорому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, чшо Августѣй-шая ИМПЕРАТРИЦА, довольшвуя васъ своею казною, машерски повелѣваешъ: Обучайтесь прилжно: я видѣшь Россій-скую Академію изъ сыновъ Россійскихъ соспоящую желаю; поспѣшайте доспи-гнущъ совершенства въ наукахъ; сего польза и слава ошечества, сего намѣре-ніе Моихъ Родителей, сего Мое произ-воленіе пребуешъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣша по до-сшоинству ПЕТРОВА великая слава. Проспирайшесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ про-спранной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, кошорыя напура обильно произносптъ, лежашъ пошпенны, и шолько искусныхъ рукъ ожидающъ: прилагайте крайнее спараніе къ познанію вещей еспественныхъ, и ревностно спарайшесь

заслужить Мою милость. Сіе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе слыша, держайте, бодрствуйте, успѣвайте въ печеніи вашемъ. И вы, копорымъ входъ къ наукамъ свободно опворень, упошребляйте сію щедропу въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Пепрова, попеченія Екашеринина и Елисаветина великодушія щщетно не оставляйте. Не всеу среди сего царспвующаго града жилище наукамъ воздвигнушо, но чшобы управляющіе гражданскими дѣлами изъ мѣспъ судебныхныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со спѣнъ Пепровыхъ, предспоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣшлаго Ея дома, спроящіе и управляющіе флошомъ Россійскимъ съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечеспвѣ съ судовъ и съ приспанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда, чшо прекрасное сіе Музь жилище къ несказанной нашей и крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоклученіемъ опъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище перемѣнило, на копорое мы едва безъ спенанія и слезъ взирашь можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ

ушѣшеніе, на едино щедролубіе Всемило-
спивѣйшія Государыни нашея уповаемъ,
вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ
таковаго несчастія, которое бы великоду-
шіемъ Ея превышено и щедрою рукою
ошвращено не было. Толь велико есть
щедролубіе несравненныя **МОНАРХИНИ**
нашея! Толикою добродѣтелию украшень
пресполь **Всероссійскій!** Таковыхъ Мо-
нарховъ посылаешь Богъ на землю, когда
онъ смертныхъ милуешь; шоль благоче-
спивыхъ, когда моленія ихъ слышаешь и
приношенія пріимаешь соизволяешь; шоль
мужеспвенныхъ и великодушныхъ, когда
враговъ ихъ повергнуешь и посрамишь
хочешь; шоль премудрыхъ, когда блажен-
ство ихъ умножишь предприемлешь; шоль
человѣколюбивыхъ, шоль милосердыхъ и
шоль щедрыхъ, когда ихъ ушѣшишь,
умножишь и ущедришь преклоняешься!
Красуйся великими сими Вышняго дара-
ми, **ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДА-**
РЫНЯ, и божеспвенными Твоими благо-
дѣянїями увеселяйся! Куда швое пре-
свѣшное око ни обратишь, вездѣ ра-
доспныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ
избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и
шолько милосердіемъ Твоимъ живущихъ,
вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и

Тобою возвышенныхъ видишь. Вся Сѣверная страна хоща во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлѣйшій праздникъ по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, ошь земли плодами, ошь моря богатствомъ, ошьсюду швоимъ щасіемъ изобилующая, многочисленными шоржешвующихъ гласы превозносишь Твое преславное на ошеческій престолъ возшешвіе и оныя восклицанія, кошорыя погда ошь внезапной радости и ошь истинной любви происходили, нынѣ многократно повшоряешъ. Наше неописанное удовольствіе и крайняя благодарносшь хоща никоимъ краснорѣчіемъ изображены бышь не могушь; однако искреннюю ревносшь и рабскую вѣрносшь нашу **ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ** симъ засвидѣтельшвовашъ шщимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божию власшь на земли имѣющіе не сполько на хипрошпленные рипорическія сложенія, сколько на чисное усердіе взирающъ.

PANEGYRICVS
ELISABETAE
AVGVSTAE RVSSIARVM
IMPERATRICI,
PATRIO SERMONE
dictus orante

MICHAËLE LOMONOSOW.

Latine redditus eodem Auctore.

Quodsi hoc illustri solemnique die, Auditores, quo sub faustissimis auspiciis clementissimae Principis nostrae innumerabiles populi, placidissima tranquillitate fruentes, triumphant gaudio, et gloriosissime suscepti haereditarii Imperii suauissima memoria oblectantur, fieri posset, vt nos laetitiae elati, relicta terrarum sede, eo altitudinis pertingeremus, vnde amplissimum Illius Imperium oculis subiicere, et hilarissimas gesticentium voces ab oriente sole ad occidentem personantes, ac FLISABETAM ad sidera efferentes exaudire liceret; quam

pulchrum, quam magnificum, quam iucundum nobis spectaculum praeberetur! Quam multiplici solentium forma perfrueretur animus, si per vrbes firmiter pace, quam muris munitas, perque rura plenis hordeis beatissima, ad maria a bellorum procellis et metu libera, inter amnes amoenissimas ripas ditissimis vndis interfluentes, per campos vbertate et securitate pulcherrimos, per montes sublimius prosperitate surgentes, perque colles laetitia exsultantes, diuersos incolas diuerso ritu, diuersos ordines diuersa pompa, diuersos populos diuersis linguis, vnam efferre laudibus, vnam laetis acclamationibus extollere, per vnam eandemque clementissimam suam Dominam se beatos praedicare, sensu perciperemus! Hinc religiosissimum sacerdotum ordinem cum surgentibus ad coelum thuris odoribus miscere supplices voces et vota pro incolumitate Autocratoris suae protegentis et ornantis alta in pace ecclesiam Dei; inde insonare per aëra sociatos laetissimo pacificorum armorum fragori triumphales plausus Russiaci militis ardentissimum amorem erga felicissimam ac liberalissimam Dominam suam testantis; hic proceres atque ciues festiuum celebrare conuiuium, crebrisque usurpare sermonibus PETRI Magni

labores, quibus vigilantissima eius Filia summam imponit manum; ibi post fertilissimae aetatis sudores, circumcollectas sine strepitu fruges, choros agere ac tripudiare agricolas, et rustico quidem carmine, sincero tamen ex animo Propugnatricem suam decantare; tum nautam fidissima fretum statione superatos procellarum furores laeta memoria repetere, et geminato gaudio diem hunc celebrare; rursus per vastissimos Asiae tractus campestris incolas equitare alacres, missisque mira arte sagittis indicare, quam prompti paratique sint, eas super hostes Dominae suae fundere. Quamvis autem humanae conditionis ratio haud patitur, nos tam sublime euehi, tantique spectaculi varietate recreari, tamen mente exurgimus, et publica gaudia vsquequaque animi oculis contuemur, qui praesertim ad antiquam Imperantium sedem, expectatissima praesentia Serenissimae Imperatricis illustratam respiciunt. Saepius animus noster, perlustrata solennium varietate, qua felicissimum Russiae Imperium hodie exornatur, ad AVGVSTAM conuertitur, et disseminata passim gaudia in serenissimo Illius ore locata reperit. Ex hoc enim veram pietatem delicias Ecclesiae, ex hoc masculinum vigorem militaris incitamentum

virtutis, ex hoc clementem iustitiam exemplum iudicum, et miserorum solamen, ex hoc sapientiam futuri providam et conscientiam remoti, etiam e longinquo lucem suam nobis offundere sentimus; hoc absentes ut praesentes colimus. Sed quis attentiore mentis oculo sanctissimos Illius vultus contemplantur, quam haec, quae ad propagandas in Russia optimas artes atque scientias a PETRO Magno fundata est, Academia, incredibili munificentissimae Eius Eiliae liberalitate restaurata? Non sylvae, non montes interpositi abscondere valent divinam Eius faciem, quae animis nostris infixata est. Obversatur nobis vividissima imago suavissimi oris, erectos nos esse imperantis, et oculorum mitissime nos inspectantium, et munificentissimae manus, prosperitati nostrae subscribentis. Exsuscitare, nascentes Musas erogando largissimos sumtus, stabilire earum securitatem scriptis consentaneis legibus, munire singulari gratia in propriam receptas tutelam, patefacere illis ad se liberiores aditus, demandata earum cura intimorum suorum procerum benevolentissimo, est amplissimum beneficium, cuius memoria nulla oblivione ex animis nostris delebitur; pro quo, adhibito summo ad propagandas optimas artes atque

scientias studio, et orando munificentissimam Dominam laudibus, re ipsa et animo gratissimos nos testari debemus. Quo autem magis tempore aequum est, ad agendas optimae Principi gratias nos excitari, quam solemnissima hac die, Imperio Russiae mascula virtute Illius suscepto illustrissima, ubi singulari gaudio nostro publica celebratio coniungitur. Non se capitoris angustiis tantae laetitiae magnitudo, sed ex ore atque oculis multa et candida prorumpit. Intenduntur summae rationis et orationis vires ad exprimendas vere regias AUGUSTAE virtutes, delicias subditorum, miraculum orbis, gloriam et ornamentum seculi nostri.

Rem arduam, quae modulum ingenii mei excedit, aggredior, cum in hoc nobilissimo atque celeberrimo audientium coetû, tot eruditissimorum virorum nomine, pro incredibili munificentia, maximae inter Dominos terrarum Principi agere gratias atque laudes impertire incipio. Sed quum diligentius expendo, eandem haud ita difficilem invenio. Quod enim dicendi genus uberius invenire eloquentia, qua in re latius diffundi ingenii vires, ubi denique flagrantius spirare devotissimi amoris ardor potest, quam in laudibus tantae Principis

celebrandis? Et hanc meam linguam liberalitate Illius animatam quando flecti promptius, et istam meam vocem munificentia Eiusdem firmatam quando elevari altius par est, quam praedicando divinas Illius dotes? Non verbosa cogitationum exaggeratione amplificata, non exquisito verborum lenocinio compta, non artificioso Rhetorum incessu elevata erit haec oratio mea; sed quidquid fertilitatis, quidquid suavitatis, quidquid sublimitatis aut pompae habebit, id omne ingentibus AUGUSTAE factis, pulcherrimisque Eius virtutibus, atque devotissimo ferventissimoque amoris nostro acceptum feret. Quandoquidem aguntur gratiae Dominae piissimae: testes sunt tot exornatae divorum arae, exstructa templa, tamque crebra ieiunia, supplicationes et peregrinationes ad vota persolvenda institutae; aguntur gratiae Dominae fortissimae: testes sunt tot clarissimae victoriae a domesticis et externis hostibus reportatae; aguntur gratiae Dominae magnanimae: testis concessa illis delictorum et audaciae impunitas; aguntur gratiae Dominae sapientissimae: testis est prudentissime instituta rerum ordinatio ad pacem domi et foris firmandam; aguntur gratiae Dominae mansuetissimae: testis est materna Illius erga sub-

*

ditos comitas et acceptissima lenitas; aguntur gratiae Dominae clementissimae: testis est innumerabilis multitudo liberatorum a mortis poena, et concessus Illi a Deo gladius ad punienda crimina nondum sanguine humano tinctus; aguntur gratiae Dominae liberalissimae: testes sunt amplissimis praemiis ornata fidelitas, honorata praeclearis muneribus merita, erecta opibus egens et fracta calamitate probitas. In amoenissimo, florentissimoque campo animus exspatiatur meus, et inter varios pulcherrimarum virtutum flores ambiguus versatur! Omnes sunt memorandae, amplectendae omnes; ex omnibus elucet, quam nobili stirpe tanta laudum seges sit procreata. Ex omnibus atque singulis AUGUSTAE virtutibus patet Serenissimorum Illius magnitudo Maiorum, quibus resuscitata, elevata, firmata, amplificata, illustrata Russia super omnes terrarum gentes caput suum effert, quorum splendida facinora, magnaue erga patriam merita non minus ad laudes Principis nostrae pertinent, quam Eius procreatio ab illorum sanguine derivatur. Idcirco adumbtarem hic vobis MICHAELEM, tenera in aetate, propter gemitum et lacrimas maiorum nostrorum suscipientem cum regio diademate grave onus prostratae Russiae,

renovantem dirutas urbes, instaurantem
eversas aras, congregantem fugatos et dis-
persos cives, resarcientem direptos Imperii
thesauros, exterminantem nefarios Russiaci
sceptri usurpatores, et Mosquam ab infe-
stissima audacissimorum hominum peste li-
berantem, et a lugubri vastitate revocan-
tem; proponerem vobis prudentissimum et
fortissimum ALEXIUM vigore animi exus-
citare Russiam, iam suos monentem lacer-
tos, firmare fortunam subditorum salutaribus
legibus, exercitum militari disciplina,
Ecclesiam extirpata haeresi, circumferre
victricia arma sua per Sarmatiam, magnas-
que provincias, ad Russiam antiquitus per-
tinentes, iustissimo bello recuperare; redi-
gerem in memoriam vestram PETRUM,
nomine Magnum, rebus gestis maximum,
ut divinae sapientiae lumine illustraret Rus-
siam et fortitudine orbi terrorem iniiceret,
ut altera manu sceptrum teneret atque gla-
dium, altera optimas amplecteretur artes,
et regendi arte omnes terrarum principes,
laborum patientia servus suos vinceret, ut
exterminaret barbariem et introduceret scientias,
ut impleret novo exercitu terras, nova-
que classe maria occuparet, ut bellicas
artes suo stabiliret exemplo, et secum pa-
triam ad sidera extolleret; depingerem vo-

bis Heroida pulcherrimam CATHARINAM Angustam, inter barbarorum incursus, inter fragorem armorum et globorum stridorem immotam animo, sapientissimo Principi sapientissima consilia adferentem, coronatam denique Illius manu, et interruptos morte indefessi Russiaci Herculis labores foemineis, fortissimis tamen, humeris suscipientem; verum tamen ad proprias Autocratoris nostrae virtutes atque pulcherrimas animi dotes festinat oratio mea, in illis solum vires consumtura suas, non equidem singulis enumerandis, sed potioribus percensendis. Quapropter praetereo tacitus excellentem pulchritudinem formae Eius, pulcherrimi indicem animi; non commemoro honorem capitis ad portandum diadema nati, non proceritatem, non firmitatem corporis, principibus decoram, non sacratissimus os, gratiarum sedem, non serenissimos oculos, hilaritatis et solatii fontes. Nam omnibus spectandam se praebeat clementissima Princeps. Spectant omnes et clarissime in animo repraesentant, sic PETRUM Magnum circumtulisse oculos, cum renovari a se Russiam contemplaretur; sic elevasse vocem, cum ad praelia milites, ad laborem subditos exhortaretur, sic extendisse manum, cum instauraret artium scientiarum-

que officinas, cum instrui aciem, vel portu excedere classem imperaret; sic elevasse caput, cum ingrederetur captas urbes, et proiecta hostium arma calcaret; sic erectum incessisse, cum surgere sua moenia, reformari iudicia, aedificari naves, et mediis ex undis arces, atque portus erigi cerneret. Non praedicandis AUGUSTAE speciei miraculis immorabor, verum omnem meam operam conferam ad excellentissimas animi dotes, pulcherrimasque Principis nostrae celebrandas virtutes, quarum ducit chorum suavissimo Deo, suavissima mortalibus pietas, firmum praesidium regnorum, decus et ornamentum diadematum, certissima fiducia in praeliis, arctissimum vinculum societatis humanae. Quam perniciosae turbae, quam cruenta luctuosaque bella inter gentes, cognatione sanguinis et sermonis sociatas, religionis dissidio concitantur, tam stricto amoris nexu coniungit illas unitas fidei, quae multum quidem doctrina, plus tamen exemplis corroboratur. Felix est Russia, quae una lingua unam fidem profitetur, et unius piissimae Principis imperio administrata maximum documentum, et verae devotionis instar, in illa coram constitutum habet. Videt ut sidera caeli collucere ubique divorum aras, sanctissi-

nisque Eius votis in dies magis magisque
clarescere. Saepius miratur tot populorum
Dominam, cui terra, maria et aër in sup-
peditando victu famulantur, fidei constantia
roboratam, parcissimo cibo diuturna ieiunia
solari; eam denique, ad quam portandam
non solum superbi currus et lectissimi equi,
verum etiam humeri cervicesque nostrae
sunt paratae, divino amore excitatam, inter
suos subditos, ad celebrandas religiones,
longa itinera pedibus emetiri. Quanto Dei
amore inflammantur nostra pectora, quanta-
que fiducia gratiam illius nobis expecta-
mus, quando Principem nostram simul no-
biscum adstare altaribus, et devotissimo
animo ardentissimisque precibus sacra pro-
sequi, ante oculos habemus! Quam ani-
mosos et alacres ad conserendas cum ho-
stibus vires praebent se Russiaci milites,
cum persuasum habeant, fortissimum in
praeliis Deum, Deum piissimae suae Do-
minae propitium, pro illis depugnaturum
stare in acie! Quanto gaudio perfundun-
tur sanctissimae religiones acceptissimis Deo
salutationibus Eius celebratae! ornata piis-
simis Illius votis, tanquam sponsa nuptia-
lium celebritate sacrorum, triumphans Rus-
siaca Ecclesia, purpura auroque fulgida,
magis autem laetitiae et gloriae maiestate

eminens, ascendit ad circumfusum divina luce sponsi sui solium, et splendidissimum cultum suum ostentans, sic, inquit, exornat me in terris suavissima tua ELISABETA; exorna sceptrum et diadema Eius decore perennis gloriae: auget dignitatem/meam in mundo; amplifica potentiam Eius super omnes terrarum dominos: visitat me devotissima visitatione; visita Illam semper visitatione gratiae tuae: firmat columnas meas in Russia; firmam ac inconcussam valetudinem Eius conserua: affert mihi opem et auxilium ad conterendam impietatem; affer opem et auxilium Illi ad conterendos superbes et inuidos hostes, et divino tuo numine ac virtute tua desuper tuere Illius militiam. His sacratissimis Ecclesiae vocibus consentiunt omnium subditorum vota. Hinc credimus, invictum illum piorum propugnatorem, gloriae Dominum, in omnibus Principis nostrae consiliis et conatibus ducem et auspicem esse, et altissima dextra sua dirigere Eius fortitudinem, cui non illi, qui insederant atque inveterarant in visceribus Russiae, non qui fines illius oppugnaturi erant, hostes resistere valuerunt. Ad hos enim debellandos unius aestatis curriculum, ad illos vero opprimendos una nox suffecit. Obsessum firmis praefidiis patrium

diadema, fortique manu occupatum sceptrum recuperare, et magna vi praereptum Russiae Imperium redigere in ditionem, est facinus virili etiam animo formidabile, et a magno Heroë vix perpetrandum. At divino Numine excitata Princeps nostra, paruo satellitio fidelium patriae filiorum comitata, obstantia contemnit et vincit fata, triumphum sine sanguine agit et publicum adfert gaudium, haereditatem consecuta. Pulcherrimum admirandumque spectaculum animo praebetur meo, cum mihi repraesento, praeire cum signo Crucis virginem, armatos milites sequi; Illam patria virtute et ardentissima erga Deum pietate, hos devotissimo erga Ipsam amore incendi; Illam ad explenda totius Russiae vota, hos ad exequendam Illius voluntatem festinare; Illam victoriae iam proximam cruentam victoriam abhorrere, hos orbis terrarum potentiam Illius causa oppugnare non dubitare! Quid vero tandem sequitur? Obstupuerunt praesidiorum cateruae, cum PETRI FILIAM venire sentirent, et sensu carentia arma trepidantibus excussa manibus coram legitima Domina sua procubuerunt. Perfunditur lumine Regia, Illa intrante, collustratur thronus, ascendente, et exsultantibus Russiae civibus etiam moenia PETRI se com-

mosse sunt visa. Contremuerunt tum perfida Bothnica littora, et ingruentes finibus nostris superbi hostes repentino terrore exanimati diffidere rebus suis coeperunt, et fugam potius maturare, quam praelium committere cogitabant. Repraesentabant perterritae eorum mentes PETRUM Magnum in fortissima illius FILIA redivivum. Oberrabat illis tristissima et sanguinolenta imago suorum patrum, per Poltavae campos fusorum. Concipiebant animis gentis suae myriades super divisos infinita vastitate interiacentis soli campos duci captivas, flammis corripere urbes et agros, traici siccum pariter ac freta triremibus, erumpere ex mediis maris fluctibus equites. Equidem profligati erant praelio hostes ad Willmanstrandiae muros; ambiguo tamen diu certatum est marte; senserunt strenuae Rusiaci militis manus obstantem pertinaciam, cruentamque palmam obtinuerunt. At quamprimum patrium sceptrum et gladium suscepit Augustissima Virago, tum non secus ac rapacissimo quodam turbine concussi in fugam se coniecerunt, desertisque munitionibus, firmissimis moenibus, praecisis sylvis, et rapidissimis fluminibus, non solum non cogitarunt ea defendere, sed ne respicere quidem sunt ausi, cum metu ab-

iecti cogitarent, nec uliginosas paludes, nec torpentes lacus, nec alta praecipitia remorari posse iustissimam Principis nostrae iram, et impetum fulminei Eius militis. Denique eo angustiarum erant compulsi atque coacti, et victore exercitu ita claudabantur terra marique, ut, si non magnanimae Victricis lenitas illis saluti fuisset, tum nemo eorum mortem effugisset, nec uuncius quidem tantae cladis superfuisset, qui omnium interitum domi prius referret, quam celeberrima Principis nostrae fama id divulgaret. Haec victoria eo fuit maxime memorabilis, quod et Mars ipse mitissimum Principis nostrae ingenium imitari, et humano sanguini parcere videretur, et tota Europa iudicaret Russiam non bello cum hostibus decertasse, sed solum temeritatem poena affecisse. Res sermonibus gentium est percelebrata, magnanimitatem propriam Principis nostrae esse virtutem, qua erga infensissimos etiam hostes suos utitur, cuiusque ante devictos et confusos externos, etiam erga domesticos inimicos magnum exhibuit specimen. Confugit in sinum Illius conturbata Russia, et voce lectissimorum filiorum suorum sic fidem et amorem suum testata est: Recipe me maternos in amplexus Tuos; capesse haeredi-

tarium sceptrum Tuum, et patria virtute animata, omnibus obstaculis esto maior. Pone fiduciam in Deo, qui iustae Tuae causae et salutaribus coeptis aspirabit; pone fiduciam in Te ipsa, quae unica es legitima haeres; et Filia mei sideris; pone fiduciam in me, quae, quidquid firmamenti ac virium habeo, saluti et gloriae Tuae propugnandae impendam, perque concisa hostium Tuorum corpora viam ad solium Tuum recludam. At magnanima Princeps maluit potius haereditate Sua ad tempus privari, quam illam adire profuso sanguine. Tandem vero periculo et nutatione patriae coacta magis, quam maiestatis desiderio mota, accedit ad gubernandum, seu verius ad conseruandum Imperium. Constituta in summa rerum omnium potestate, in eos, qui patria haereditate Ipsam excludere, qui nefaria insectatione affligere, et impudentissimo fastu contemnere non dubitarunt, quamnam vindictam exercet? divina lege atque humana, optatisque Russiae civium ad acerbissimos cruciatus, ad atrocissimam mortem condemnatos, tantum a serenissimo conspectu suo vult esse remotos, et qui vita indigni iudicati sunt, licentiore solum vita privatos vivere iussisse contenta est, et hac moderatissimi

animi gloria magnum suscepti Imperii atque heroicum facinus maius reddit atque illustrius. Haec autem AUGUSTAE magnanimitas tanta est, ut etiam ultra vastissimi Russiarum Imperii fines. ad exteras gentes exundet. Victa est Suecia Illius armis, sed magis victa magnanimitate Eiusdem; stupet invictissimum Illius exercitum, sed magis suspicit generosam animi excellentiam. Quandoquidem acceptis tot commodis totque praerogativis invictissima Princeps cum victis penitus pacem componit, vel, ut verius dicam, veniam temerariis tribuit. Qui omnem hostium exercitum victum comprehensumque, et ex arbitrio suo pendentem tenet, ac ipsum belli impetu perculsum atque prostratum, attollit, nonne is culpam potius remittere, quam pacem componere dicendus est? Sed longius progreditur praeclara haec Principis nostrae virtus, magis illustre exemplum magnanimitatis exhibet Russiaca Herois. Etenim non solum data hostibus impunitate, tranquillissimam pacem et subactas ante armis suis eorum terras illis restituit, verum etiam eadem arma ad ipsos propugnandos extendit; reprimit ingruens illis novum bellum, atque firmata regni haereditate, asserit eorum libertatem. His perpensis, conside-

ratoque florentissimo statu Russiaci Imperii, et ubertate amplissimae Patriae nostrae, perspectaque lenitate, qua clementissima Princeps nostra tot adorantes Ipsam populos moderatur, num etiam existimatis, finitimae gentes, generosum Illius animum ad vindicandas sibi alienas terras esse pronum? Invasne paludes concupiscet, quae tot longe lateque patentes fertilissimos campos possidet? torpentiumne stagnorum desiderio afficietur, quae super tot amnes, vastissimo Nilo ampliores, uberrimis undis in obedientia illius profluentes, sceptrum suum extendit? et quae in terris lacte et melle affluentibus dominatur, rupesne et saxa sterilia requiret? Quamvis enim strenuissimum Russorum exercitum ad arma capienda prociunctum, classemque ad frangendos Balticos fluctus instructam esse, omnem denique militiae apparatus adornari non ignoratis, eo tamen non bellum cuiquam comparari, sed securitati nostrae a Sapientissima ELISABETA provideri intelligite. Peritus nauta non furentibus solum fluctibus et procellis, verum etiam, cum mitissimum coelum sit, vigilat, firmat armamenta, vela expedit, observat sidera, coeli vicissitudines animadvertit, in distantiam littorum computatione inquit, pertentat altum maris, et scopulo-

rum fraudem evitare curat; simili ratione Sapientissima ELISABETA quamvis laetissimis oculis videt suos subditos carissima, quam illis attulit, pace frui; verum tamen etiam futurae eorum indolentiae prospicere non desistit; tuetur illos explicato terra marique exercitu, eosque, qui armati nobis sunt impares, animo bellum gerentes acutissima mente observat; scrutatur profundos cogitationum recessus, ubi placida quiete clandestinus dolus adumbratur; expendit praeterita, praesentia discernit, ac praevidet futura. Itaque si quis prosperitati nostrae invidens eo insolentiae furorisque processerit, ut amantissimam pacis Principem nostram excitet ad iram; nae ille, sive interfuso mari, sive vastissimis amnibus, aut denique montium praecipitiis defenditur, vigilantissima Illius cura omnia persapienter provisum experietur, indignationemque Eius sentiet ita, ut poena percussus, interceptum esse mare, exaruisse amnes, et montes in apertas planities subsedisse, nec classem Russiacam, sed terras nostras sibi illatas arbitretur. Fruere suavissimo otio tua, carissima patria, et sub auspiciis sapientissimae Autocratis tuae tranquillissimi seculi utere deliciis. Quam segura est felicitas tua? Quanto multis aliis populis es bea-

tior? Quidam enim luctu perditum fumantes urbium ruinas respiciunt; tu vero surgentia ad nubes magnifica tecta laetis metris oculis. Alii concitatam civium multitudinem dies noctesque stricto ferro concursare et germanum sanguinem per viarum compita profundere, trepidantes spectant; tibi vero unanimi obedientia coniunctissimi communis omnium Parentis et Dominae filii augment ornamenta. Plerique interrupta mercatura, disturbatis opificiis, desertaque agricultura, fame confecti algent; at tu apertam undique mercantibus viam, patentes portus, foraque ditissimis mercibus plena habes; tibi artes atque scientiae vernant, tibi horrea frugibus exuberant. Alii denique quamvis belli strepitu ac horrore iam liberati sint; luctuosa tamen vestigia hostis sui exhorrent, et ferocissimus illius adspectus adhuc illis ante oculos versatur: te autem in secundo vitae sine ulla offensione cursu nec per somnium oblatis praeliorum terrores turbant. Haec carissima, sanctissimaque otia sapientissimae tuae Principis cura tibi fecit. Illius providentia atque consilium auget tuas opes, afficit te publicae concordiae voluptate, locupletat imperturbata agriculturalum mercatorumque diligentia, exornat incundissima pace, et inclyta no-

minis tui fama orbem terrarum replet. Hanc consummatissimam indolentiam nostram, atque communem voluptatem, haec amplissima opum incrementa, iucundissima ornamenta, hanc denique celeberrimam gloriam nostram auget atque cumulat incomparabilis Princeps nostra incredibili mansuetudine sua, cum in summo rerum humanarum fastigio constituta, inusitata erga subditos suos comitate supra mortalium sortem evecta videatur. Quid enim pulchrius, quidve iucundius visu, aut quid minus usitatum est, quam terrarum Dominam, ab omnibus gentibus Principibusque venerandam, blando adpectu, placido colloquio et clementissima conversatione servos suos dignari videre? at nos tanti spectaculi voluptate saepissime fruimur. Discernitur mansuetissima Princeps a frequentissima circumstantium subditorum multitudine non fastuoso obtutu, non indignabunda voce, non minaci imperio, sed acceptissimo Maiestatis decore, mitissima auctoritate, generosa popularitate, et divino quodam numine, ineffabile gaudium pectoribus nostris inspirante. Versatur prae foribus sanctissimae Illius domus non terræ trepidus, sed mitissima mansuetudo, devincens sibi omnes clementia, et fidissimus Maiestatis

custos amor: populi. Hanc ingrediētes non timidos oculos circumferunt continuo; parietum etiam conspectū perturbati, sed praecurrentem sibi laetitiam consecrando sacratissima alacres subeunt limina. Nec operta mentium rimari necesse est; extat in vultu cuiusque hilaritatis publicae decus; et in serenis frontibus animorum indicia praeleguntur. Quam iucundissimo sensu perfunduntur pectora eorum, qui tam comem Maestatem intuentur! Quanto solatio recreantur pavidi sontes, cum clementissimae Elisabethae misericordiam animo expendunt, quam nulla vis dicendi complecti potest! Nihil est tam laudabile, quam lenitas, nulla ex virtutibus misericordia est gratior, nulla re homines propius ad divinam naturam accedunt, quam salutem hominibus et sontibus impunitatem dando. At ubi clementia in iudicio magis praedicatur, ubi iustitia et misericordia strictius coniunguntur, ubi convictio atque venia arctius sese amplectuntur, ubi denique condemnatio et liberatio coniunctus sese exosculantur, quam coram celsissimo Augustae Elisabethae solio? Occidant alii, ut velint, cives suos, eosque ad pauciores redigant, tingant ferrum sanguine, et discerpta hominum membra populo spectanda obiciant, eoque

*

terrere improbos et scelera exterminare contendant; clementissima tamen Princeps nostra misericordia et liberalitate plus proficit. Statuant alii terribilia ad perducendos homines ad frugem exempla; sed illa iucundissimis feliciter idem exsequitur, cum virtutem beneficiis propagare studeat. Si quis horti cultor, de frugiferis florentibusque plantis irrigandis minus sollicitus, sola zizania excindere curat, is flore et fructu brevi se frustratum sentiet; contra qui fructiferas arbores et nascentes flores humore perspergere tempestive studet, despiciendo lolium, et transitu solum calcando, is ex floribus voluptatem, ex fructibus utilitatem capiet, cum fructuosae interim arbores auctis suis viribus succum et nutrimentum noxiis germinibus subducant, ariditate ac putredine ab stirpe interituris. Ita quoque licet utile sit legibus in scelera animadvertere, tamen, nisi etiam virtus iusto ornatur praemio, vix alicuius fructus est: cum eo bonorum animi magis percellantur, quam mali cogantur redire ad frugem. Contra, cum honoratur muneribus virtus, cum praemio afficiuntur merita, id solum, levior sit licet transgressorum punitio, sufficiet ad corrigendos hominum mores. Nam cum senserint se despectos et afflictos improbi,

cumque eohonestatam virtutem iusta sua mercede frui intellexerint, tum vel invidia confecti concident, vel converso animo a vitae pravitate, simili laudis honore dignos se praestare operam dabunt. Huiusmodi prudentissimo consilio utitur clementissima Elisabeta, quo in vastissimo Imperio suo virtutem propagare et scelera extirpare atque exterminare curat; castigat ut mater, ut Princeps afficit praemiis, emendat absque severitate, ex abundanti confert munera; resuscitat errore lapsos, salutem illis impertiendo, accendit muneribus bene meritam virtutem. Quamyis autem tantam Augustae liberalitatem quilibet fidelis subditus, omnisque Russia experiatur; quamvis munificentissima Illius manus passim largissima distribuat munera; tamen instaurata a carissimis Parentibus Eius haec Academia, in tantum a magnanima Domina sua locupletata est, ut nec maiorem felicitatem desiderare, nec ad testandum gratissimum devotissimumque animum apta satis verba reperiri posse arbitretur. Hoc autem beneficium eo est maius, eo splendidius et Filiae Petri convenientius, quod non solum ad hanc societatem, non tantum ad consecratam studiis hanc iuventutem, sed ad cuiusvis ordinis atque conditionis cives,

totumque Russiarum Imperium, atque adeo ad universum genus humanum spectat. Quandoquidem non solum nos, sustentati Augustae liberalitate, quidam in perscrutandis naturae mysteriis, mirabilibusque operibus sapientissimi Creatoris contemplandis, operam nostram collocamus, alii instituendo studiosam iuventutem, germinantem iam segetem, laboribus nostris responsuram, laeti sentimus; non solum discentes largitate Autocratoris nostrae nutriti, omnibusque necessitatibus provisi, unice litterarum studio invigilare possunt; verum publica felicitas proponitur. Non locus est ullus in Russia, a Petro illustrata, ubi non fructum ferre possint scientiae; non homo est unicus, qui non commoda sibi ab illis praestolari queat. Quid sanctius, quidve magis salutare esse potest, quam perpendendo Dei opera, altissimam gloriae eius sedem mentis oculis contueri, ac maiestatem, sapientiam et potentiam eiusdem depraedicare? Hunc autem in finem patefacit Astronomia vastissimum eius opificium, mundum hunc adspectabilem, et stupendorum illius operum multiplex artificium ostendit Physica, atque uberrimam materiam offert ad cognoscendum et celebrandum Creatorem ex operibus eius. Quid † utilius

humano generi est ad communicanda mutua commoda, quid navigantibus tutius, quid magis commodum peregrinantibus, quam novisse situm locorum, fluviorum cursum, distantias urbium, amplitudinem, ubertatem et confinia regionum, mores, consuetudines, regiminaque populorum? haec clarissime ostendit Geographia, quae universi terrarum orbis vastitatem uni conspectui subiicit. Quid ardentius militares animos ad splendida facinora et ad patriam ab hostium impetu strenue propugnandam accendit, quam magnorum exempla Heroum? horum vero memoriam repetit Historia atque Poësis, quae vivis coloribus depicta praeterita, ut praesentia ante oculos sistit; utriusque beneficio celebranda magnorum Principum facta ex voracissimis invidiosae vetustatis faucibus eripiuntur. Quid excellentius mente concipi potest, quam id, quod dirigit rationem, rectam monstrat voluntati viam, compescit affectus, et naturae atque civitatis leges firmat? at id Philosophia praestat. Quid homini vita sua est carius, quid iucundius sanitate? utraque tamen prorogatur et conservatur opera ac praesidio Medicinae. Quid fructuosius est in republica machinarum usu, et cognitione interioris cor-

porum mixtionis? Hanc recludit Chymia, Mechanica illas componit. Omnes circumspecta atque considerata Mathesi diriguntur; singulae ad promovendam humani generis felicitatem, diversis quamvis modis, communi tamen fructu atque emolumento inserviunt. Omnes autem inusitata munificentissimae Principis nostrae liberalitate propagatae florem fructumque ferent tempore suo. Adolebunt hic iacta a Petro, munita gratia et irrigata largitate dignae tanto Parente Filiae scientiarum semina in felicissimam segetem, cuius fertilitas per orbem terrarum exuberabit. Patefactus est largissima Augustae manu spatiosissimus in Russiam Musis introitus; ubi opibus potentes et securitate fretae, nova incrementa, novum decus, novamque sibi gloriam consequentur, novoque splendore nitentes, praeter opinionem, in summo perfectionis fastigio constitutae, orbi terrarum spectandas sese praebebunt, et pleno suo lumine reliquam barbariei noctem ex remotissimis et vix fama notis regionibus dissipabunt. Ubi enim expeditius absolvi potest siderum et terrarum orbis scientia, quam in amplissimo Elisabetae Imperio, in quo dimidium sol peragit cursum, et luminaria singula ortum atque occasum simul oculis

usurpandum exhibent? Multifaria rerum et phoenomenorum facies ubi tanta varietate ac frequentia naturae scrutatoribus occurreret, quam in Russiae campis, quorum spaciosissima planities multiplici florum varietate superbit; aut in montibus ultra nubium tractum exporrectis, opibusque referatis; sive in amnibus, ab aestuosa India ad perpetuas nives aeternamque glaciem decurrentibus, denique in variis iisque vastissimis maribus, quae plenos mirabilium Dei operum fluctus sub Elisabetae sceptro devoluunt? Quod tandem hospitium securius reperire possunt Musae, quam longe lateque patens Russiae Imperium, providentia Augustae ab armorum strepitu remotum, et invictissimo exercitu Illius praemunitum? Quam amplum beneficium ab hac Augustae munificentia universus terrarum orbis accipiet! Quam exoptatissima prosperitas vestra, Russiaci iuvenes, qui tanta liberalitate Illius sustentati iucundissimis studiis operam tribuitis! considerate futuram prosperitatem vestram; animos venerabundi ad id advertite, quod Augustissima Imperatrix, erogando in vos sumptus amplissimos, clementissime iubet: Incumbite in litterarum studia: videre enim Russiacam Academiam ex civibus meis com-

positam cupio; festinate ad consummandum scientiarum cursum: id enim honor et emolumentum Patriae, id consilium meorum Parentum, id voluntas Nostra requirit. Non proditae sunt litteris Maiorum meorum res gestae, nec Petri gloriosa facta pro dignitate sunt decantata: conferte omne studium ad conquireddas ingenii opes, ad patrium sermonem excolendum; in vastissimo Imperio Nostro pretiosissimi thesauri, quos natura uberrime profert, in obscuro iacent, et peritioris manus scrutationem operiuntur: impendite indefessum laborem ad cognoscenda rerum naturalium arcana, atque his studiis gratiam nostram mereri contendite. Hoc clementissimo Augustae mandato accepto, pergite alacres, properate stadium laboris vestri. Vos autem, quibus ad Musarum sacra patet aditus, utilitati liberorum vestrorum prospicite; et Petri consilium, Catharinae curam, atque liberalitatem Elisabetae infructuosam vobis esse nolite. Non enim sine industria et consilio in media civitate sua serenissimi conditores Musarum sedem positam esse voluerunt; sed ut exercentes iudicia de tribunalibus, sagati de summis PETRI moenibus, purpurati ex Augustissima Regia, ii, qui classes instruunt, de navium tabulatis,

mercantes e foro atque portu, scientiarum et artium officinam etiam inter exequenda negotia sua haberent ante oculos; amarent atque suspicerent. Equidem pulcherrimum hoc Musarum domicilium repentino fato, quod nobis fuit summae sollicitudini, et foedissima flamma in luctuosum horrendumque spectaculum commutatum, vix sine gemitu et lacrymis praeterire, aut contueri possumus; hunc tamen doloris atque aegritudinis sensum sola Principis nostrae clementia minuit, in sola liberalitate Illius omnem spem nostram ponimus, qui compertum habemus, nullam tam atrocem calamitatem, tamque adversam fortunam contingere nobis posse, quae non magnanimitate Eius victa, et liberalissima manu propulsata esse queat. Tam inusitata est atque inaudita beneficentia Principis nostrae! Tanta virtute ornatur Russiacum solium! Istiusmodi Principes impertitur Deus terris, cum est mortalibus propitius; tam pius atque devotos, si precibus illorum annuere, nec dona vult aspernari; tam fortes, tamque magnanimos, si hostes illorum conterere atque confundere apud se statuit; tam sapientes, si prosperitatem eorum amplificare instituit; tam denique mansuetos, tam clementes, tamque liberales, si illos consolari, mul-

tiplicare atque opibus cumulare destinat. Fruere itaque tot divinis muneribus, clementissima Princeps, et beneficentissimo ingenio Tuo oblectare. Quocumque serenissimos Tuos oculos circumfers, ubique explicatas subditorum Tuorum frontes, ubique animi Tui generositate salutem consecutos, et per solam clementiam Tuam spiritum suum ducentes, ubique largissimis Tuis beneficiis ornatos atque elevatos conspicis. Tota septemtrionis regio, quamvis quolibet tempore, praesertim tamen celeberrimo isto die, post elapsam fertilissimam aetatem, decurrente beatissimo autumnno, a terra ubertate, a mari divitiis, undique felicitate Tua affluens, concordissimis feriantium populorum vocibus gloriosissime susceptum Patrium Sceptrum Tibi gratulatur, atque illos plausus, quos tunc inopinatum gaudium, et ardentissimus amor tulit, creberrime repetit. Devotissimus vero amor noster et gratissimus animus quamvis nulla dicendi vi nulloque eloquio exprimi possit; verum tamen, quantum in nobis situm est, id testari muneris nostri ducimus, praesertim cum persuasum habeamus, Deo atque iis, qui vim, et numen illius in terris tenent, puram devotamque mentem magis acceptam esse, quam meditatam orationem.

С Л О В О

Похвальное блаженныя памяти Государю Императору ПЕТРУ Великому, говоренное Апрѣля 26 дня 1755 года.

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское Государство Всемилоспивѣйшія Самодержицы нашей празднуя, Слушашели, подобное видимъ къ Ней и къ общему опечесству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи опеческаго доспоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предназначеномъ царства; преславно на пресполь возшесвіе покровеннымъ свыше мужеспвомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе опеческаго вѣнца съ чудными побѣдами опъ руки Господни. Хопя бы еще кому сомнишельно было, опъ Бога ли на земли обладатели посшавляющъ, или по случаю державы досшигающъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашей увѣришься о шомъ должно, видя, что Она уже шогда избрана была владычеспвовашъ надъ нами. Не аспрологическія сомнишельныя гаданія, опъ положенія планетъ произведенныя, ниже другія по шеченію напуры бывающія чере-

народа! Въ шебѣ, дражайшее отечество, въ шебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и брашноубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чуждому языку, и на пораженное глубокими язвами швое плѣло наложилъ тяжкія вериги! По шомъ степенаніемъ швоимъ и воплемъ предложенный послалъ шебѣ храбрыхъ Государей, свободишелей ошъ поработенія и шомленія, кошорые соединивъ швои раздробленные члены, возвратили шебѣ и умножили прежнюю силу, величештво и славу. Не меншаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета; но большаго удивленія досшойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бывающъ бѣдспвеннѣ наружныхъ: такъ и въ нѣдрахъ Государства воспишанная опасность вредишельнѣ внѣшнихъ нападеній. Удобнѣ наружныя язвы исцѣляющся, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи ошъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго съ удивишельнымъ крющагося внутрь вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ, прошивное находимъ.

Тогда для изцѣленія ранъ наружныхъ обогрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, сколько и Агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ помлений испребила въ крашкое время, и болѣзнующее опечесиво яко бы единымъ божешвенною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ; *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Оттряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ предспавляють намъ, Слушатели, воспоминаніе погдашней радости! Но оныя усугубляюцца, когда помыслимъ, что мы не шокмо опъ ушѣсненія, но и опъ презрѣнія погда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не опзываюцца ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его шруды и заслуги не воздають должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на пресполь опеческій; Она опсавлена, не помогають; Она опринуша, не возвращають; Она пренебрегаема, не оп-

мицающъ. О коль великъ спыдъ и посмѣ-
янiе! Но несравненная Героиня возше-
спвиемъ своимъ опныла помошенiе опъ
сыновъ Россiйскихъ и предъ всемъ свѣ-
шомъ оправдала, что не нашего усердiя
не доспавало: но сносило Ея великodu-
шiе; не наша ревность оскудѣвала: но
Она не хотѣла пролишiя крови; не
нашему малодушiю оное приписывашъ
должно; но Божескому промыслу, кошо-
рый благоволилъ показашъ шѣмъ свою
власшъ, Ея мужество, и нашу радость
усугубишъ. Таковыя благодѣянiя усшро-
илъ намъ Вышнiй вспуцленiемъ на оше-
ческiй пресшоль Великiя Елисаветы!
Чтожь нынѣшнiй праздникъ? Верьхъ и
вѣнецъ преждереченныхъ! Вѣнчалъ Господь
Ея чудное рожденiе, вѣнчалъ преславное
возшеспвiе, вѣнчалъ бесприкладныя добро-
дѣтели. Вѣнчалъ благодашию, ободрилъ
благонадѣжною радостiю, и благословилъ
громкими побѣдами, возшеспвию Ея по-
добными. Ибо какъ внушреннiе враги
побѣждены безъ пролишiя крови; шакъ и
внѣшнiе съ малымъ урономъ преодошны
были.

Облачается Монархиня наша въ Пор-
фиру; помазуешся на Царштво, вѣнчаешся
сѣ, приемлешъ Скицешрь и Державу.

Радуюшся Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняюшъ; ужасаюшся сопоспашы и блѣднѣюшъ; уклоняюшся, даюшъ хребетъ Россійскому войску, укрываюшся за рѣки, за горы, за болопа: но вездѣ ушѣсняешъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; опѣ единого Ея великодушія ослабу получаюшъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вождельниному событію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго своего Родителя даешъ Государямъ Короны, успокоиваешъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаешъ Россійское наследство; изшекаешъ золото и серебро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляюшся подданные опѣ шягосшей; земля не обагрѣетъ Россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства, умножаешся народъ, и доходы приращаюшъ; возвышаюшся великолѣпныя зданія, исправляюшся суды, насаждаюшся науки среди государства, повсюду возлюбленная пишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуешъ.

И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержден-

ное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ , и украшенное преславными дѣлами опеческое Царешво возвысила; по по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная наслѣдница. Слѣдовательно похваляя ПЕТРА , похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки предшавивъ славу Его ясными изображеніями , давно желали въ нарочномъ поржешвенномъ собраніи превознести несравненна дѣла своего основателя : но вѣдая , коль великое искусство пребуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ Героѣ должно предлагашъ, чего о другихъ еще не слышано. Нынѣ въ дѣлахъ ему равнаго : нынѣ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчій, копорымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пущишься въ шолікую глубину ихъ множества и величества. Однако наконецъ разсудилось лучше въ краснорѣчій, нежели въ благодарности показашъ недоспашокъ ; лучше съ произносимыми ошъ усердной простоты . разговорами соединишь искренностию украшенное слово, нежели молчашъ между шолікими празднешвенными восклицаніями , наипаче , когда Всевышній Господь всѣхъ поржешивъ нашихъ красоту усугубилъ , по-

славъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевожде-
лѣнный залогъ своея къ намъ Божеспвен-
ныя милоспи, копорую въ продолженіе
Петрова племени почишаемъ. И шакъ
оснавивъ боязливое сомнѣніе, и успу-
пивъ ревностной смѣлоспи мѣспо, сколь-
ко ешь духа и голоса, должно упопре-
бипь, или паче изшощипь на похвалу
нашего Героя. Сіе предпринимаа, ошкуду
начну мое слово? ошь шѣлесныхъ ли Его
дарованій? ошь крѣпоспи ли силъ? Но
оныя явспвуютъ въ преодоленіи шрудовъ
шяжкихъ, шрудовъ неизчешныхъ, и въ
разрушеніи ужасныхъ преяшшвій. Ошь
Геройскаго ли виду и возраста, съ вели-
чешвенною красошою соединеннаго? Но
кромѣ многихъ, копорые начершанное въ
памяши его изображеніе живо предспав-
ляютъ, удосповѣряютъ разныя государ-
спва и города, копорые славою Его
движемы, во срѣшеніе спекались, и дѣ-
ламъ Его сошвѣшспвующему и великимъ
Монархамъ приличному взору чудились.
Ошь бодроспи ли духа пріиму начало?
Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе,
безъ копораго не возможно было произ-
веспи дѣль шоль многихъ и великихъ.
Того ради непосредшвенно присшупаю

къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принявъ начало, нежели конца доспигнуть; и что великій сей Мужъ ни ошъ кого лучше похваленъ бытъ не можешь, кромѣ шого, кто подробно и вѣрно пруды его изчислишь, ешъли бы шолько исчислишь возможно было.

И шакъ сколько сила, сколько крашкостъ опредѣленнаго времени позволишь, важнѣйшія шокмо дѣла Его упомянемъ; но шомъ преодошныя въ нихъ сильныя препяшшвія; наконецъ его добродѣтели, въ шаковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмошрѣлъ за необходимо нужное дѣло, шобы всякаго рода знаніе распросранишь въ опечеспвѣ, и людей искусныхъ въ высокыхъ наукахъ, шакже художниковъ и ремесленниковъ размножишь; о чемъ Его опечеспкое попеченіе шоя прежде сего мною предложено, однако ешли оно ешъ описашъ обшояшельно, шо цѣлое мое слово ешъ къ шому не досшанешъ. Ибо не одношратно облешая на подобіе орла бышпропарящаго Европейскія государствя, ошъ часши повелѣнемъ, ошъ часши важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое

множество своихъ подданныхъ оставивъ на время опечество, и искусствомъ увѣришься, коль великая происходитъ польза челоѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда ошворились широкія враша великія Россіи; тогда чрезъ границы и приспани на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, по выѣжающіе для приобрѣшенія знаній въ равныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, по приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранными, безреспаннымъ несли движениемъ. Тогда Математическому и Физическому учению, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфиною, увѣнчанному лаврами и на Монаршескомъ престоли посажденному, благоговѣное починаніе, въ освященной Цепровой Особи приносилось. Таковымъ сіаніемъ величества окруженны науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываютъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи просвѣщенія предки наши не шокмо лишались, но о многихъ и понятія

не имѣли. Коль многія нужныя вещи , которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили , нынѣ внутрь государства производятся , и не только насъ довольствуютъ , но избыткомъ своимъ и другія земли снабждаютъ! Похвалялись некогда окрестные сосѣди наши , что Россія , государство великое , государство сильное , ни военного дѣла , ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можешь , не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не только драгихъ металловъ для монетнаго чеканенія , но и нужнѣйшаго желѣза къ пригошовленію оружія , съ чѣмъ бы спашъ прошивъ непріятеля. Изчезло сіе нареканіе ошъ просвѣщенія Пепрова : опровержшы внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы , и не только внутрь государства обильно распространяются , но и обратнымъ образомъ , яко бы заемные внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаешь мужественное Россійское воинство прошивъ непріятеля оружіе , пригошовленное изъ горъ Россійскихъ Россійскими руками.

О семъ для защищенія опечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль спремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе, шому всему когда надившись довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженный памяти Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ между многими преславными дѣлами положилъ начало регулярнаго войска, кошораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ Польшу и пріобрѣтенныя обратно къ Россіи провинціи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣлось. Возвратились спаринные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многочислствѣ, нежели въ искусствѣ показашъ могло свою силу, кошорая сколько до шомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Ташаръ бесполезныхъ военныхъ предпріятій, а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагуб-

ныхъ стрѣлечкихъ возмущеній, оупъ немѣня порядочной расправы и расположенія произшедшихъ. Въ шаковыхъ обшояшельсшвахъ кшо могъ помыслишь, чшобы двенадцати лѣпъ Опрокъ, ошлученный оупъ правленія государства, и шолько подъ премудрымъ покровишельсшвомъ чадолубивыя своея Родишельницы оупъ злобы защищаемый, между безпреспанными справами, между копьями, между мечами, на Его родсшвенниковъ и доброжелателей и на Него самаго обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, кошораго могущесшво въ скоромъ послѣ времени почувсшвовали неприятели, почувсшвовали и воспрепешали; и кошорому нынѣ вся вселенная по справедливоспи удивляется. Кшо могъ помыслишь, чшобы оупъ дѣшской, какъ казалось, игры шоль важное, шоль великое могло возраспи дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, чшо сіе одна Ему шолько была забава, и пошому сіи новонабранные люди Пошѣшными назывались. Нѣкошорые имѣя большую прозорливосшь, и примѣшивъ на юношескомъ лицѣ цвѣшущую геройскую

бодрость, изъ очей сіяющее оспроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворощливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набрашь многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовашь всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучишь новому аршикулу, завести по правиламъ аршиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе Геометріи, Механики и Химіи пребудешся, и паче всего имѣшь во всемъ искусныхъ начальниковъ, казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ по потребностяхъ знашной недоспашокъ и лишеніе Государевой власти опирали послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по томъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, прошиву невѣроятія оставившихъ надежду и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависши загремѣли внезапно новые полки Пешровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ прошивныхъ спрахъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче

всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенашъ Римскій на Траяна Цесаря, споящаго предъ Консуломъ, для приняшя ошъ него Консульскаго до-споинспва, возгласилъ: *Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты великественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому бышь долженспвовали для Его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли ошцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидашовъ Римскаго Консульспва, но межъ рядовыми солдашами; не власти надъ Римомъ шребующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣспа прекрасны, мѣспа благополучны, кошорыя шоль чуднымъ зрѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружеспвенному неприяшельспву полковъ единаго Государя, начальспвующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взяшю домашнихъ новыхъ крѣпоспей не для насшоющя корышти, но ради будущя славы; не для усмиренія сопрошивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учиненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣпа, предспвляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю

воспалалось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ споломъ шую же приемлющаго пищу, видя лице его пылью и попомъ покрышое, видя, что опъ нихъ ничѣмъ не разнишя, кромѣ того, что въ обученіи и въ прудахъ всѣхъ прилѣжиѣ, всѣхъ превосходиѣ. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Моцархи ничѣмъ шакъ величешва, славы и высопы своего доспоиншва прирашпиш не могушъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воиншво, и въ двадцашилѣшную войну съ короною Шведскою и по помъ въ другіе походы наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подѣ Нарвою сраженіе было неудачливо; но прошивныхъ преимущешво и Россійскаго воиншва усшупленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше опъ зависпи и гордоспи увеличены, нежели каковы были самою вещью. Ибо хощя Россійское войско было по большей часпи двулѣшнее прошивъ спараго и къ сраженіямъ приобкшаго; хощя несогласіе учинилось между нашими

полководцами, и злохитрой перемешчикъ открылъ неприятелю всѣ обшояпельства нашего стана; и хопя Карль вшорыйнадесять скоропоспѣжнымъ наше-спіемъ не даль времени Россіянамъ носпроишья : однако они и по ошспупленіи опняли у неприятеля смѣлоспъ продолжашъ бой, и докончашъ побѣду, шакъ что ошавшаяся въ цѣлоспи Рос-сійская Лейбгвардія и немало прочаго войска за шѣмъ шолько напасшъ на не-приятеля не опшажилосп, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распусшивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію воз-врашилосп. Что сія неудача больше для показанныхъ нещасливыхъ обшояпельствъ, нежели для нешкусства войскъ Россійскихъ приключилася, и что Пешрово новое войско уже въ младенче-ствѣ своемъ могло побѣждашъ привыкшіе полки прошивныхъ, доказали въ слѣдую-щее лѣшо и по шомъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нинѣ мирные сосѣди ! когда вы сіи похвали

военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства надъ вами услышите, не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо спояшь долгое время прошивъ Петра Великаго, прошивъ Мужа, посланнаго опъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ бышь опъ Него побѣжденнымъ, ешь славнѣе, нежели побѣдишь слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайше по справедливости испинною своею славою храбрось Героя вашего Карла, и по согласію всего свѣша ушверждайше, что едва бы кто возмогъ успояшь предъ лицомъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ опечесвѣ нашемъ прошивъ его воздвигнушь Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ успроенные полки, воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль горяча ихъ ревность, какво въ военномъ дѣлѣ искусство, приобрьшенное опъ премудраго наспавленія и примѣра. Оспавляя многочисленныя побѣды, кошорыя Россійское воинство сраженіями числншь приобыкло, не упоминая великаго множества взявшихъ городовъ и швердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное

свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подѣ Лѣснымъ и подѣ Полпавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь свою на насъ милоспѣ? Гдѣ явспвеннѣ опкрылось, коль сильны имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Пешрово? Чшо сего чуднѣ, чшо невѣрояшнѣ могло воспослѣдовать? Войско къ регулярспву давно пріобыкшее изъ обласпей непріательскихъ, дерзоспшо къ бою славныхъ приведенное, подѣ предводительспвомъ начальниковъ въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабдѣнное уклоняется опъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они не дая сопротивнымъ опдохновения, быспрымъ печеніемъ поспигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводительспель съ малыми оспашками едва плѣненія избылъ, чшобы принесли своему Государю плачевныя вѣспи, которыми хопя онъ сильно возмутился; однако мужеспвственнымъ и спремительнымъ духомъ бодрспвуя, еще поощрялся прошивъ Россіи; еще не могъ увѣришься, чшобы малолѣшное войско Пешрово могло успоашь прошивъ его возмужавшей

силы, наступающей подъ его самага предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадѣживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнился вступити въ Украинскіе предѣлы нашего опечесства. Обращалъ высокоумными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быти подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе прудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенною побѣдою надъ симъ презришаемъ его раченіемъ, копорой прошиву своего чаянія не шокмо очевиднымъ былъ свидѣшаемъ невѣроятныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнути мечшающейся въ мысляхъ спройной храбрости Россійской.

Толь знапными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что онъ сіе больше для нашей безопасности учредити спарался! Ибо непошкмо узаконилъ, чтобы оное никогда не распукашъ, ниже во время безмятежнаго мира, какъ шо при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ немалому упадку могущества и славы опечесства, происходило; но и содержашъ всегда въ исправной гошовности. О истинное опеческое

Часть II.

25

попеченіе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чшобы шоль великимъ прудомъ и съ шоль чуднымъ успѣхомъ предпріятное обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое шо всерадоспное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должныя ему шишулы *Императора, Великаго, Отца отечества* приносились; не преминулъ подшвердишь публично Правительствующему Сенату, чшо надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, чшо ему сіи высокіе шишулы не были пріятны безъ наблюденія и содержанія впредь всегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пуши силы Пешровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, просшремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушашели; посмопримъ шамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, **ПЕТРОМЪ** показанныя, и свѣшь удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не оповсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя приспани едва вмѣщаютъ судовъ множеству; индѣ спонутъ волны подъ пягосью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ шихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ доешигнувъ спокойнаго приспанища плавашель, удаленныхъ спранъ избытки выгружаютъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новыя Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ посѣщаютъ для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плынь держаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочеть соединить восшокъ съ западомъ. Откуда поликая слава и сила Россійскихъ флотовъ по шоль многимъ морямъ въ крашкое время распространилась? откуда матерія? откуда искусство? откуда машины и орудія нужныя въ шоль трудномъ

и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горы превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ спроенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разнovidныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, лепящихся чрезъ волны? Таковымъ бы испинно вымысламъ чудная поспѣшность Пешрова въ сооруженіи флота приписалась, еспьли бы шакое невѣроятное, и выше силъ человѣческихъ бышь являющееся дѣло въ опдаленной древности приключилось, и не было бы въ швердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изъяпія дошповѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, опъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не лзя опредѣлить, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше шруда положилъ ПЕТРЪ Великій. Однако о помъ нѣшь сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неушомимъ, въ обоихъ превосходень. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ суши, не шокмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ масперства и работы испышалъ собшвеннымъ искус-

спвомъ, дабы ни надъ кѣмъ не просмо-
прѣшь упущенія должності, и ни опъ
кого излишества свѣще Филъ не пошре-
бовать. Подобнымъ образомъ и во фло-
пѣ, не учинивъ опыта, ничего не оспа-
вилъ, въ чемъ бы полько Его проница-
пельныя мысли, или шрудолобивыя руки
могли упраздниться. Съ шого самагдъ
времени, когда онаго, вещью малаго бо-
шника, но дѣйствіемъ и славою великаго,
изобрѣшеніе побудило неусыпный духъ
Пешровъ къ полезному раченію основать
флопъ, и на морской глубинѣ показать
Россійское могущество, усремилъ и
распросперъ великаго разума своего силы
во всѣ важнаго сего предпріятія часши.
Копорыя разсмапривая, увѣрися, что
въ шоль шрудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣшь
не возможно, ежели онъ самъ довольнаго
въ немъ знанія не получишь. Но гдѣ
оное постигнушь? Чшо Великій Госу-
дарь предпріемлетъ? Чудилось прежде
безчисленное народа множество, спек-
шееся видѣшь восхищающее позорище
на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Ге-
рой, едва выступивъ изъ лѣпъ младен-
ческихъ, въ присущствіи всего Царскаго
дома, при знапныхъ чинахъ Россійскаго
государства, и при знапномъ собраніи

дворянства, по радующихся, по поврежденія здравію Его боящихся, спрудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ масперъ, копая рвы, и вавозя землю на разкапы, какъ рядовой солдапъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учишель и просвѣщитель. Но вѣщшее возбудилъ удивленіе, вѣщшее показалъ позорище предъ очами всего свѣша, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, попомъ на большей ширинѣ озеръ Росповскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря увѣрять о несказанной пользѣ мореплаванія, оплучился на время изъ своего государства, и сокрывъ величество своея особы между проспыми рабочниками въ чужой земли корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіанинъ шоль скоро не шокмо проспой площнической работѣ научился, не шокмо ни единой часпи къ спроенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, кошорой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архисекпурѣ шоликое приобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольшвовашь

Его глубокаго понятія. Потомъ коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не проспой по былъ Россіянинъ, но самъ шоль великаго Государства Обладатель къ шягоспнымъ шрудамъ просперъ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но шолько ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи доспитъ совершенной теоріи и практики къ сооружеію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не шокмо повелѣнемъ и награжденіемъ; но и собшвеннымъ примѣромъ побуждалъ къ шрудамъ поданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь шаспливые берега, освященные Пешровыми шюпами и пошомъ Его орошенные! Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда шяжкіе къ сосшавленію корабля приугошвленныя члены, нерѣдко шихо опш работающихъ движемье, наложеніемъ руки Его къ скорому шеченію усшремлялись, и оживленное примѣромъ Его множештво съ невѣрояшною поспѣшностію совершало великія громады! Коль чуднымъ,

и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались спекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! когда неусыпный ихъ основатель и строитель многокрасно по наверху оныхъ, по подь ними обращаясь, по кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу машинъ, всѣхъ предосторожностей почность, и усмопрѣнные недоспапки исправляя повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неупомимыхъ рукъ своихъ посѣшнымъ искусствомъ! Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ прудѣ посполнствомъ баснословная древнихъ посѣшность не вымыслами, но правдою во дни Пепровы показалаь.

Коль радостны были великому Государю шолікіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмопрѣнь можно, что не шокмо воздаяніемъ удовольствоваль спопрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показаль преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскія спруи судами и флагами; не вмѣщаютъ бреги великаго множества спекшихся зршелей; колеблеться воздухъ и

спонешъ опть народнаго восклицанія, опть шума весель, опть шрубныхъ гласовъ, опть звука огнедышущихъ махинъ. Какое щасіе, какую радосшь намъ небо посылаешъ? Кому на срѣшеніе Монархъ нашъ съ шаковымъ великолѣпіемъ выходишь? Вешхому бопику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флосъ! Предспавивъ сего величеспво, красоспу, могущеспво и славныя дѣйспвія, и купно онаго малосшь и худосшь, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвеспи не было возможно, кромѣ исполинской смѣлоспи въ предпріяшій, и неупомимой въ совершеніи бодроспи Пешровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ зацщпникъ!

Опть крашкаго сего и часпъ нѣкошорую шрудовъ Его содержащаго изчисленія уже чувспвую упомленіе, Слушашели; но великое и проспранное похваль Его вижу поле предъ собою! И шакъ, дабы къ совершенію печенія слова моего силы и опредѣленнаго времени дошпало, упошреблю возможную поспѣшносшь.

Къ основанію и произведенію въ дѣйспво шоль великой морской и сухо-

пушной силы, сверхъ сего къ спроенiю новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенiю рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленiю пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ поль часпымъ и дальнимъ походамъ, къ спроенiю публичныхъ и привашныхъ зданiй новою архишекпурою, къ сысканiю искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распроспраненiя наукъ и художеспвъ, на содержанiе новыхъ чиновъ придворныхъ и шпашскихъ, коль великая казна шребовалась, всякому ясно предспавишь можно и рассудишь, что къ тому не могли достпашь доходы Пешпровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложиль спранiе, какъ бы внушреннiе и внѣшнiе государспвенные сборы умножишь безъ народнаго раззоренiя. И по врожденному своему просвѣщенiю усмошрѣль, что не шокмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуешъ; но и общее подданнымъ спокойшво и безопасносшь единымъ учрежденiемъ ушвердишся. Ибо когда еще не было число всего Россiйскаго народа и каждаго человекъ жилище извѣспно, своевольспво не пресѣчено, каждому, куда хочешъ, преселишся и спранспвовашъ

по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы беспыдною и шапашеюся нищетою; дороги и великія рѣки нерѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, ошъ которыхъ не шокмо села, но и города раззорялись. Преврашилъ премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣносшь въ прилѣжаніе, раззорипелей въ защишниковъ; когда изчислилъ подданныхъ множесшво, ушвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣспную подашь; чрезъ чшо умножилось и учинилось извѣспное количесшво казенныхъ внушренныхъ доходовъ и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжаніе и спроеое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обшояшельспвахъ ошались вредными грабиселами, принудилъ гошовыми бышь къ смерти за ошечесшво.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомощесшвовали, о шомъ умолчеваю; упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промышль спосшвешесшвоваль добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Пешровымъ: ошворилъ рукою Его новыя присшпани на Варяжскомъ морѣ при городахъ храбросшю

Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнувшихъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И пакъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Чтожь? уже ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размысленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сенапа, Свяшѣйшаго Синода, Государственныхъ Коллегій, Канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламенами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ для оказанія заслугъ и милости; наконецъ полишика, посольства и союзы съ чужими державами: бы все сіе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ умахъ вашихъ представше. Мнѣ шелько

оспаешся предложить едино крапкое все-го изображение. Когда бы прежде начала Пепровыхъ предприятийъ приключилось кому оплучиться изъ Россійскаго общества въ опдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде шакая земля естъ на свѣтѣ; попомѣ бы возврапясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архипектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско, всѣхъ сихъ не шокмо иной образъ, но и печеніе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмошрѣлъ перемѣну: что бы тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ спранспованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ столь крапкое время общими силами человѣческаго рода; или шворческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтаешся ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почши шѣнь едину Пепровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова видѣшь можно, коль они велики! Но что сказать о спрашнхъ и опасныхъ препяшствіяхъ бывшихъ на пупи исполинскаго Его печенія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено шако-

вымъ перемѣнамъ состояніе человеческое, что изъ благополучныхъ прошивныхъ, изъ прошивныхъ благополучныя слѣдствія рождаются. Что приращенію нашего благополучія могло бытъ сего прошивнѣе, когда Россію обновляющему ПЕТРУ и купно опечесству извнѣ нападенія, извнутри огорченія, оповсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдствія приугошлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну опягощали, которая еще прежде начала своего начала бытъ вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ опечесства съ великимъ посольствомъ видѣтъ Европейскія государства, позналъ ихъ преимущества, дабы возвратясь, употребилъ ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешель владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и пайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣшу извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали спруи Двинскія, и будущему своему Повелишелоу, между гусшымъ льдомъ, къ спасенію опъ успроенныхъ коварспвъ, спезю опкрыли, и преодоленныя имъ

опасности Балтійскимъ берегамъ, разли-
ваясь, возвѣспили. Избывъ ошъ опасно-
сти, поспѣшалъ въ радостномъ пупи
своемъ, довольствуя очи и сердце, и обо-
гащая разумъ. Но ахъ! неволею пре-
сѣкаетъ свое преславное печеніе. Ка-
кую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ
одной спороны влечешъ любопышество и
знаніе опечешву нужное, съ другой спо-
роны само бѣдспвующее опечешво, ко-
порое къ Нему, къ единому своему упо-
ванію, просперши руки восклицало: Воз-
вратися, поспѣшно возвратися: меня
перзаюшъ внушрь измѣнники! Ты спран-
спвуешъ для моего блаженспва: со бла-
годареніемъ признаваю: но прежде укро-
пи свирѣпыхъ: Ты распался со своимъ
домомъ, со своими кровными для при-
ращенія моей славы: съ усердіемъ почи-
паю: но успокой опасное неспроеніе:
оспавиль данный Тебѣ ошъ Бога вѣнецъ
и скипетръ, и проспымъ видомъ скры-
ваешъ лучи своего Величешва для мое-
го просвѣщенія: съ радостною надеж-
дою иного желаю: но опшраши мрачную
грозу неспокойспва съ домашняго гори-
зонпа. Такими движеніями сердца прони-
цаешъ, возвратился для уполенія спраш-
ныхъ бури! Таковыя пропшвности вое-

пящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими опшсуду окружень былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе воспочные народы, Опшпоманская Порца; извнутри спрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домъ опъ самыхъ ближнихъ, опъ своей крови злодѣйства, ненависти, предашельства на дражайшую жизнь Его приугошворялись. Чшо все подробно описашъ прудно и слушаешъ не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обрапимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣшь всѣ тяжкія препяпствія, и Россію возвысипъ. Споспѣшешвовалъ Его благочешію, премудрости, великодушію, мужешву, правдѣ, снисходишельству, прудолобію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріяпяхъ извѣспна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушапелъ шокмо предспоялъ божешвенной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе предспоящихъ своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государскаго мѣша съ проспыми пѣвцами на ряду споялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочешія; но единъ нынѣ довлѣпелъ. Выѣзжая въ срѣшеніе

шѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ спруи Невскія. Чудное видѣніе! Гребушь Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляешь, и къ просыхъ людей спруду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки просшираешь, вѣры ради ея укрѣпляясь, избыль многокрашнаго спремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полпавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному мешалу! Разсыпалъ предъ Нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую спѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочеспіемъ одарилъ Богъ несравненною премудроспію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпришворная въ словахъ краткосць, въ изображеніяхъ шочность, въ произношеніи сановитосць, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума поспоянство! Черезъ сіи Пешровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки

и художества, учреждены посольства и союзы, опшращены хипрые умыслы нѣкопорыхъ державъ прошивъ нашего Ошечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена опнятая неприяшelmi корона. Изо всего предреченнаго довольно явспвующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивиль вселенную, симъ усшрашилъ прошивныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показаль при военныхъ обученіяхъ безспрашiе. Когда всѣ смошришели новаго дѣла, мешанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія; младый Государь въ близости смошрѣшь всѣми силами порывался, и слезами своея Родительницы, прошеніемъ брашнимъ и знашныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Сшранспвуя въ чужихъ государствяхъ для ученія, коль многія презираль опасости для обновленія Россіи! Плаваніе по непосшоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много крапъ морскія волны возвышая гордые верьхи свои, непревращной смѣлости были свидѣшели, быспрошекущимъ флопомъ разсѣкаемы, въ корабли

ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху мешаломъ въ едину опасность совокуплялись, Его не успрашили! Кто безъ ужаса представишь можешь лепящаго по полямъ Полшавскимъ въ успроенномъ къ бою-своемъ войскѣ ПЕТРА, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго. И пы знойная Персія ни быспрыми рѣками, ни попучими болошами, ни спремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми испочниками, ни разкаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препяшишь нашесствію нашего Героя, не могла удержашъ поржесшвеннаго вѣзда въ наполненные пошаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ города.

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ для крапкосши не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присущствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодушіе великимъ Героямъ сродное, кошорое украшаетъ побѣды, и больше движешъ сердца человѣческія, не-

жели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣешь участіе храбрось воиновъ, споможеніе союзниковъ, мѣспа и времени удобность, и больше всего присвояешь себѣ счастье, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителей все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣюшь въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человеческими счастье ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любятъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Оплагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не шокмо изъ непріятелей никшо живопа лишенъ не былъ, какъ полько противъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажише Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія, препоясаны были подпясами противъ насъ мечами своими; ожидая посаженія въ пемницы, посажены были за споломъ Побѣдителямъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно естъ правосудіе. Первое званіе поставленныхъ опъ Бога на земли обладашелей сспъ управляши міръ въ преподобіи и правдѣ, награждашь заслуги, наказываешь пресшупленія. Хоши военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препяшшвовали Великому Государю ушпановишь во всемъ непремѣнныя и ясныя законы; однако сколько на шо шрудовъ Его положено, несомнѣнно удосповѣряюшь многіе указы, ушпавы и регламенты, копорыхъ сосшавленіе многочисленныя дни опдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончышь и привесши къ совершенству судиль Бога подобной паковому Родишелю Дщери въ безмяшежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хоши ясными и порядочными законами не ушверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хоши не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милосшь на судѣ хвалилась въ самыхъ шѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препяшшшвующія злодѣянія къ строгосши принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажеть.

Проспивъ многихъ знашныхъ особъ за шяжкія преспуленія, объявилъ свою сердечную радость пріаіемъ ихъ къ сполу своему и пушечною пальбою. Не ошягощаешъ Его казнь спрѣлецкая. Предспавше себѣ, и помыслише, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролипа неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачущъ вдовы, рыдающъ сироты, воющъ насилуванныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приспавлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града спрансповалъ. Нынѣ полезное мое пушешествіе пресѣкли, вооружась явно прошивъ опечества. За все сіе ежели не опмщу, и конечной пагубы не пресѣку казню, уже вижу напередъ площади наполнены шруповъ, рашащаемыя дома, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ споронъ объемлему пламенемъ, и любезное опечество повержено въ дымъ и въ пепель. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ възыщешъ. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ спрогоспи.

Ничѣмъ не могу я больше доказать Его милоспиваго и кропкаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительспвомъ къ Его подданнымъ. Превосходень дарованіями, возвышенъ величеспвомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часпо межъ подданными своими проспо обращался, не имѣя великаго и монаршеское присущіе показующаго великолѣпія и работльпшва. Часпо пѣшему свободно было проспо вспрѣшпшсья, слѣдовашь, ипши вмѣспшъ, зачасъ рѣчь, кому попотребуется. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили; Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и опдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и проспопа не унижала важности. Какъ ожидаль, принималъ и вспрѣчалъ своихъ вѣрныхъ, какое увеселеніе за споломъ Его было! Спрашиваешь, слушаешь, опвѣчаешь, разсуждаешь какъ съ друзьями; и сколько время споло малымъ числомъ пицей сокращалось, сполько продолжалось снисходительными разговорамъ. Межъ споль многими государспвенными попеченіями

жилъ какъ съ пріятельми въ прохлажденіи. Въ колы малыя хижины художниковъ вмѣщаль свое Величество ; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ. Колы часто съ ними упражнялся въ художествыхъ и въ шрудыхъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ шому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За опдохновеніе почтшала Себѣ шрудовъ своихъ перемѣну. Не шокмо день или шпро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными шрудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имѣ учрежденныя, въ Его присущствіи дѣла вершили. Различныя художества не шокмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали ; публичныя шпроенія, корабли, присшани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ шрудѣ ободришеля, въ совершеніи наградишеля. Чшожь Его путешествія, или лучше, бышпроарящія лешанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуешь Балшійское море; едва пушь Его скрылся на водахъ

Азовскихъ, уже шумящъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рень и прочія, скажите, сколько много краше вы удостоились изображать видъ Великаго ПЕТРА въ спруяхъ вашихъ? Скажите: я не могу изчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смопримъ, по какимъ пушамъ онъ шествовалъ, подъ копорымъ древомъ имѣлъ опдохновеніе, изъ копорого изпочника уполялъ жажду, гдѣ съ просыми людьми, какъ просой рабшникъ, прудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерпалъ корабли, приспани, крѣпоспи, и гдѣ между шѣмъ какъ пріапелъ обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣшила печеніемъ, какъ море приливомъ и опливомъ; пакъ Онъ попеченіемъ и шрудами для насъ былъ въ не-преспанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ шрудными разсуденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при спроеніи городовъ, приспаней, каналовъ между безчисленнымъ народа множеств-

вомъ; я межъ спенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу въ пошѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣришь, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ, но многіе; и не крапкая жизнь, но лѣшь пысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладашелей великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многія государсва; но свое опечество безъ призьрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего чесполобія, и вмѣсто шріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего опечества. Иной многими добродѣшелями украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержашъ шягосши падающаго государсва. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господшвовалъ; но къ земли прішпашъ спрашился. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако челоуѣческаго до-

споянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не упошреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и пошъ недоспащочень. Чшо въ двѣспи пящдесащъ лѣщъ опъ первой Пунической войны до Августа Непопы, Сщипіоны, Маркеллы, Регулы, Мешеллы, Капоны, Суллы произвели: шо ПЕТРЪ сдѣлалъ въ крапкое время своея жизни. Комушь я Героя нашего уподоблю? Часпо размышлялъ я, каковъ Топъ, копорой всесильнымъ мановеніемъ управляешъ небо, землю и море; дхнешъ дукъ его, и пошекушь воды; прикоснешся горамъ, и воздымашся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества посщигнушь не могушь! Обыкновенно предспавляюшь его въ человѣческомъ видѣ. И шакъ ежели человѣка Богу подобнаго по нашему понящю найши надобно, кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣшаю.

За великія, къ опечесщву заслуги названъ Онъ Опщемъ Опечесщва. Однако малъ ему пишущъ. Сщажите, какъ Его назовемъ за шо, чшо Онъ родиль Дщерь всемилосщивѣйшую Государыню нашу, копорая на Опеческій престоль мужесщвомъ всщущила, гордыхъ враговъ

побѣдила, Европу усмирила, благодѣянiями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ Боже, награди Господи за великіе труды Пешровы, за попеченіе Екашеринино, за слезы, за воздыханіе, копорыя двѣ Сеспры, двѣ Дщери Пешровы, разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ къ Россіи благодѣянiя, награди долгоденспвіемъ и попомспвомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчноспи и Героевъ блиспаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь пвоя царспвуешъ; Внуку Наслѣдникъ; Правнуку по желанію нашему родился, мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарноспи недоспойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

PANEGIRIQUE
DE
PIERRE LE GRAND

prononcé .

dans la Séance publique de l'Académie
Impériale des Sciences, le 26 Avril
1755.

PAR MR. LOMONOSOW,
et traduit

sur l'Original Rusien par Mr. le Baron
de TSCHOUDY.

Aux acclamations de la joie qu'inspire justement à nos coeurs l'Anniversaire du Couronnement de notre gracieuse Souveraine, dont nous célébrons aujourd'hui la fête, mélon, chers Auditeurs, mélon les actes d'une vive reconnoissance pour l'être suprême, dont cette heureuse époque manifeste si authentiquement la clémence pour toute la patrie et pour notre Auguste Princesse. Admirons sa naissance, admirons la conquête, qu'Elle a fait du trône paternel; le doigt de Dieu marque visiblement ces deux événements. Naissance surprenante, puis qu'elle fut accompagnée de la prédi-

ction qu'Elle regneroit un jour, prédiction justifiée par Son avènement au trône; la valeur l'y conduit, la prudence l'y soutient et le ciel Lui promet d'éclatantes victoires. Quels sujets d'allégresse pour nous! Le hazard ne fait point les Monarques; le ciel forme à son gré ces fronts Augustes qu'il destine à porter le poids d'une couronne; c'est une vérité incontestable, la naissance de notre grande Princesse suffiroit seule pour résoudre les doutes, s'il en restoit encore à cet égard. Elle nâquit pour régner, tel fut le présage heureux qui orna son berceau: présage qui ne dut rien aux futiles conjectures de l'Astrologie judiciaire, rien aux commentaires prophétiques des scrupuleux observateurs de la nature et de ses phenomenes; mais qui prit toute sa force, tout son crédit dans les plus sensibles témoignages de la providence. Pierre triomphe à Pultava; Ses ennemis succombent, et cette fameuse victoire reçoit un double éclat par la naissance de Son Auguste Fille: Elisabeth semble nâître en même tems pour aller au devant du vainqueur qui rentre triomphant à Moskou. A des traits si frappants peut-on méconnoître l'ouvrage de la providence? peut-on être sourd à la voix qui crie au fond de

nos coeurs: „Voici l'accomplissement de la „prospérité que je vous ai promise par les „augures qui l'ont précédée.“ Il réduit les ennemis, qui lui résistoient au dehors; Il détruit les traîtres, qui le menaçoient au dedans; Elisabeth est née pour de pareilles victoires. Pierre ne revoit Ses états qu'après avoir remis la couronne sur la tête d'un Prince légitime; Elisabeth ne paroît sur la scene du monde que pour revendiquer le trône qui Lui appartient. Pierre écarte de la Russie les dangers qui la menaçoient; Il la sauve d'une dévastation prochaine; Il fait succéder les cris de la joie à ceux de la terreur; Elisabeth par Son avenement au trône écarte les liens, qui peut-être alloient nous opprimer; nous sauve du désespoir, et fait succéder les accens du plaisir aux larmes ameres du regret. Le triomphe de Pierre est orné d'une foule de prisonniers que Sa générosité avoit autant vaincus que Son courage. Le trône d'Elisabeth est entouré d'un monde de sujets, que Son humanité, Sa modestie, Sa liberalité captivent. Prodiges de la suprême sagesse, chers Auditeurs! parités admirables! rapports heureux! une naissance! une victoire! la mere et la patrie délivrée; les cérémonies sacrées du bâ-

teme; les apprêts brillants du triomphe; des langes et des lauriers; les cris d'un enfant, les acclamations d'un peuple, quel tableau! tant d'augures n'annoncoient-ils pas à Elisabeth les vertus et la Couronne de Son Pere?

Mais suivons, Messieurs, suivons l'enchainement des bienfaits de la providence: voyons la conduire au thrône le nouveau chef d'œuvre de sa toute-puissance; ce souvenir est trop précieux pour échapper jamais à notre mémoire. Notre Héroïne guidée par le ciel, animée d'un courage plus qu'humain, entreprend avec force, sauve l'Empire, renouvelle sa gloire, consume les grands desseins et les exploits de Pierre, avance la prospérité de la plus grande partie de l'univers, et rend la joie à nos coeurs. S'il est grand de conserver un seul homme, combien ne l'est-il pas de sauver une nation entiere? Chere patrie! tu en es l'exemple. Le ciel irrité par nos dissensions internes, par les brigandages et les fraticides de nos ancêtres, t'avoit autrefois soumise au joug de l'étranger, abâtue, affoiblie, tu languissois sous le poids de tes fers et de tes mauvais: touché de tes gémissemens, de tes larmes, de tes regrets, ce même ciel enfin t'accorda des Princes

courageux, qui mirent fin à ton esclavage, réunirent tes membres épars, et te rendirent ta première vigueur, ta majesté et ta gloire. Une rechute plus terrible te menaçoit encore, lorsqu'Elisabeth conduite par Dieu même au trône paternel te relève par des moyens encore plus admirables.

L'état est comme un corps, que les maladies internes affectent plus dangereusement que les playes extérieures; le mal nourri au sein de la patrie est plus préjudiciable que les attaques du dehors. A de grands maux, de grands remèdes, leur difficulté semble croître à proportions des risques. Cependant si nous comparons les moyens, par lesquels la Russie a échappée à l'oppression des Barbares avec ceux, dont s'est servi l'illustre Elisabeth, pour extirper le mal qui couvoit dans le sein de Son Empire, nous les trouverons infiniment plus doux et plus humains. C'est aux dépens des jours des vainqueurs et des vaincus que nos Princes ont racheté leur patrie; les champs et les rivières, théâtres du carnage, ont été teints du sang des ennemis et de celui des citoyens: la généreuse Elisabeth au contraire dont la clémence abhorre les victoires cruelles, a su sans nous affaiblir, déraciner le principe

du mal, qui déjà n'avoit que trop gagné ; Elle a sans perte et presque sans effort ranimé notre languissante patrie : un seul mot, un mot divin prononcé par cette vertueuse héroïne, a presque seul opéré ce prodige. Je crois l'entendre encore, oui Messieurs, je La vois, je l'entens, Elle ordonne : „Leve-toi Russie,“ nous dit - Elle, „Leve - toi, marche, bannis tes doutes et „tes craintes, livre toi à l'espérance et à „la joie , pare - toi, fleuris et triomphe!“ Telle est, chers Auditeurs, telle est l'espece d'enthousiasme, où nous ravit le souvenir de cet heureux moment : concevons en bien tout l'avantage, il nous a rendu notre liberté ; il nous a rendu l'estime des autres nations. Avant cet événement, méprisés du reste de l'Europe, taxés d'une lâche et infidèle indolence, que pensoient de nous les autres peuples ? leurs discours ne sont-ils pas encore présents ? Russiens ! Russiens ! disoient - ils , vous avez oublié Pierre le grand, vous avez oublié Ses travaux, vous avez oublié Son mérite, vous manquez de reconnoissance pour votre second créateur, pour votre père : ingrats ! on éloigne sa fille du trône, et vous ne l'en rapprochez pas ; on l'abandonne, et vous ne la secourez pas ; on l'oublie, on la néglige, et vous ne

remettez pas entre Ses mains votre gouvernement Son héritage! on La méprise, vous ne La vangez pas! Quelle honte! quelle tâche! mais l'incomparable Elisabeth seule ouvrière de Sa juste élévation, passe l'éponge sur ces tems nébuleux et presque flétrissans pour nous. L'univers aujourd'hui cesse d'imputer à notre pusillanimité le délai d'un regne si glorieux et si utile, il voit que la seule générosité de cette Héroïne imposoit à l'ardeur que nous avions de verser tout notre sang, pour la rétablir dans Ses droits. Ressorts ingénieux de la providence qui vouloit ainsi manifester son pouvoir, développer le courage mâle d'Elisabeth, et combler nos vœux et nos desirs, en la plaçant au trône paternel. La solennité de ce jour nous retrace cette favorable époque. Le tout-puissant préside à la naissance d'Elisabeth; il répand ses graces sur Elle; il protege Son enfance, forme Son coeur, y fait germer les vertus, la recompense enfin et la couronne; il bénit ce glorieux événement, il le décore de plusieurs victoires aussi glorieuses que cet événement même, et double ainsi la source de nos espérances de notre joie et de notre bonheur, en détruisant les projets odieux des ennemis

intérieurs, et reprimant, sans qu'il en coule de sang, les audacieuses entreprises des ennemis extérieurs.

C'est ici, Messieurs, que l'on peut observer, c'est ici que commence le glorieux parallèle de Pierre le grand et de Sa fille. Elisabeth revêtue de la pourpre, le front ceint du bandeau sacré prend enfin le sceptre et le globe impérial; l'air retentit des cris de l'allégresse publique; la joie de la Russie répand l'allarme parmi l'ennemi; il pâlit; il prévoit sa défaite; il croit s'y soustraire en cherchant derrière les montagnes, les fleuves et les marais un abri contre l'aigle Russe, leurs légions sont placées aux nôtres; fieres du nom qui les commande, fortes par la main qui les dirige, nos troupes vont enfin donner des lois à leurs adversaires étonnés; ceux-ci céderont à la générosité de la puissante Elisabeth plus encore qu'à la vigueur de ses armes victorieuses. Les oracles de la providence en annonçant Son règne, annonçoient aussi tous ces triomphes. Fidèle Imitatrice du grand Prince dont Elle est Fille, Elle protège et donne des couronnes; amie sincère de la tranquille paix, Elle distribue à toute l'Europe la bienfaitrice olive. Tout concourt à seconder Ses

soins, la terre ouvre son sein pour enrichir l'Empire par la découverte abondante des plus précieux métaux, l'or et l'argent végetent pour le soulagement des sujets, ils sont délivrés d'impôts, le sang Russien n'est plus répandu ni dans l'état, ni pour sa défense, le peuple s'accroît avec les revenus; de superbes édifices embellissent les villes; la justice reprend son cours, les Tribunaux leurs fonctions, les arts fleurissent, les sciences sont cultivées, on respire par tout un doux repos, et notre Auguste Souveraine fait revivre un siècle digne d'Elle.

Ne conviendrez-vous pas, Messieurs, que l'illustre Héroïne, dont le courage débute d'une façon si glorieuse, si surprenante, est héritière des actions et des vertus de Son Auguste Père? Elle ne l'est pas moins des éloges qu'on lui donne à si juste titre, nous louons Elisabeth en exaltant Pierre le Grand. Les doctes soeurs auroient dû dès long tems consacrer Sa gloire par leurs chants, elles l'ont tenté dans une assemblée solennelle, en y célébrant les exploits incomparables de ce restaurateur, je dis tenté, oui, chers Auditeurs, sur un sujet si unique, si prodigieux, les Muses elles-mêmes ont douté de leurs

forces; elles ont craint de s'égarer dans un labyrinthe de faits incroyables, et jusqu'ici sans exemple; dans un détail immense d'actions multipliées; toutes grandes, toutes admirables, toutes héroïques; elles ont cru leur pinceau trop foible pour rendre avec énergie toutes les vertus qui caractérisent le Monarque. L'éloquence devient timide vis-à-vis d'un héros sans égal, du quel on doit dire ce que jamais on n'a dit de personne; son éloge demande une méthode nouvelle et trop au dessus des forces d'un orateur accoutumé à louer des objets susceptibles de comparaison. Le zèle cependant, le véritable amour, la tendre reconnaissance que l'on doit à Son illustre mémoire, souffriroit trop de ce silence modeste et prudent, et l'on a cru qu'il valoit mieux manquer d'éloquence: une simplicité naturelle, un discours sans art, et dont la vérité soit le seul ornement, a paru convenir dans ces tems de réjouissances publiques. Le ciel vient de donner un nouveau rélief à nos fêtes par la naissance du jeune Prince Paul Petrowitz, ce gage si désiré de la clémence divine, ce gage si chéri de la posterité, bannit toute notre timidité, et encourage le zèle, que nous avons de consacrer l'éloge de notre Héros.

Que d'objets à la fois se présentent à mes regards étonnés! Quelle choix m'embarasse, Messieurs! et par où commencer ce discours! vous parlerai je d'abord des qualités corporelles, et de la solidité des forces, les fatigues que Pierre a supportées, les obstacles qu'il a vaincus, les démontrent. M'arrêterai-je, à l'air, au port, à la taille, à la beauté majestueuse de mon Héros? inutilement. Son portrait gravé dans tous les coeurs, l'est encore à notre mémoire; et il suffiroit de citer les villes et les provinces entières, qui curieuses de voir Pierre le Grand sur sa réputation, couroient à sa rencontre, admiroient ses yeux, ces fidèles interprètes de l'ame, et qui indiquoient si visiblement le Monarque, le Héros. La vigilance, sans laquelle il n'eut pu accomplir tant de grandes actions, prouve la gaieté de son esprit et de son caractère. Passons donc, chers auditeurs, passons au détail de ses exploits. Je ne me déguise point les difficultés de la vaste carrière où je vais entrer, mais je sais, que la vraie façon de louer ce grand homme, est de reciter simplement et ponctuellement ses travaux et ses succès autant qu'il est possible de le faire.

Pierre a fait les plus grandes actions, Pierre a surmonté les obstacles les plus difficiles, Pierre a brillé des plus belles vertus, tel est, Messieurs, le partage de ce discours, que je tâcherai de renfermer dans les bornes que la breveté du tems me prescrit; ces vertus, que je vais proposer à votre admiration, ont été le mobile de toutes les grandes entreprises du père de la patrie.

Il est important de suivre ce Monarque pas à pas dans tous ses projets et dans les mesures, qu'il prend pour en assurer le succès. Pierre le Grand conçoit d'abord la nécessité d'introduire dans son Empire toutes les connoissances utiles, d'y augmenter le nombre des savants, d'y multiplier celui des artistes et des ouvriers. J'ai déjà parlé de ses soins paternels à cet égard, mon discours ne suffiroit pas pour les articuler en détail. Voyez-le, tel qu'un aigle, voltiger rapidement autour de l'Europe, inviter ses sujets par son exemple, les exciter, leur ordonner même de quitter pour un tems leur foyers et d'aller se convaincre par leur propre expérience du bien que les voyages procurent à l'état, et au citoyen qui les entreprend. Je vais ouvrir

les portes de la Russie, une foule empresseée s'eforce d'en sortir et d'y entrer; là ses propres enfants courent chez l'étranger pour y puiser les arts et les sciences qui leur étoient inconnues; ici les étrangers eux-mêmes apportent leurs secrets, leurs talents, leurs arts, leurs livres, leurs instruments. Je vois cette multitude telle que le flux et le reflux du vaste Ocean, aboutir comme de concert au même centre. Déjà les Mathématiques, la Physique, cessent d'être regardées comme une hérésie, comme un prestige, les injurieuses épithètes fille de l'ignorance, font place à l'estime qu'inspirent les deux sciences, et au respect qu'on leur témoigne dans la personne sacrée de Pierre le Grand: leur étude devient en vénération, elle est revêtue de la pourpre, elle est couronnée de lauriers, elle est assise sur le trône: on rend justice aux sciences par confiance pour leur Mécène. En effet c'est à elles, c'est aux arts décorés de l'éclat de la majesté que nous devons la découverte des biens, que nous possédons sans les connoître. Avant que Pierre nous eût éclairés, nos ancêtres étoient non seulement privés des delices et des plaisirs dont leur pays abonde, ils en ignoroient l'usage, ils n'avoient

pas la moindre idée de la plus grande partie de tous ces biens. Combien de choses utiles et nécessaires que nous n'avions autrefois qu'avec beaucoup de peines, que nous tirions à grands frais des pays étrangers se fabriquent aujourd'hui au coeur de l'Empire? au de là du besoin des sujets, il reste encore de quoi en fournir aux autres pays, nos voisins, fiers autrefois de notre ignorance, croyoient la Russie, cet Empire si vaste, hors d'état de se soutenir sans leurs secours, ils pensoient qu'au de là d'un degré très médiocre nous étions incapables d'exercer la guerre, et le commerce faute des ressources qui soutiennent l'un et l'autre: Pierre paroît et les détrompe; Sa main puissante et laborieuse fouille les entrailles de la terre, et va dans ses antres les plus profonds découvrir une source de métaux dont les trésors ouverts répandent non seulement l'abondance dans la patrie, mais nous mettent encore à portée de les rendre comme un emprunt aux autres nations. La vaillante armée Rus-sienne emploira désormais contre ses ennemis des armes tirées des mines de la Russie, et forgées par des mains Russiennes. Qu'il est difficile, Messieurs, de peindre tous les soins, toute l'ardeur du Monarque

pour la perfection de ces nouveaux ouvrages! il s'y livre, observez bien, Messieurs, il s'y livre sans cesser d'être occupé des moyens de former une armée régulière qui put défendre la patrie au dehors, assurer le repos des sujets, et étayer les entreprises importantes qu'il méditoit au dedans de l'Empire; qu'il est difficile que l'expression supplée quand toutes les facultés de l'ame suffisent à peine à l'admiration dont elles sont saisies. Le pere de notre héros, le Prince Czar Alexis Mikchaëlowitz, fameux lui même par tant d'autres endroits, avoit composé les fondemens d'une armée régulière, l'on juge des avantages qu'il en a tirés par les heureuses campagnes qu'il a faites en Pologne, et les provinces qu'il a conquises et réunies à la Russie; mais cette discipline introduite avec tant de peine et de soins, a cessé avec sa vie. Les anciens desordres ont repris leur cours, le soldat est retombé dans sa première ignorance, et l'armée bientôt après perdant toute son habileté n'a plus montré sa puissance que par le nombre de ses soldats: cet mauvais succès contre les Turcs et les Tartares, et les dangereuses rebellions des Streletz, fruit de l'indiscipline, prouvent assez combien elle étoit affoiblie. Dans des circonstances

si délicates qui croyez vous, Messieurs, devoir lui rendre cette vigueur énermée par un relachement fatal? Un enfant de douze ans éloigné du gouvernement, et préservé de la malice qui l'envirionnoit par les seules précautions d'une sage et tendre mere; un enfant de douze ans au sein de mille dangers qui le menacent, au milieu des glaives levés sur la tête et sur celle de ses proches, va devenir le restaurateur et former une armée régulière, qui bientôt sera terrible à ses ennemis; qui l'a été effectivement à l'admiration de tout l'univers. Les amusements d'un jeune Prince annoncoient-ils un effet aussi important et aussi utile? occupé sans cesse avec des jeunes gens de son âge, à manier des armes légères et à en varier les mouvements, cet exercice ne passoit alors que pour un simple jeu au point que ces jeunes gens furent nommés cojoueurs ou (Poteschniï) cependant quelques personnes plus pénétrantes développoient déjà sous les traits délicats du Prince ce courage héroïque qui l'a caractérisé, une perspicacité surprenante qui brilloit déjà dans Ses yeux, une célérité majestueuse dans tous Ses mouvements présagoient dés lors à la Russie la grandeur du Monarque, qui devoit faire sa gloire et

son bonheur. Mais combien de travaux devoit-il lui en coûter Messieurs? comment lever nombre de régiments à pied et à cheval, fournir à leur solde, les munir d'habits, d'armes, d'ustensiles de guerre, les perfectionner dans la tactique moderne, établir des règles pour l'artillerie de campagne, et de siège? Tous ces détails demandoient une parfaite connoissance de la Géométrie et de la Mécanique. Il falloit en outre former des commandants habiles; objet presque impossible en apparence par la disette de mille choses nécessaires et le défaut de pouvoir du Prince. Tout à coup cependant les nouveaux régiments de Pierre tonnent contre l'attente de la nation, contre son incrédulité et en dépit des chicanes scandaleuses et des murmures de l'envie. Les sujets fideles reprirent un juste espoir, les ennemis conçurent une crainte légitime, et ce double sentiment se mêla chez les uns et les autres, à l'admiration et au respect. L'impossible devint possible par une diligence extraordinaire et par l'effet d'un exemple jusqu'alors inoui.

L'Empereur Traïian paroît devant le Consul et s'abbaisse jusqu'à recevoir le Consulat de sa main, le Sénat le voit et s'écrie: „Cesar tu es d'autant plus grand

„d'autant plus majestueux.“ Tel nos pères ont vu leur Prince couronné, d'autant plus grand, d'autant plus majestueux par sa clémence. Ils l'ont vû non pas au nombre des candidats du Consulat Romain, mais au milieu de Ses soldats; sans prétendre à l'autorité sur Rome, mais s'asservissant aux regles qu'il avoit lui même dictées à Ses sujets. O vous lieux charmants! Théâtre heureux de cette admirable scène! quelle a dû être votre surprise à la vue d'un Prince Chef et subalterne? Général et soldat! quel spectacle pour vous que ces écoles de guerre, ces hostilités aimables concertées entre les régiments d'un même maître, ces images de combats, ces sieges, ces attaques, ces sorts construits dans votre pays même, non pour l'intéret présent de votre défense, mais pour l'apprendre à vos compatriotes à l'avenir leurs ennemis pour les conduire un jour surement à la gloire en leur rendant familiers les chemins qui y menent.

Nous ne pouvons, Messieurs, nous rappeler ces tems antérieurs, sans nous peindre aussi tout l'amour, toute l'ardeur que la nouvelle armée devoit ressentir pour son Chef, quelle émulation pour le soldat! Son Prince confondu avec lui, assis à la

même table goûtant des mêmes mets : le visage du Monarque est couvert de sueur, de poussière, rien ne le distingue, qu'une plus grande activité dans les exercices et les travaux militaires. Passant successivement ainsi que ses sujets par tous les emplois, ce sage Prince les encourage, il se met à leur niveau et prouve invinciblement que l'affabilité est le plus beau relief de la gloire et de la Majesté d'un Monarque. C'est en l'excitant ainsi par Son exemple qu'il fortifia l'armée Russe et qu'il la mit en état pendant une guerre de vingt années contre la Suède, et dans plusieurs autres campagnes, de faire retentir le bruit de Ses exploits et l'éclat de Ses exploits et l'éclat de Ses victoires jusqu'aux extrémités de la terre. Le premier combat près de Narva fut à la vérité malheureux, mais l'envie a exagéré notre défaite pour rehausser la gloire de l'ennemi en peignant la retraite de l'armée Russe sous des couleurs outrées et avilissantes. La plus grande partie de notre armée n'étoit formée que depuis deux ans ; elle combattoit pour la première fois contre de vieilles troupes aguerries aux batailles ; la dissension s'étoit glissée parmi nos généraux ; un traître avoit révélé à l'ennemi les particu-

larités secrètes de notre camp ; l'impetueux Charlès XII nous avoit surpris par une attaque imprévue, sans nous laisser le tems de nous disposer à le recevoir ; malgré tant de circonstances qui nous étoient contraires, l'ennemi n'osa nous combattre dans notre retraite, il n'osa achever sa victoire, et si les gardes Russiennes et le reste des troupes n'attaquerent pas elles-mêmes, ce ne fut pas un défaut de bravoure, mais un manque de Chefs pour les commander. Charle-douze sous le prétexte de conclure la paix, les avoit appellés pour en traiter, et les retint prisonniers ; mais nos troupes retournerent dans leur patrie avec les marques honorables d'une retraite bien conduite avec leurs armes, leur caisse militaire, leurs tambours et leurs drapeaux. Nous dûmes nos malheurs à la fatalité de ces conjonctures plutôt qu'au manque de courage ; et l'armée de Pierre quoi qu'encore au berceau pouvoit déjà lutter contre les régiments exercés des ennemis, elle en donna des preuves l'été suivant par les glorieuses victoires qu'elle remporta sur eux.

C'est à vous que j'en appelle voisins aujourd'hui pacifiques, l'éloge de notre Héros, Ses triomphes sur vous et que j'exhalte, sont des époques de votré gloire.

Il est plus grand de résister un tems à la puissance de Pierre, à celle de la Russie pour ceder enfin, que de vaincre du premier abord de foibles cohortes mal conduites. Que Charle. soit votre héros, célebrez sa valeur; tout l'univers sera d'accord de la justice que vous lui rendez: soutenez même que personne n'eût été en état de tenir tête à ce grand homme, si la providence par une grace particuliere pour notre patrie n'eût formé Pierre Premier pour être le digne rival de Charle douze.

Le zèle, l'ardeur des troupes de notre Monarque, leur courage, leur habileté, leur adresse dans le combat furent le fruit de Ses soins, de Son instruction, de Son exemple; une foule de victoires fut le prix de tant de travaux. Sans parler d'un nombre d'avantages que l'armée Russe n'appelloit déjà plus que de simples escarmouches; sans nommer toutes les villes conquises, tous les forts pris, tous les batailles gagnées: „Lissa et Poltava!“ il me suffit de vous citer. C'est alors que la providence éclata particulièrement en faveur de notre Héros, et que le ciel par les plus glorieux succès se plut à manifester d'une façon sensible combien il bénissoit les fa-

tigues de Pierre le grand, et les soins qu'il avoit pris pour former Son armée. En effet, devoit-on s'attendre que de troupes régulières, habituées dès long tems à la discipline et au métier de la guerre, conduites au combat par des Chefs illustres, commandées par des généraux habiles, dont les loisirs mêmes avoient été consacrés aux exercices militaires : devoit-on s'attendre enfin qu'une armée, pourvue d'ailleurs abondamment de toutes les munitions nécessaires, hésitât de livrer bataille à des régiments Russiens nouvellement levés et dont le nombre lui étoit infiniment inférieur? Ceux-ci sans laisser prendre haleine aux ennemis étonnés, les atteignent rapidement, leur livrent la bataille, remportent la victoire et leur Chef évite à peine d'être enveloppé dans la foule des prisonniers, pour pouvoir porter lui-même à son Prince la nouvelle de sa défaite. Charle douze en est frappé; mais Son sang bouillant et courageux s'anime de nouveau, il veut s'élever encore contre ses vainqueurs; il ne peut se persuader que les nouvelles troupes de Pierre soient en état de tenir contre une armée ancienne, a guerrie et qu'il commande lui-même. Il se livre aveuglement aux assurances har-

dies d'un traître à la Russie, et risque de pénétrer dans l'Ukraine, cette frontière de notre patrie. Déjà la présomption de Charle lui peint une conquête facile; son ame ambitieuse et vaste dispose d'avance de la Russie et se promet de subjuguier tout le Nord. Pierre, suscité par le ciel même pour le salut de Ses peuples, met une digue au torrent impétueux; la providence pour récompenser ses travaux guide Son bras et lui accorde une victoire complete sur ce même ennemi, qui fier de Son expérience bravoit les soins de notre Héros. Charle douze, victime et témoin des succès prodigieux et inatendus de Pierre I. ne peut même se soustraire, par la fuite à la bravoure reguliere de l'armée Russienne, que son imagination lui représente toujours à sa poursuite.

C'est ainsi que notre Monarque éternisa Son nom et la gloire de Son armée. En la formant, Son principal objet fut notre sureté, puisque par une loi précise il a réglé, que les troupes ne seroient jamais licentiées pas même en tems de paix, ce qui arrivoit d'ordinaire sous le regne de ses prédecesseurs. Pierre le Grand concevoit trop bien que ces sortes de réformes

attenuoient toujours la force d'un état et nuisoient à sa gloire; et il conclut que l'armée fuit toujours sur pied prête et en ordre. O soins vraiment paternels! Convaincu que de l'habileté dans l'art de la guerre dépend la sureté d'un Empire, combien de fois les larmes aux yeux et par les carresses les plus tendres n'a-t-il pas sollicité ses proches et ses fideles sujets à ne pas negliger après lui cet art si nécessaire, et à maintenir la réformation qu'il venoit d'introduire avec tant de peine et de succès. Dans le tems où le ciel, bénissant la Russie, venoit de lui accorder une paix glorieuse et avantageuse avec la Suede; dans le tems que Pierre premier recevoit de toutes parts les plus sinceres félicitations sur Ses exploits; dans les tems qu'on lui donnoit les titres légitimes d'Empereur, de Grand, de Pere de Son peuple, moins occupé de la gloire qu'il avoit acquise, que jaloux de la conserver pour Son peuple et pour Lui, ne l'a-t-on pas vu réiterer publiquement Ses exhortations au Sénat dirigent, l'inviter à ne point mépriser la profession des armes, à ne point trop se fier à la paix, et par là ne prouvoit-il pas, que si l'on ne continuoit d'entretenir l'armée sur le pied où il l'avoit

mise, les titres que l'on lui donnoit cessoient de lui être agréables.

Après avoir jetté un coup d'oeil sur l'armée de terre de Pierre le Grand, et parcouru ses forces qui dès leur naissance étoient déjà parvenues au point de la maturité, et dont les succès victorieux annoncoient l'habileté et l'exercice, voyons, Messieurs, sur les immenses plaines de l'Océan, voyons déployer à la providence les merveilles les plus éclatantes, voyons-la à l'admiration de tout l'univers choisir la main de Pierre le grand pour opérer tant de prodiges.

Le vaste Empire de Russie ainsi que le monde, ne connoit presque de limites que les mers qui l'entourent. Promenons nos regards sur ces eaux différentes, nous y verrons partout flotter le pavillon Russe. Ici les embouchures des fleuves n'ont plus assez d'espace pour contenir le nombre de nos vaisseaux. Là le poids de notre flotte fait gémir l'onde, étonnée de ces orgueilleuses machines qui jettent feux et flammes, et dont le bruit terrible retentit jusqu'aux plus profonds abîmes du fluide élément. Plus loin, j'aperçois des navires embellis par la production du plus habile ciseau, relevés des vives couleurs dont

le printemps se pare; je les vois se peindre sur le cristal des eaux et se mirer pour ainsi dire sur leur tranquille surface, dont le poli réfléchit et double leur beauté. Les ports les plus surs s'ouvrent et présentent un azile au nautonnier fatigué de ses courses, il vient y débarquer les richesses et l'abondance que son industrie emprunte des pays éloignés pour servir à nos besoins et fournir à nos plaisirs. De nouveaux Colombes, jaloux d'augmenter la puissance et la gloire de la Russie, cherchent à pénétrer les rivages inconnus; ici un autre Tiphis osant braver des glaces éternelles et les rigueurs d'un hyver toujours renaissant, risque de nager entre des montagnes flottantes pour sonder les moyens d'unir l'Orient à l'Occident. Un si court espace de tems a-t-il pu produire des miracles si singuliers? Comment la flotte Russe a-t-elle acquis si vite une expérience si glorieuse? où les Russes ont-ils pris les matériaux nécessaires à toutes ces constructions? D'où leur est venue la dextérité de les employer? Comment ont-ils sitôt connu l'usage des instruments et de la mécanique, qui conduit à la perfection des ouvrages si pénible et si varié? Ne sont-ce pas les géants de l'antiquité,

qui arrachent encore une fois le chêne et le sapin orgueilleux, qui dévastent les forêts touffues, et jettent ces armes de bois sur le rivage, pour en construire ces édifices énormes? Amphion vit-il encore? est ce lui qui par la douce harmonie de sa lyre anime ces différentes parties pour en composer un tout admirable et propre à voler sur les ondes? Aux tems reculés de la fable, la célérité surprenante de Pierre le grand dans l'établissement de la flotte, eût sans doute été attribuée à de pareilles fictions, puisque même de nos jours, où la mémoire en est encore récente, où le témoignage des écrits les plus authentiques en constate la vérité, on la regarde comme presque incroyable et au dessus des efforts de l'humanité. La lecture des uns et le récit de ceux qui vivoient alors, nous causent une satisfaction égale, mais nous laisse encore douter, au quel des deux objets Pierre le grand s'est le plus attaché, à l'armée de terre, ou à celle de mer. Quoiqu'il en soit, également actif, également industriel pour l'une et pour l'autre, il a excellé à toutes deux. S'agit-il de la guerre de terre, nous le voyons curieux de tous les termes de cet art, curieux de toutes ses progressions, passer successivement

par tous les emplois, en éprouver tous les travaux, et se mettre en état de juger par sa propre expérience de tous les devoirs pour estimer au vrai la façon dont chacun s'en acquitte, et ne rien exiger au de là de l'obligation des uns, ou du pouvoir des autres.

S'agit-il de Sa flotte, à peine a-t-il perfectionné l'esquif dont l'effet et la gloire surpassa bientôt le volume; à peine a-t-il fait cet esquif qu'il fut l'éguillon de son zèle pour la marine, que nous le voyons réunir tous ses soins à la fondation d'une flotte, que nous le voyons faire agir tous les ressorts de son génie pour concourir au succès de cette importante entreprise, qui doit sur les eaux mêmes, établir la puissance de Son Empire. Il conçoit d'abord que la réussite d'un projet si pénible dépend des lumières, qu'il acquerrera lui-même; que pour réduire le dessein en pratique, il faut trouver une occasion favorable, que fait ce grand Prince? Jadis une foule innombrable accourue au spectacle ravissant de l'armée, qui couvrait les champs de Moscovie, s'étonnant de voir à la tête de ces nouvelles troupes un héros à peine sorti de l'enfance. La maison Czariene, les principaux états, la noblesse de l'Em-

pire, témoins de cette merveille, éprouvoient malgré leur joie une juste crainte, et ces pénibles occupations les faisoient trembler pour la santé de leur Prince, qu'ils voyoient tantôt tel qu'un maître mesurer un fort régulier, tantôt creuser des fossés profonds, élever des remparts comme un simple soldat et porter par tout les ordres et l'exemple. Mais, Messieurs, que cette même foule accoure, un spectacle plus admirable va l'occuper. Pierre le Grand créateur ; d'une flotte est un nouveau prodige à tous égards ; c'est en parcourant d'abord les eaux étroites de la Moscovie, en se fiant ensuite sur la vaste étendue des lacs de Rostov et de Cubine, en se hazardant enfin sur les immenses plaines de la Mer Blanche que le Prince se confirme dans l'idée qu'il avoit prise de l'utilité de la navigation. Il quitte pour un tems son Empire, il cache les rayons de sa Majesté sous l'obscur enveloppe des vêtements du simple ouvrier, et s'applique avec eux à l'architecture des vaisseaux.

Déjà les compagnons de Son travail s'étonnent qu'un Rusien ait pu dans un tems si court se perfectionner non seulement à l'ouvrage de charpente, mais jus-

qu'au point de composer et d'assortir toutes les pièces, toutes les parties nécessaires à la construction. L'expérience qu'il s'étoit acquise dans l'architecture des vaisseaux étoit déjà parvenue à un tel degré que la Hollande n'avoit plus de quoi satisfaire son genie curieux et profond. Quelle surprise pour le reste du monde, Messieurs, en apprenant que ce n'est point un simple Rusien, mais le Souverain lui-même de ce grand Empire qui s'occupe à des travaux si pénibles? des bras formés pour porter le sceptre! des mains destinées à soutenir le globe impérial.

N'étoit-ce donc, chers auditeurs, n'étoit-ce que la simple curiosité, la simple envie de commander et d'instruire qui conduisoit notre Héros dans la Hollande, et la Grande Bretagne, et lui fit acquérir une théorie et une pratique si parfaite à l'égard de la construction de la flotte et de la navigation? Le Monarque a par tout amené ses sujets au travail; par tout il les a encouragés, non seulement par ses ordres, non seulement par des récompenses, mais par son propre exemple. Grand fleuves de la Russie! et vous rives heureuses consacrées par les pas de Pierre le Grand, sables baignés de sa sueur, vous en êtes les té-

moins oculaires! combien de fois avez-vous vu les lourdes pièces préparées pour la construction des navires, et que des ouvriers nonchalants manoeuvroient trop lentement pour son ardeur? Combien de fois les avez-vous mises en mouvement par le seul attouchement de la main de Pierre? Combien de fois avez-vous vu une foule d'ouvriers animée par son exemple construire des masses énormes avec une promptitude incroyable? Quel dut être le zèle, la surprise et la joie des peuples, à la vue de ces palais flottants prêts à lancer à l'eau! à la vue de leur fondateur, de leur architecte industriel, qui tantôt dessus, tantôt dessous, tantôt autour observait la fermeté de chaque partie, la force des machines, l'exactitude des dimensions, et reparait les fautes qu'il découvrait par lui-même, par ses ordres, par des moyens ingénieux et sur tout par l'habileté de ses mains assidues. C'est par cette activité infatigable, cette persévérance invincible dans le travail qu'au tems de Pierre premier la vitesse fabuleuse des anciens s'est réalisée.

Des succès si rapides dans la navigation, si avantageux pour la gloire de l'Empire et du Monarque, ces dignes fruits de

Ses soins et de Son industrie doivent lui avoir été bien agréables! On en juge par les récompenses dont il a comblé ceux qui travailloient avec Lui; on en juge encore plus par les marques respectables de Sa gratitude, dont il a honoré l'arbre insensible. Enfin les eaux de la Neva sont semées de batiments et de pavillons, ses rivages sont déjà trop étroits pour la foule des spectateurs, qui les décorent, l'air retentit des cris de joie et des applaudissements du peuple. Le bruit des rames s'unit au son de la bruyante trompette; l'un et l'autre s'allie au tumultueux fracas de mille bouches d'airain dont les navires sont déjà garnis; quels sont ces présages? à celui d'un esquif fragile à la vérité, mais qui tient le premier rang parmi la flotte nouvelle; representez-vous, Messieurs, la magnificence, la beauté, la puissance, les exploits de celle-ci; rappelez-vous la petitesse et debilité de celui là, et concluez avec assurance, que pour effectuer tous les deux à si peu de distance l'un de l'autre, il falloit absolument la prodigieuse hardiesse de Pierre pour l'entreprise, et Son industrie constante pour l'exécution.

N'en doutons plus, chers auditeurs, tout concourt à nous en convaincre; oui,

Pierre le Grand excelloit dans les deux genres, et sur terre et sur mer Sa force et Sa valeur furent également Héroïques et Martiales.

Mais j'apperçois, Messieurs, que ce court récit qui contient à peine une foible partie des occupations de mon Héros, m'a conduit trop avant, m'a déjà presque épuisé. Pour remplir son éloge, il me reste encore une carrière immense à fournir. Souffrez que pour ménager et le tems et mes forces, j'abrege autant qu'il me sera possible.

Fonder et porter à sa perfection une armée de terre et de mer aussi formidable, construire de nouvelles villes, élever des forts redoutables, ouvrir de nouveaux ports, joindre les rivières par de grands canaux, fortifier les frontières, les garantir par des fossés profonds, soutenir une guerre de longue durée, fournir à des campagnes fréquentes en pays éloignés, ériger des édifices publics et particuliers suivant les principes d'une nouvelle Architecture, faire fleurir les sciences et les arts par tous les moyens qui y concourent, rassembler des gens habiles en tout genre, entretenir de nouveaux officiers de cour et de magistrature, en un mot être créateur à tous égards, tel est, Messieurs, le précis des travaux

de Pierre le Grand. Au delà des peines inouïes l'on juge assez quelles sommes immenses il a dû lui en coûter, les revenus de ses ancêtres n'y pouvoient suffire en aucune façon. Aussi ce grand Monarque fit les plus grands efforts pour trouver des moyens d'augmenter les revenus extérieurs et intérieurs de l'Empire, sans cependant oberer le peuple. Sa pénétration les lui fournit et lui montra, qu'une seule institution pouvoit d'un même coup accroître le trésor, et affermir la sûreté commune de ses sujets.

En effet avant que le nombre du peuple Russe fût fixé, et que le séjour de chaque habitant fut comme avant que l'on eût aboli la licentieuse coutume de changer de domicile et de se transporter à volonté, le libertinage étoit au plus haut point; on voyoit les rues jonchées de faînéans hardis et dangereux, les grands chemins, les rivières mêmes étoient souvent fermées par des voleurs et des troupes d'assassins, qui ravageoient quelques fois non seulement des villages, mais des villes entières.

Le sage Héros heureux en métamorphoses utiles changea le mal en bien, l'oisiveté en industrie, les brigands en défen-

seurs, il fit un dénombrement exact de Ses sujets, leur assigna des demeures fixes et imposa à chacun d'eux un tribut léger, mais connu. C'est par ce moyen qu'il forma des revenus intérieurs à la couronne, en augmentant le nombre de ceux qui payoient les impôts. C'est par ce moyen qu'il encouragea le travail et qu'il fortifia la discipline militaire. Tels qui dans les circonstances précédentes seroient restés des brigands dangereux, devenoient des citoyens utiles, parce qu'ils étoient obligés de se tenir prêts à mourir pour la patrie.

Sans m'arrêter, Messieurs, à plusieurs autres institutions également sages qui ont contribué à enrichir l'état, passons à ce qui regarde l'accroissement des revenus extérieurs. La providence favorisoit visiblement les soins et les desseins de Pierre, elle ouvrit par ses mains de nouveaux ports sur la Baltique près des villes, ou conquises par sa bravoure, ou construites par ses propres travaux: de grandes rivières furent réunies pour faciliter le commerce, il établit des reglements de péage, et fit des traités de commerce avec les nations étrangères. Le début de ses institutions prouve combien elles étoient avantageuses, puis qu'après une guerre de vingt

ans, la Russie s'est trouvée néanmoins exempte de dettes.

Ne croyez pas au reste, chers auditeurs, que ce foible esquisse vous représente toutes les grandes actions de Pierre le Grand. Combien n'en reste-t-il pas encore que mes reflexions ne peuvent rappeler, et que ma voix ne suffiroit point à vous réciter. C'est à vous, Messieurs, c'est à vous que je laisse juger particulièrement quel soins, quelles peines il a fallu, pour fonder et constituer le Sénat dirigeant, le très saint Synode, les Colleges de l'Empire, les Chancelleries et d'autres Tribunaux, leurs Reglements, leurs Loix! quel travail pour embrasser à la fois tant d'objets! l'arrangement de l'état, l'introduction des marques extérieures du mérite et de la faveur; la politique, les ambassades, les alliances. Que le génie de Pierre vous anime, Messieurs, qu'il vous éclaire sur tons ces prodiges; je me borne simplement à les raconter. Supposons un Russien sorti de sa patrie avant les entreprises de Pierre le Grand, supposons qu'il ait habité des climats où le nom de Pierre premier n'ait point pénétré, s'il en est dans le monde. A son retour que penseroit le voyageur en revoyant la Russie, en y trouvant les arts

en vigueur, ses compatriotes instruits des nouveaux vêtements, de nouvelles moeurs, une conversation nouvelle, une architecture différente, des maisons embellies d'ornemens nouveaux, de nouveaux forts, enfin un changement total et sensible jusques dans le cours des fleuves, et aux bornes de la mer: que penseroit-il en pareil cas? ne croiroit pas que son absence a duré des siècles, ou que si ces chefs d'oeuvres sont l'ouvrage d'un tems si court, tout le genre humain s'est réuni pour les finir? on ne se persuaderoit-il pas, qu'une scene si differente, si agréable, n'est que le pur effet d'un songe?

Ce discours, Messieurs, dont le crayon leger ne peint pour ainsi dire, à vos yeux que l'ombre des hauts faits de Pierre le Grand donne cependant j'espere quelque idée de leur grandeur, mais rien ne décide plus Son éloge et ne le relève d'avantage que les obstacles qu'il a dû vaincre. Obstacles terribles et dangereux qui le barroient dans Sa carriere, et qui s'opposoient au cours de notre prosperité. Tel est l'état de l'homme en général, sujet sans cesse aux vicissitudes, les succès dépendent quelque fois des contrastes, et ceux-ci naissent des succès eux-mêmes. Les attaques du

dehors, les troubles du dedans, tout paroissoit d'accord pour ruiner les entreprises de notre Héros, mille dangers le menaçoient et lui préparoient de funestes revers dans le tems même où il réformoit la Russie. La guerre dérangeoit les affaires domestiques, celles-ci interrompoient les succès de la guerre dont le projet seul avoit été déjà nuisible. Au fort de tous les embarras, ce grand Monarque sort de la patrie accompagné d'une ambassade somptueuse, il veut parcourir l'Europe, connoître les autres nations, apprendre leurs usages et les appliquer à Son retour au bien de Ses sujets: mais à peine a-t-il franchi les bornes de son Empire qu'il rencontre des obstacles terribles et secrets: passons-les sous silence, Messieurs, ils sont trop sçus de tout l'univers, il me semble même que les choses inanimées ont connu le danger qui menacoit l'espoir de la Russie. Les eaux de la Duna l'ont senti, elles ont ouvert à leur dominateur futur un sentier à travers des glaces épaisses pour le sauver des pieges qu'on lui avoit dressés, et en se débordant en suite elles ont paru vouloir annoncer aux rivages Baltiques les risques, dont le Monarque étoit heureusement échappé.

Après les avoir évités Pierre continue promptement sa route, il satisfait ses yeux et son coeur, il orne son esprit, mais, hélas! forcé par les circonstances d'abrégger le cours de ses voyages, quel combat va-t-il se livrer à lui même? entraîné d'un côté par la curiosité et le désir d'acquérir des connoissances utiles, sollicité de l'autre par sa malheureuse patrie qui le rappelle, qui l'invite, qui lui tend les bras, qui lui crie: „Reviens, retourne promptement vers moi; les traitres dévorent mon sein, tu voyages pour augmenter ma félicité, je le sais, je le ressens avec reconnaissance, mais dompte premièrement les monstres qui me déchirent, tu t'es séparé des tiens pour avancer ma gloire; j'estime cette ardeur, mais apaises d'abord les troubles dangereux qui m'assiègent; tu as quitté pour un tems le sceptre et la couronne que tu tenois du ciel, tu caches sous une forme ordinaire les rayons de Ta Majesté, c'est pour m'éclairer d'avantage, je le conçois, je le desire, je m'en flatte je l'espere, mais détourne d'abord les nuages obscurs que des desordres licencieux ont répandu sur l'horizon de ton domaine.“ A ces accents plaintifs un tendre sentiment ramene

*

le Monarque, il revient pour calmer l'orage: telle est, Messieurs, la nature des obstacles qui ont interrompu les glorieuses entreprises de ce Héros. Une foule d'ennemis l'environnent de toutes parts, la Suède, la Pologne, la Crimée, la Perse, plusieurs peuples orientaux, la Porte Ottomane, lui firent la guerre au dehors. Les Strelietzs, les Fanatiques, les Gosaques, les brigands ravagoient l'Empire au dedans dans sa propre maison, parmi ses proches les crimes, la haine; la trahison conspiraient contre sa précieuse vie. Il est difficile de détailler exactement toutes les horreurs, il est difficile de les entendre sans répandre des larmes. Dans un tems consacré à la joie tournons, Messieurs, tournons nos regards sur des objets gracieux.

Le Ciel aida Pierre à surmonter tous les obstacles qui s'opposaient à l'élévation de la Russie: il a favorisé Sa probité, Sa sagesse, Sa générosité, Sa bravoure, Sa sincérité, Sa clemence, Son industrie. Ses divins secours ont été la digne et juste récompense de la foi du Monarque, et de son zèle pour l'Etre suprême; ils ont éclaté l'un et l'autre dans toutes ses entreprises et dans toutes ses actions. Pierre I n'eut jamais de plus grands plai-

sirs que dans le temple du Seigneur; il y assistoit, non comme un auditeur oisif du culte divin, mais partageant lui même le soin de le célébrer, sa voix se mêloit ordinairement à celle des chœurs; il quittoit souvent sa place pour se confondre avec eux, et les actes marqués de la dévotion du Monarque excitoient celle du peuple, et la rendoient plus fervente. Parmi la foule d'exemples de la piété de ce vertueux Prince que l'on pouroit citer, choisissons seulement, Messieurs, celui qu'il nous donna en allant au devant du corps du saint et vaillant Prince Alexandre. Quel spectacle! quel modèle! les chevaliers rament, l'Empereur lui-même tient le gouvernail; il ne rougit point d'employer ses mains sacrées au travail des gens vulgaires. Cet acte d'humilité lui paroit glorieux pour l'amour de la religion. C'est d'elle en effet qu'il a toujours emprunté le secours; c'est par elle qu'il a échappé aux trahisons, aux dangers les plus éminents. C'est Dieu seul qui le garantit à Poltava, c'est le bras de l'Eternel qui fit tomber les murs de Nârva, comme autrefois ceux de Jericho, et ce prodige s'opere pendant la célébration du culte divin, sans l'aide des instruments meurtriers de la

guerre. A cette piété solide Pierre-le-Grand joignoit toutes les qualités dont l'humanité puisse être susceptible; l'Eternel les lui accorda sans doute pour récompenser sa confiance, et l'on peut dire qu'il avoit reçu de Dieu le don éminent de la sagesse: gravité dans les jugements, noble simplicité dans le discours, majesté dans l'expression, ardent et jaloux d'acquérir des connoissances utiles, docile aux conseils, prudent dans toutes ses actions, persévérant dans les entreprises: c'est à des talents aussi rares que la Russie doit la nouvelle forme qu'elle a prise. Pierre I introduit les sciences, fait fleurir les arts, contracte des alliances, envoie des Ambassadeurs, rompe les projets de ses ennemis; Sa sagesse sait pourvoir à tout, ami généreux et juste que ne fait-il pas en faveur des Princes opprimés? à l'un il conserve la couronne, il rend à l'autre celle, que ses ennemis lui avoient arrachée; cette sagesse qui brille dans toutes Ses actions, est encore étayée du courage le plus héroïque; à la fois admirable et terrible tout en lui concourt à caractériser le héros.

Pierre I dès Sa plus tendre enfance avoit donné des preuves de Son intrépidité dans les exercices militaires; à peine

connoissoit-on encore l'usage des bombes, que le jeune Prince curieux d'en étudier l'effet, s'exposoit sans ménagement à ses effets dangereux, malgré les allarmes de ses proches, les inquiétudes des Grands, et les craintes du peuple, aucun danger ne l'arrêta jamais dès qu'il fut question du bien de Sa patrie. Voyez-le, Messieurs, traverser l'espace immense des mers pour aller s'instruire chez l'étranger, voyez-le se fier intrepidement aux fureurs et à l'inconstance de cet élément, dont les vagues orgueilleuses, témoins de Sa fermeté, se brisent contre Sa flotte, et semblent pour le prouver unir l'horreur de leurs mugissements à la flamme dévorante et au bruit du métal dont l'air retentit, rien ne l'ébranle. Ici les champs de Poltava présentent mille morts. Pierre le Grand les traverse sans être ému; une grêle de boulets ennemis, une foule de glaives qui le menacent, ne peuvent ralentir son activité ni ses opérations; il dispose son armée, il l'arrange, il la parcourt, il l'anime, sa voix prend le dessus, elle perce le tumulte et va porter à chaque légion, au cœur de chaque soldat l'ardeur et le courage du chef. Et toi brûlante Perse, tes fleuves rapides, tes marais fangeux, tes montagnes

escarpées ont-ils pu arrêter la valeur de notre Monarque? Tes sources empoisonnées, tes sources arides; les incursions fréquentes de tes peuples vagabonds ont-elles pû empêcher ta conquête? tes villes remplies d'armes et de Russiens, ont-elles pû détourner le triomphe du Héros.

Le tems, Messieurs, ne me permet pas un plus long détail des faits prodigieux du courage de Pierre le Grand. Je passe sous silence plusieurs batailles, plusieurs victoires remportées sous Ses yeux, sous Ses ordres. Aussi généreux que brave, admirons-le dans toutes ces différentes parties, dont chacune exigeroit un éloge particulier.

La générosité est le propre des grandes ames, elle orne les victoires, elle affecte, elle touche bien plus que la valeur: celle-ci doit souvent beaucoup à des causes fécondes, le secours des alliés, l'avantage des tems et des lieux contribuent aux triomphes; la fortune elle-même se croit en droit de s'en attribuer la plus grande partie, elle se regarde comme l'ouvrière des heureux succès. La générosité du conquérant ne doit rien qu'à elle-même. Se vaincre est la plus glorieuse victoire. Le héros, les alliés, les circonstances du tems

et des lieux, la fortune même, cette fiere maitresse des événements humains, n'y ont aucune part. L'esprit admire les conquérants, le cœur chere les ames généreuses: tel étoit notre Monarque. Il quittoit la colere en même tems que les armes; jamais il n'ôta la vie aux ennemis que le sort des combats fit tomber entre Ses mains; au contraire, il n'usa des droits qu'il avoit acquis sur eux, que pour les combler d'honneur et de bienfaits. J'en appelle aux Suedois vaincus à Poltava, quelle dut être leur surprise, lors qu'au lieu des fers qu'ils attendoient, on leur rendit ces mêmes épées dont ils s'étoient servis contre nous; lors qu'au lieu de languir dans une prison, ils se virent assis à la table du Monarque; lors qu'au lieu des insultes qu'ils craignoient, ils furent accueillis et félicités comme nos maitres dans l'art de la guerre; à des traits si frappants, peut-on méconnoitre la générosité du Vainqueur? Cette vertu ne marche jamais seule, elle est ordinairement accompagné de la justice, qualité essentielle de Pierre le Grand.

Le premier devoir des Rois est de gouverner avec modération et avec équité, de récompenser le mérite et de punir les

crimes. La guerre, les grandes occupations, et surtout la brièveté de Sa vie ont empêché notre Monarque d'établir des lois claires et immuables sur tous les objets; cependant il y donna tous Ses soins, et les institutions et les reglements qu'il nous a laissés lui ont couté un travail qui souvent a pris sur son sommeil. Dieu réservoir sans doute à la digne Fille d'un tel Pere la gloire de perfectionner cet ouvrage pendant le cours de Son regne béni et pacifique. Pierre I n'eut pas le loisir de rédiger toutes les loix, mais la justice étoit dans son coeur; tout ne fut pas écrit, mais tout fut executé en effet. La justice dictoit dans les tribunaux des arrêts, que Sa clémence y mitigeoit dans le tems même que le crime traversoit Ses desseins, et auroit dû l'exciter à la rigueur. Un seul exemple prouvera cette vérité. Il pardonna des crimes horribles à des personnes du premier rang, et pour témoigner combien cette clémence satisfaisoit Son coeur, il la rendit éclatante, en les admettant à Sa table au bruit du canon. Envain oppose-t-on contre lui l'exécution des Strelietz, elle ne peut être blâmée; mettons-nous à Sa place, faisons les mêmes réflexions que Sa compassion pour Ses sujets et Son propre

danger ont dû lui faire naître et jugeons ensuite. Les maisons et les rues de Moscou sont teintes d'un sang innocent; les veuves pleurent, les orphelins gémissent, les femmes violées se désolent, Sa propre Famille n'est point à l'abri d'une calamité si pressante; plusieurs de Ses parents ont déjà perdu la vie, un fer meurtrier Le menace Lui-même; Dieu seul a préservé cette Tête sacrée, Dieu seul a donné la force de surmonter tant d'obstacles, d'échapper à tant de dangers, de résister à tant de fatigues; et tandis qu'il s'expose à celles d'un voyage long et difficile pour le seul avantage de Sa patrie, on traverse tous ses desseins, on interrompt tout Son travail, on le force à renoncer à ce voyage, Sa plus délicieuse occupation. Le cri douloureux de son pays opprimé, les clameurs tumultueuses des traîtres qui le déchirent, le rappellent. Que fera-t-il, Messieurs, dans une conjoncture aussi délicate? Bientôt les places publiques seront jonchées de cadavres, les maisons pillées, les temples détruits, la flamme menace Moscou de toutes parts, et la chère patrie ne sera peut être qu'un triste monceau de cendre. Quel spectacle pour un Héros, pour un père tendre? ne doit-il pas arrêter le cours de

dé ce torrent rapide, tout prêt à submerger son domaine; ne doit-il pas par des exécutions terribles couper la racine et arrêter les progrès d'un mal si funeste? n'est-il pas comptable au Roi des Rois des larmes du malheureux, et du sang qui va se répandre? Oui, Messieurs, et la nécessité d'une pareille justice fut sans doute le seul et le vrai motif de Sa rigueur. Elle ne fut jamais dans Son caractère, Son cœur compatissant et modéré étoit naturellement porté à la clémence, on en juge par la bonté, avec laquelle il traita toujours Ses sujets. Ce Héros si grand par Sa Majesté, si rare par Ses talens, si fameux par Ses actions l'étoit encore plus par Sa clémence, elle relevoit; elle décoroit les autres vertus. Affable, familier, populaire, combien de fois nous l'avons vu, Messieurs, seul à pieds, sans suite, dégagé de la pompe et du faste qui suit d'ordinaire un Monarque, se mêler avec ses sujets, marcher avec l'un, lier conversation avec l'autre et presque toujours au niveau de tous. L'histoire citée des peuples, qui ont porté leurs Princes sur leurs têtes sur leurs épaules, la clémence de Pierre le Grand l'éleve bien au dessus de ces Monarques. Pierre, justement nommé le Grand; le fut en effet

à tous égards et en toutes rencontres, il l'étoit, Messieurs, même dans le repos, même au sein des plaisirs; c'est alors que l'on traitoit des affaires les plus importantes, le sérieux des affaires n'alteroit point le plaisir, et la libre simplicité du plaisir ne nuisoit point à l'importance des affaires; avec quelle bonté ne recevoit-il pas Ses fideles sujets admis à Sa table, assis à Ses côtés, on ne distinguoit plus le Monarque, on ne voyoit qu'un cercle d'amis, il converse avec eux, il les écoute, il leur répond, il les consulte. Si la frugalité des mets abrege le tems du service, l'abondance des discours, leur variété, leur utilité, leur affabilité prolonge la séance et l'agrément. C'est avec Ses peuples qu'il Se délasse des peines qu'il prend pour eux, Sa bonté les encourage; ici c'est un artiste qu'il récompense, qu'il anime par Sa visite, par Son exemple, il s'occupe avec lui, il l'excite; là c'est un sujet simple, mais fidele, dont il honore la cabane par l'éclat de sa majesté; ce n'est point un Monarque qui commande, c'est un ami qui invite au travail, ce n'est point une contrainte, c'est un bienfait; capable de tous les détails Pierre le Grand veut bien y descendre; le jour ne suffit pas à Son acti-

vité, il le prévient, il le devance et le soleil semble ne se lever que pour éclairer les pas du Héros que Sa vigilance a déjà conduit à plusieurs occupations : propre à tout il s'y livre avec une ardeur égale, tantôt assis aux tribunaux dirigeant, aux colleges de l'Empire où la justice se distribue, Il préside aux arrêts qui s'y prononcent, Il assiste à la décision des affaires qui s'y traitent : du sanctuaire de Themis Il passe au temple des arts, Il les produit, Il les anime, Sa main souvent aide à les porter à leur perfection. Edifices publics, vaisseaux, ports, forteresses, monumens de Son amour pour Son peuple, de Son attention pour ses besoins, de Ses soins pour sa sûreté il fut votre créateur ! Vaste dans ses projets, rapide dans leur exécution, habile à se reproduire nous l'avons vu se multiplier pour ainsi dire et se trouver par tout à la fois. A peine a - t - il étonné la Mer Blanche qu'il reparoit sur la Baltique ; à peine Ses vaisseaux ont-ils flotté sur les eaux d'Azow, que les ondes Caspiennes mugissent sous le poids de Sa flotte naissante. Quelles courses ! quels trajets ! quels voyages ! disons mieux, Messieurs, quel vol rapide et prodigieux ! rendez en compte fleuves célèbres

dont Pierre honora les rives de Sa présence, Dwina, Dnieper, Don, Volga, Bugh, Wistule, Oder, Elbe, Danube, Seine, Tamise, Rhin combien de fois votre cristal a-t-il eu l'avantage de réfléchir l'image du Héros, combien de fois s'est elle peinte sur vos surfaces? Il est impossible, Messieurs, de rendre avec exactitude, les travaux innombrables du Monarque, Ses soins, fatigues surprenantes; bornons nous à les admirer, et puis que notre oeil n'a pu le suivre dans tous ces différents endroits où Son activité le portoit presque en même tems; que notre coeur au moins l'y accompagne, qu'il se les rappelle, et consacrons à la mémoire comme des monuments précieux et les lieux où il s'est trouvé, et les lieux où il s'est trouvé, et les ouvrages qu'il a faits. C'est ici, dirons nous, que Pierre le Grand s'arrêta; à cette source il étancha Sa soif; c'est là qu'il travailloit comme un simple ouvrier avec les gens les plus vulgaires; ici il dicta, il écrivit les loix; plus loin il construisit des vaisseaux, voici les ports que Sa main a creusés, forteresses qu'il a bâties, c'est là qu'il s'est trouvé comme un ami au milieu de Ses sujets. Tout respire Ses soins paternels, tout les indique; tel qu'un astre

par son cours, ou telle que la mer par son flux et reflux, Ses soins et Ses peines le tinrent dans un mouvement continu pour l'amour de nous: mon esprit me transporte par tout, et par tout je trouve Pierre le Grand: un seul homme, a-t-il opéré tant de travaux; et la Siègne a été si courte: Ah! Messieurs, après des faits si inouis à qui pourrons-nous comparer justement notre Monarque? l'antiquité ne me fournit aucun parallèle, j'y vois des Princes appelés grands, ils l'étoient en effet relativement à d'autres Princes plus petits qu'eux; mais combien ne sont-ils pas infiniment inférieurs à Pierre le Grand? L'un a fait des conquêtes rapides, mais il a négligé ses propres états, ici c'est un guerrier fier des dépouilles de l'ennemi qu'il a vaincu, mais ces dépouilles sont teintes du sang de ses peuples, il n'a travaillé que pour son ambition particulière, et ses triomphes ont coûté des larmes à ses sujets. Tel possédoit des vertus éclatantes, qui ne put soutenir le poids d'une couronne. Tel fut terrible sur terre qui sur mer ignora l'art de combattre, celui-là fut ami des arts, et craignit celui de la guerre, je ne vois rien enfin, qui me rapproche de mon Héros. Rome seule peut

fournir quelque exemple, réunissons, Messieurs, en un seul point de vue ce que 250 années (intervalle depuis la première guerre Punique jusqu'à Auguste) ont pu produire sous les Nepos, les Scipions, les Marcellus, les Regulus, les Metellus, les Catons, les Sylla. Nous aurons une idée de ce qu'à fait Pierre le Grand pendant la courte durée de sa vie. J'ai souvent réfléchi aux moyens de peindre sensiblement celui dont la toute puissance meut le ciel et la terre, celui dont le souffle agite les eaux, dont la volonté transporte les montagnes, mais la foiblesse de nos idées ne peut concevoir la divinité. On la représente ordinairement sous une forme humaine, et s'il est un homme semblable, selon notre portée à l'Être Suprême, je n'en vois point d'autre que Pierre le Grand.

Son amour pour nous et Ses bienfaits l'ont fait nommer le Père de la Patrie, mais ce titre est encore trop foible. Que ne lui devons-nous pas surtout, Messieurs, pour le trésor qu'il nous a laissé dans la personne de son auguste Fille notre gracieuse Souveraine, que son courage a placé sur un trône, et dont le regne glorieux a calmé l'Europe et comblé Ses sujets de bienfaits.

ЧАСТЬ II.

30

Exauce-nous, grand Dieu, en faveur des travaux de Pierre, des soins de Catherine, nous t'invoquons par ces mains augustes et sacrées, et par les larmes qu'ont versé les deux soeurs et filles de Pierre en se separant; exauce-nous, et daigne accorder une longue vie et une nombreuse postérité à nos Monarques.

Et Toi, Ame illustre et divine, qui brille dans l'éternité, et dont le lustre obscurcit tous les autres Héros, pare-Toi, jouis de Ta gloire, Ta Fille regne, Ton Neveu est son Héritier, nos voeux sont accomplis, Ton arriere Neveu vient de naître, Tes soins nous ont élevés, affermis, éclairés, embellis. Ceux d'Elisabeth nous soutiennent, nous encouragent, nous protegent et nous rendent fameux. Daigne agréer comme un témoignage de notre gratitude cet ouvrage en effet peu digne de toi; car tes mérites snrpassent tous nos efforts.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	страниц.
Полидоръ, Идилія.	1
Письмо къ Ивану Ивановичу Шувалову.	8
Письмо о пользѣ спекла.	10
Спихи Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ на Фейерверкѣ.	28
Письмо *поздравительное Графу Григорью Григорьевичу Орлову.	30
Спихи о превосходствѣ новоизобрѣщенной Аршиллеріи предѣ спарою Графомъ Пеш- ромъ Ивановичемъ Шуваловымъ.	36
Трагедія Тамира и Селимъ.	43
— Демифоншъ.	119
Героическая поема Пешръ Великій.	191
Письма къ Ивану Ивановичу Шувалову.	245
Два разговора изъ Эразма.	282
Слово похвальное Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.	299
Оное же на языкѣ Латинскомъ.	334
Слово похвальное Государю Императору Пешру Великому.	365
Оное же на языкѣ Французскомъ.	413
